

*Но Иисус тотчас заговорил
с ними и сказал: ободритесь;
это Я, не бойтесь.*

Мф. 14, 27

О СТРАХАХ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА

ДАНИЛОВ МУЖСКОЙ МОНАСТЫРЬ
Даниловский благовестник
Москва • 2010

УДК 271.2
ББК 86-372
О - 11

ДАНИЛОВ СТАВРОПИГИАЛЬНЫЙ
МУЖСКОЙ МОНАСТЫРЬ г. МОСКВЫ
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

*Издательство
«Даниловский благовестник»*

О СТРАХАХ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА – М:
О-11 Даниловский благовестник, 2010. – 208 с.

ISBN 978-5-89101-406-0

Жизнь современного человека полна страхов, буквально пронизана ими. Человек боится болезней, боится испытаний, боится за детей и близких, боится настоящего и боится будущего, боится смерти и боится жизни. «Чего только не страшатся люди в мире! Отошедшие от своего доверия к Творцу, они строят свою земную жизнь, окруженные тревогами, опасениями, страхом и ужасом», – пишет один из наших авторов.

Этот сборник, составленный из статей и проповедей современных проповедников и духовных писателей, не только поможет разобраться в причинах наших всевозможных страхов, но и покажет путь избавления от них, чтобы мы смогли найти покой душам нашим, к которому призывает нас Господь.

УДК 271.2
ББК 86-372

© Данилов ставропигиальный мужской монастырь, составление, верстка, оформление, 2010

ISBN 978-5-89101-406-0

Глава I

О СТРАХАХ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА

О страхе Божием и страхах вражьих

*Есть истинная вера,
а есть суеверие.
Есть страх Божий,
а есть страх вра-
жий. Прекрасно
об этом сказал
Георгий Затворник:
кто демонов боится,
тот имеет
не страх Божий,
а страх вражий,
от неверия рож-
денный.*

О страхе Божиим и страхах вражьих

Прежде всего возьмем Евангелие от Иоанна: *В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог* (Ин. 1, 1). Главное свидетельство того, что человек является образом Божиим, – это то, что он обладает словом. Это вопрос очень серьезный. Потому что при всех потугах низвести человека до скотского состояния, то есть при всех усилиях произвести его от обезьяны, самый главный вопрос – «А как он научился говорить?» – не поднимается, ибо ответа нет.

Когда вопрос касается какого-либо явления, то это явление характеризуется через слово. Слово – это то, за чем стоит сущность. Это очень важный момент, потому что ведь на самом деле *в начале было слово*. В Библии читаем: *И сказал Бог: да будет свет. И стал свет... И сказал Бог: да будет твердь... [И стало так.] И создал Бог твердь* (Быт. 1, 3, 6). То есть каждое слово у Бога – это сразу дело, сразу определенная сущность. Господь, когда сотворил все живое, привел к Адаму, чтобы тот нарек всем имена, то есть запечатлел словом. Поэтому слово на самом деле – это, пожалуй, самое главное. Поэтому и понятие «слово Божие» распространяется и на произнесенное слово, и вообще

на все, что существует. И любой духовный вопрос основывается на каком-то слове, имени. Поэтому призывание имени Божия всесильно. *Именем Моим бесы ижденут...* (Мк. 16, 17). А призывание имени темной силы, прямо скажем, опасно и даже вредно. Смысл слова настолько велик, что на самом-то деле – есть такое изречение – истина себя сама защищает. Даже, например, слово «безбожник» – ведь корень этого слова все равно Бог, а без- – только приставка. Но ведь сущность обозначает корень слова, а приставка – это только оттенки этого значения. Пре-красный – то есть очень красивый. Пре-подобный – в высшей степени подобный.

Поэтому если мы о чем-нибудь говорим, то надо быть внимательными к каждому слову. Очень важно преподавание церковнославянского языка в школе, потому что он учит бережному отношению к слову. Ведь по-славянски как пишется – так и произносится. Никаких смягчений, никаких превращений не допускается, все должно быть буквально, как написано. Поэтому когда вопрос касается тем, которые очень важны для понимания духовных вещей, в том числе и понятия страха, то в псалме ведь прямо сказано: *Начало премудрости страх Господень* (Пс. 110, 10). А для современного человека это звучит не очень понятно.

Но дело все в том, что слово имеет смысл изначальный, или, можно сказать, главный. А иногда, и даже очень часто, в истории человечества слово меняет свой первоначальный смысл и начинает обозначать другие понятия. По каким-то аналогиям, может быть, по какому-то подобию. И очень часто смысловое значение слов начинает меняться, даже почти на противоположное.

Например, в таких словах – «в заповедех Твоих поглумлюся» (Пс. 118, 15). В нашем, современном понимании «глумиться» – это издеваться, насмехаться, кощунствовать. А было у слова «глумиться» другое значение – рассуждать, размышлять, поучаться. Но если раньше размышления о заповедях Божиих были связаны с деятельным их пониманием, то есть человек размышлял в соответствии со своим личным духовным опытом, это было богословское размышление, то современный человек далеко отошел от духовного опыта.

Это беда современных людей, что они, оторвавшись от духовных вещей, говорят о них, хотя толком в них ничего не понимают. То есть размышляют с помощью слов в их современном понимании о вещах, о которых вообще-то современный человек не имеет никакого представления, а говорит от своего ума, своих умствований. Иван Киреевский, например, считал, что размышление над духовными вопросами, оторванное от деятельной духовной жизни, от истинно правильного понимания вещей – это развлечение. То есть это уже почти и есть «глумиться» в современном понимании.

Это относится и к понятию «страх» как духовному состоянию. Но все-таки когда встает вопрос о страхе, то прежде всего речь должна идти не о страхе в его современном понимании, а о страхе Божиим, который является началом всего. Это тот страх, о котором в другом месте Писания сказано: *Работайте Господу со страхом и радуйтесь Ему с трепетом* (Пс. 2, 11). То есть это страх, который основан на трепете и благоговении перед величием Божиим, и страх того, что это чувство можно из-за какого-то согрешения или

даже тени согрешения потерять. Это так же, как мы боимся разбудить, побеспокоить дорогого нам человека, боимся оскорбить кого-то, обидеть – эти боязнь и страх святы. В этих словах особое значение – все боящиеся Господа прославляются.

Но есть истинная вера, а есть суеверие. Есть страх Божий, а есть страх вражий. Прекрасно об этом сказал Георгий Затворник, что кто демонов боится, тот имеет не страх Божий, а страх вражий, от неверия рожденный. То есть потеря страха Божия – это отступление от истинной веры, и оно приводит или тоже к вере, но только во врага, или к страху перед диаволом. Это как раз и есть состояние, в которое часто люди, не имеющие веры и страха Божия, впадают, у них вместо богословия – «бесология». То есть они везде уже видят только это, у них все разговоры только о порче, о бесах. Кстати, один из близких к нам подвижников благочестия святой праведный Алексей (Мечёв) считал, что не надо даже говорить о бесах. Когда его один священник спросил, что делать, если враг стал сильно досаждать: что-то странное все время начало происходить, вещи пропадать, что-то сгорело, сам он начал вдруг на ровном месте спотыкаться, падать, разливать все, – в общем, он понял, что это происки лукавого, стал раздражаться. Отец Алексей ему на это сказал: «Не обращай внимания, а то и там, где нет ничего, будешь это видеть».

Есть страх Божий, а есть страх человеческий. Когда человек боится собак или мышей – это страх человеческий, то есть страх каких-то видимых вещей. А есть страх вражий – это когда чрезмерно боятся бесов.

Помню, как в одной глухой деревне какой-то мальчишка повздорил с другими, бежит от них, с

прутиком, босой, и кричит: «Не боюсь я никого, кроме Бога одного». Было очень умилительно это слышать, так это было просто, по-детски и так верно. Ведь когда нас крестят, мы отрекаемся от сатаны. Это же все не случайно, во всем этом глубокий смысл. Ведь предстоит много всяческих искушений – целая жизнь предстоит, и враг будет все время преступать и пытаться смутить душу. Поэтому Церковь сразу же предупреждает, что не надо бояться.

Преподобных отцов враг часто искушал страхом, подсылал всяких страшилищ, змей. Когда мне пришлось причащать уже незадолго перед смертью одного из наших исповедников, отца Ефросина (Данилова) – он жил в Зосимовой пустыни и потом 10 лет провел на Колыме, – он сказал мне замечательные слова: «Берегись чувства страха! Иначе будешь сдавать все позиции». Исповедник уже нашего времени старец архимандрит Иоанн (Крестьянкин) в своем слове о страдании говорит, что не следует бояться страдания, потому что бремя страдания состоит на одну треть, а иногда и на добрую половину, из страха перед страданием.

Страх – это, конечно, искушение и вражеское действие. Враг старается за счет страха держать человека в постоянном напряжении. А напряжение, как мы знаем, очень много сил забирает у человека. Ведь когда человек в нервном напряжении, переживает какую-то личную трагедию, то человек теряет силы, даже худеет. Враг знает это, поэтому старается все время человека в этом состоянии держать – в ожидании каких-то тяжелых событий, болезней, в состоянии постоянного страха перед ними.

Самый характерный пример – это то, что в наше время постоянно делают: постоянно говорят о приближающихся каких-то страшных катастрофах, войнах и морах, стараются держать людей в неослабном напряжении, когда одна угроза тут же сменяется другой. Так всячески стараются нагнетать страх. Об этом страхе уже давным-давно сказано: *Люди будут издыхать от страха и ожидания бедствий, грядущих на вселенную* (Лк. 21, 26). Один из самых распространенных в последние времена способов привести человека в изнеможение, заставить его делать неправильные шаги – это запугать, поселить в человека страх и постоянно подпитывать его.

Так что, действительно, чувство страха – это чувство серьезное, и от него надо избавляться. Его нужно переводить с уровня человеческого, животного, земного страха на уровень страха перед всем нам предстоящим Страшным Судом. Страшный Суд – вот это неотвратимо и этого нужно по-настоящему бояться. Замечательно, что Господь об этом предупреждает: *Не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более Того, Кто может и душу и тело погубить в геенне* (Мф. 10, 28; Лк. 12, 4). То есть настоящий страх – это страх нагрешить, страх оскорбить Бога, Его величие, милость Божию. Вот этого страха не надо бояться, этот страх надо иметь. Этот страх есть страх спасительный. А тот страх – он не спасительный. Потому что любое наше обращение к Богу всегда приводит на память примеры милости Божией. Когда обстоятельства жизни начинают загонять в тупик, когда все кажется безвыходным, безнадежным, беспросветным, то вспомни, что для Бога безвыходных положений нет. Об этом прекрасно ска-

зано в шестопсалмии: *Яко погна враг душу мою; смирил есть в землю живот мой; посадил мя есть в темных, яко мертвыя века. И уны во мне дух мой, во мне смятесе сердце мое. Помянух дни древния, поучихся во всех делах Твоих, в творениих руку Твоею поучахся.* То есть обратиться к Богу – и сколько примеров милости Божией, милосердия Божия, помощи Божией! *Воздех к Тебе рuce мои: душа моя, яко земля безводная, Тебе. Скоро услыши мя, Господи, исчезе дух мой, не отврати лица Твоего от мене, и уподоблюся низходящим в ров. Слышану сотвори мне заутра милость Твою, яко на Тя уповах; скажи мне, Господи, путь, в оньже пойду, яко к Тебе взях душу мою. Изми мя от враг моих, Господи, к Тебе прибегах* (Пс. 142, 3–9). То есть когда страшишься чего-либо – обратиться к Богу, вспомни о милосердии Его, и дух страха вражия начинает исчезать.

Я часто вспоминаю слова своего отца. Он в свое время сидел в одной камере с ныне канонизированным священномучеником Феодосием, епископом Коломенским. Как-то отец спросил у него совета: «Не знаю, как мне поступить». А тот ответил: «А ты положишься на волю Божию». Отец говорит: «Да я уже положился». – «А зачем тогда меня спрашиваешь – дело в **лучших** руках».

Одна блаженная, тридцать или сорок лет болевшая, когда к ней приходили в скорбях, за советом, говорила: «Да ты не волнуйся – Господь обдумал». Одним из свидетельств этой истины являются старцы, люди духовные. Кто сподобился их видеть, знают это. У них во всем облике полная умиротворенность. Мы к ним прибегаем, дергаемся, переживаем, суетимся – а они нам: «Ну, ничего, ничего». И все действительно

разрешается. Так что нужно всегда полагаться на волю Божию, на Его милость и любовь к нам. Как вспомнишь о любви Божией – так совершенная любовь изгоняет всякий страх. И тогда уже во всем полнота – уже состояние такое, какое испытывали святые.

Так что это очень важный момент в жизни – бороться со страхом: человеческим, животным, бесовским. А поскольку самым крайним состоянием страха является страх бесовский, страх вражий, то сказано – сей враг изгоняется только постом и молитвой. Значит, сразу надо творить молитву, и когда начинаешь молиться, тогда утишаются чувства, все умиряется, человек сразу успокаивается. *«Возверзи на Господа печаль твою, и Той ты препитает: не даст в век молвы праведнику. Ты же, Боже, низведеши их во студенец истления: мужие кровей и льсти не преполовят дней своих: аз же, Господи, уповаю на Тя...»* (Пс. 54, 23–24). Какие замечательные слова! Псалтирь – какая же глубина!

Человек должен почаще приводить себе на память, что всё в руках Божиих. Надо избавляться от состояния страха. Но опять же полностью от страха своими силами – без помощи Божией – избавиться невозможно. Вообще, мой совет – стараться не думать о том, что страшит. Это сложно, но необходимо. Если эти мысли все равно приходят в голову – все равно надо стараться не думать, не обращать на них внимания. Как отец Алексей Мечёв сказал: «Не обращайтесь внимания». «Не соизволяю», – советовал говорить мой батюшка, отец Сергей Орлов, когда враг пытается подсунуть какой-то свой помысл. «Не соизволяю» – и всё.

Часто спрашивают: «А как понять, что **я** должен делать, что в **моих** руках, а что в Божиих?». В **моих** ру-

ках... Да в наших руках, по большому-то счету, ничего нет. *Аще не Господь созиждет дом, всеу трудишася живущии: аще не Господь сохранит град, всеу бде стрегий...* (Пс. 126, 1). То есть как ты не берегись – если Господь не сохранит, не убережешься... Все покрывается волей Божией. Что от нас зависит, конечно, нужно делать, но уповать лишь на милость Божию. Как в болезни – к врачам обращаться можно и нужно, и все, что можно, нужно предпринять, но уж если ничего невозможно – тогда, значит, такова воля Божия...

Все решается очень просто – нужно молиться и просить воли Божией. Есть такой способ, мне в свое время рассказали, и я им пользуюсь – три дня нужно молиться, просить, чтобы Господь указал, как поступить. И Господь укажет. Это и будет воля Божия. Как молиться? «Господи, яви мне волю Твою, как мне поступить». Когда я был в трудной ситуации и не знал, как поступить, я читал, например, акафисты Святителю Николаю и преподобному Серафиму. И у меня все наладилось: сначала я успокоился, а потом и вопрос, который меня волновал, решился, причем самым лучшим образом.

Или еще способ – архимандрит Иннокентий (Просвирнин) часто приводил это святоотеческое изречение: «Когда Небо молчит – не надо ничего предпринимать».

Многие в наше время, наслушавшись рассказов о чужих болезнях и трагедиях, заранее всего страшатся, например, предсмертных страданий. Отец Иоанн (Крестьянкин) на это говорил: не нужно переживать то, что еще не наступило. Вообще не нужно. В любых случаях. Может, этого ничего с тобой и не будет. Не надо смотреть вокруг, какие бывают страдания. У тебя

их может и не быть. А если будут... Я как-то спросил об этом у своего батюшки, и он сказал: «Если Господь даст испытания – даст и сил».

Конечно, смерти нам не миновать. Но к ней нужно готовиться, духовно готовиться к исходу. Очищением от грехов – вот чем надо заниматься, а не думать о том, какие боли будешь испытывать. Ведь здесь, на земле, любая боль кончится. У Соломона что было на кольце написано? Все пройдет. Все пройдет, пройдет и это.

Кстати, часто суеверные люди говорят, что вот я увидел икону, или крест, и потом у меня случилось то-то и то-то. Так бывает, но не потому, что ты увидел икону или крест, а потому, что тебя должно было постигнуть испытание, искушение, а Господь сказал: «Я с тобой». Господь так напоминает нам об этом.

Заранее чего-то бояться – это свойство современного компьютерного сознания – всякие варианты просчитывать. Что их просчитывать! У Бога могут быть такие варианты, что ты не можешь себе и представить. Бог все управит. «Господь обдумал». Что Господь ни делает – все к лучшему.

Вот говорить вслух о своих страхах не стоит. Когда люди что-то говорят вслух – надо быть очень осторожным. Враг слышит, что человек говорит, и начинает нападать, чтобы утвердить в тебе веру в эти предрассудки, суеверия. Святые отцы запрещают говорить, например, такие вещи, как: «Сил больше нет», – еще меньше будет сил. Сразу начинает нападать. Или: «Это невозможно! Я этого не перенесу!». Так говорить нельзя. Такой совет есть у святых отцов. Ведь враг знает о нас по нашему поведению и по нашим словам. Он именно этим и занимается – нагнетает

страх и утверждает вместо веры суеверия: вот, мол, видишь – увидел крест, поэтому все так и получилось. Не **поэтому** так получилось. А мы, оставляя веру истинную, начинаем страшиться этих вещей.

Нужно меньше думать и меньше говорить о всяких страшных событиях. Кстати, сейчас так называемая гласность, нам постоянно рассказывают о чем-то устрашающем, прямо-таки смакуют, – это все как раз и является свидетельством того, что враг старается в людях посеять страх перед всем и держать всех в этом состоянии напряженности и страха. Об этом всем не нужно ни думать, ни говорить. Не нужно. Нужно только полагаться на волю Божию.

Вместо сосредоточенности на всяческих страшливостях нужно хорошенько для себя уяснить, что без искушений не проживешь и без болезней тоже, но все это дается каждому, во-первых, лишь в меру его сил, а во-вторых, это служит для очищения каждого от его грехов. Поэтому не бояться нужно, а извлекать из этого пользу.

И потом – как говорил отец Иоанн (Крестьянкин) – нужно учиться страдать достойно и одухотворенно. Ведь можно заметить, что чем лучше человек, тем больше он страдает. Надо правильно понимать духовный смысл страданий. Это как награда – значит, человеку позволено страдать, чтобы он смог очиститься. На страдания, на всякие скорби и болезни нужно смотреть как на путь духовного совершенствования, а не как на какое-то там несчастье. Пожалуй, самые большие страдания – это когда видишь, как кто-то гибнет и сам этого не понимает, а ты ничем не можешь ему помочь. А самому страдать – ну что же... Все равно все кончится **здесь**. А вот чтобы **там**

не было страшно – нужно очищать душу, покаянием бороться за свою душу.

Бывает, что покаялся, а страх не оставляет, совесть мучает. Что же – значит, все-таки не раскаялся, не отпустил Господь? Это неизвестно. Это может быть для того, чтобы человек не расслаблялся. Например, один человек очень долго переживал, что согрешил, и отцы спросили: «Господи, он столько молился! Неужели Ты ему не простил?!» – «Я, – ответил Господь, – ему простил, но это ему нужно», то есть нужно такое состояние. Это то, о чем преподобный Силуан Афонский сказал: «Держи ум во аде и не отчаивайся».

Может быть страх и от каких-то нераскаянных грехов. Потому что страшно грешить грешникам. Потому что душа чувствует, что придется отвечать. Но только у грешников страх переворачивается на другое – на земные страхи, истинный страх Божий переворачивается на страх земных переживаний, а на самом-то деле всё должно быть наоборот. **Здесь** ничего бояться не надо. «Не бойтесь даже убивающих тело», – говорит Господь.

От страхований, которые нагнетает мир, нужно ограждать, а оградиться можно только преданностью воле Божией. Необходимо постоянно помнить, что выше сил Господь креста не дает. Поэтому если Господь пошлет какие-то испытания – от Него будет и помощь. Есть такое выражение: «С испытанием Господь посылает и избытие», – то есть помощь грядет.

Помоги нам, Господи!

12 (25) марта 2007 года

АГОНИЯ ОДИНОЧЕСТВА

Среди своего темного страха современный человек похож на самого примитивного. Чего только не боятся люди! Жизнь современного человека, как и древнего, соткана из страхов... Страх есть агония отлучаемой или себя от Бога отлучающей души. Страх есть агония одиночества.

**Агония
одиночества
(пневматология
страха)**

I

Страх – агония человечества... Трудно до конца ее понять и совсем нельзя вылечить. Ее можно только исцелить небом или заглушить землю, затормозить суетою, прикрыть заботами; отвлечь себя от этой муки можно только различными стремлениями, планами, надеждами, краткими радостями земли или иной ее болью.

Страх, как ветер, встречает человека на всех путях его. Чего только не страшатся люди в мире! Отошедшие от своего доверия к Творцу, они строят свою земную жизнь, окруженные тревогами, опасениями, страхом и ужасом.

Перестав пребывать в раю сладкого Божиего доверия и своего доверия к Богу, люди стали мучительно всего бояться и весь мир пугать собою. Люди наполнили землю непрочностью и бедственностью, в которой живут, непрестанно призываемые в иную, высшую жизнь, но почти не откликающиеся на нее. Утонувший в земле человек видит сейчас только черноту земли.

И вся природа чувствует эту отлученность человека от высшей жизни и свободы, и мучает его, и боится его... Тернии окружили жизнь человеческую, и волчцы выросли на ее дорогах. Зло и страх стали жалить человека. Они могут его жалить только *в пяту* (Быт. 3, 15), но в пяте, т. е. во внешних, периферийных чувствах и мыслях, сосредоточилась теперь вся земная жизнь, ниспавшая с высоты светлого Разума. И, поражаемый в свою жалкую пяту, человек стал изнемогать всею глубиной своего существа – так он слаб, лишенный благодати. Как зверь, он трепещет и страшится всего: *Страх и трепет придет на мя, и покры мя тьма* (Пс. 54, 6).

Утерев свою первую любовь (см.: Откр. 2, 4) и еще не научившись последней своей любви – во Христе, человек озирался в своем огромном и холодном логовище мира и страшился. Так началась его история, которая не изжита донныне человечеством. Он стал иставивать очами от опасности, от неверности своей жизни и жизни другого человека. Злые силы стали мучить его, влечь к себе, дарить ему свои призрачные наслаждения, а после бить его, наслаждаясь его беззащитностью и омраченностью. И человек привык к власти темных сил над собою. И стало его посещать новое чувство: радость быть злым и страшным для окружающих. И чем более он живет в своей злобной усадле ненависти к другому человеку, властности и гордости, тем более он страшится и опасается другого человека.

Таинственно и страшно рождение человека в мире. Страшен для человека переход из темной утробы мира в таинственную вечность. Страшна своей новизной и ответственностью каждая минута этой жизни. Но человек научился обманывать свой страх, прятать его, даже смеяться над ним; обманывать его, даже подчи-

няясь ему и принося ему жертвы, для получения большей легкости существования под его властью. Такова сущность древнего и современного идолопоклонства, культивирования искусственного сада жизни и мысли вне Бога... Человек обманывает себя, живя бездушно и бесстрашно.

Современный бег человечества, его интересов, его воображения и цивилизации, все ускоряющееся коловращение людей в пространстве и времени вырастает не только из социальной и культурной связи людей, но и из страшного одиночества человека в мире, одиночества, которое человек хочет скрыть от себя и от других.

Древнее поклонение идолам и фетишам было уже явлением этого одиночества. Стремясь скрыть от себя и от других свое ничтожество и свою метафизическую наготу без Бога, человек строил и строит мир. Но даже в этом темном стремлении человека – скрыть от себя самого свою слабость и малость – кроется искра его свободы в выборе своего пути.

Не оценивший и не ценящий своего высокого достоинства и своей свободы быть сыном Божиим, человек должен теперь учиться этой свободе веры в Бога, любви к Богу и послушания Ему через всю боль своей нелюбви, своего неверия и непослушания. Оставаясь Божией, до последней своей пылинки и травинки, земля стала суровой школой для человека. Благоуханная близостью к небесному миру, земля стала для человека суровым училищем Божией правды. Внутреннее зло человеческой нелюбви к Богу сделалось и все делается внешней, физической и исторической, обстановкой человека. Возникающее в душевной бездне и не омываемое покаянием, зло идет ранами, язвами и болезнями

по телу земли. *Терния и волчцы* Библии (Быт. 3, 18), которыми окружена наша жизнь, – это наши болезни, наши страхи, наши смятения и ужасы; они вползли, вбежали, влетели в мир внешний через внутренний мир человеческой души, содрогнувшейся и потрясшейся от своей измены Богу.

Историки древнего мира (как Fustel de Coulange – «La Cité antique») свидетельствуют о том нечеловеческом, «тоталитарном», темном страхе, которым двигалась и направлялась история древнего мира.

Во всех областях жизни люди были рабами своего темного страха, пока не был дан им новый страх – высокий страх Святого Закона. Творец излечивает людей страхом Своего Закона от страхов земли. Все омрачающееся и чего-то все время страшящееся на каждом шагу человечество может быть излечено от темного страха только новым страхом, высшим, светлым; уже не бессмысленным трепетанием перед ужасом жизни и рока, но страхом благоговения перед законом Творца и Его Духа, страхом нравственной ответственности за данные таланты истины и любви. *«Изуй сапоги твои, ибо земля, на которой ты стоишь... свята есть»* (См.: Исх. 3, 5).

После воплощения Логоса и пришествия в мир огня Духа вся земля (для высшего сознания человеческого) стала святою, и грех человеческий среди земли приобрел еще большую отвратительность, является еще большим безумием, чем во времена одного Закона. Светлый страх перед горящим кустом великого Божиего совершенства есть начало последней мудрости человека: *Начало премудрости – страх Господень* (Притч. 9, 10; Пс. 110, 10). Словом Своей Истины Творец вырвал смертельную стрелу из

жизни человечества и поразил зло этою же стрелою. Освободив страх от его демонического яда, Дух Божий стал укреплять и возвышать этим страхом сердца людей. И, привыкшие к страху, как к своей жизни, люди стали питаться новым, высшим страхом и возвращаться к Богу, к смыслу своей жизни, освобождаясь от своих старых страхов. Страх оказался обезвреженным, преображенным, поднятым к небу..

Этот страх Божий способен к бесконечному возвышению и утончению и выходит из сферы всякой боязливости. Оттого он не был отменен приходом на землю Богочеловека, принесшего миру Новый Завет, уже не страха, а бесстрашия любви. Страх остался в мире как светлый нимб над огненным человеческим стремлением к Божией чистоте.

Человечество стало жить меж двух страхов: чистым, святым и темным, грешным, загораясь то одним, то другим страхом. Человек еще остался способен, рядом с возвышенными чувствами благоговения Ангельского перед именем Господа сил, таить в себе и обнаруживать темный демонический страх – суеверия, самолюбия и эгоизма.

Глубокая душевная раздвоенность, многими людьми переживаемая и сознаваемая, может быть исцелена только очищением и освящением страха. Уничтожить в своих переживаниях всякий признак какого бы то ни было страха невозможно. Но можно возвысить свой страх. В этом совершается религиозное цветение человеческой личности.

Первый темный страх человека есть боязнь увидеть Бога. Это – всемирное постоянное прятанье Адамачеловечества от близости Божией. «Наг есмь и скрылся». Так и по сей день человечество скрывается от Бога в своих делах, чувствах и желаниях.

Второй темный страх человека – это боязнь увидеть человека. Глубина антропологической правды раскрывается уже на первых страницах Библии:

«Вот... я скроюсь, и буду изгнанником и скитальцем на земле; и всякий, кто встретится со мною, убьет меня» (Быт. 4, 14). Это слова Каина после убийства брата.

Как страшится человек не найти Бога, так страшится он и найти Бога, увидеть своего Спасителя внутри себя и внутри другого человека. Страшится иногда человек найти высшую человечность в себе и в брате.

«Где ты, человек?» – зовет Дух Божий все того же древнего библейского Адама, человечество. И каждый человек сознательным – или бессознательным – движением души своей отвечает Богу: *«Голос Твой я услышал в раю, и убоялся, потому что я наг, и скрлся»* (Быт. 3, 10).

Убегание от человека есть лишь второй этап ухода от Бога. Ушедшие от Бога, но еще не ушедшие от человека, близки к возвращению к Богу. Метафизически уход неверующего в Бога человека от другого человека есть последняя форма нравственного солипсизма, злокачественная опухоль человечества, развивающегося не в сторону Божественной истины, а в сторону своего собственного эгоистического существа.

Страхи злых служат злу. Страшится человек признать себя духом нищим и нагим. Осознавая же себя нагим, страшится обратить чело свое и вечность свою (человечность) к Богу. И, боясь этого, боится обнаружить где-либо, в мире или в своей жизни, Бога. Так изгоняет сам себя человек от лица Божия во *тьму внешнюю*, где *плач и скрежет зубов* (см.: Мф. 8, 12; 13, 42;

Лк. 13, 28), безысходное страдание человечности, не желающей для себя умереть и воскреснуть в Боге.

Ужасом своего несоответствия Богу, иногда очень глубоко живущим, объясняется неверие человека, эта темная человеческая боязнь обнаружить у себя или где-либо в мире Бога. «Нет Бога!»... «Не может быть Бога в мире, где столько зла и страданий!» Ведь это уже есть знание о Боге и уже трепет перед своим и мировым несоответствием Ему. В неверии есть ужас возможности встречи с Богом. Страх отодвигается, душа успокаивается неверием... Так только бегаящая по земле птица пустынь страус прячет свою голову в песок, спасаясь от преследования. И так человек скрывается в пустоту от Творца.

Но мы видим в страхе падшего человека и райский ответ первого стыдливого целомудрия твари: «Господи, отойди от меня, ибо я человек грешный!» (См.: Лк. 5, 8). Так восклицает, охваченный стыдом и ужасом своей слабости и нечистоты, апостол Петр после явленной ему чудесно милости на Тивериадском озере. Здесь открывается уже не темное стремление бежать от Святого Святых, но ангельское скрывание себя от Него, по любви к Нему, от стыда за себя, за свою немощ и неподготовленность к этой встрече.

И человек в этом светлом ужасе уже носит в себе отсвет рая, радость Херувимов и Серафимов, закрывающих лица свои от Солнца любви.

Всякому истинному покаянию присуще чувство святого сокрывания себя от Бога, которое показывает райскую природу человеческого покаяния как нахождения места своего духовного соответствия Богу. Светлый трепет блудного сына перед любовью Отца, сознающего, что он «не имеет права называться сыном», – это

тот же страх, что и страх апостола Петра после чудесного улова рыбы на Галилейском озере.

Если бы наших человеческих сердец касался только такой страх! Но мы, люди, бываем либо бесчувственно-дерзки ко всему – к жизни и к смерти, к добру и к злу, либо чрезвычайно страшливы и пугливы, недоверчивы к жизни, к стихиям, к зверям и людям. И даже само бесстрашие наше часто является не признаком вечной жизни, в нас начавшейся, а только одним из выражений нашего бесчувствия к тайнам жизни и ее святыням.

Не боящийся никаких трудностей жизни и смерти, самоуверенный человек вдруг бывает напуган одной возможностью получить выговор начальника, вызвать насмешку общества или, наоборот, не получить какого-либо отличия, удовлетворения самолюбия. Храбрые воины бледнеют от слова или взгляда слабой женщины. Темный страх всегда вызывается страстью. Этот страх есть всегда следствие неверной любви либо к миру, либо к другому человеку, либо к себе. Но бывает страх и от душевной пустоты, от потери человеком себя. Этим последним страхом испугался апостол Петр во дворе Каиафы, в присутствии Самого Христа Спасителя. Жизнь готовый отдать за Христа, он (таково следствие самонадеянности) вдруг потерялся и испугался.

Среди своего темного страха современный человек похож на самого примитивного. Чего только не боятся люди! Жизнь современного человека, как и древнего, соткана из страхов, которые проносятся в его душе, как птицы, не всегда отражаясь на экране его сознания. Современный человек не осознает всех своих страхов. Но если в его сердце нет полного мира, можно сказать, что страхи, эти дети его человеческих страстей, живут в его душевном доме.

Страхи входят в двери и окна человека, свистят в его замочных скважинах, наполняют все поры жизни, парализуют деятельность людей деятельных и возбуждают к деятельности недеятельных. Кто не бесчувствен, чего-нибудь да боится, иногда – многого. Правители и подданные, начальники и подчиненные, богатые и бедные, здоровые и больные. Каждый страшится по-своему... Несомненно, что, со всех сторон устрашаемый всяческими личными, общественными и мировыми привидениями, современный человек еще больший раб демонических страхов, чем древний язычник или наивный африканец наших дней.

Еще недавно множество людей, уstraшенных авторитетом «науки», спешило отречься от высших ценностей своей жизни и культуры – от Творца, от вечно-го спасения своего, от Евангелия, от своей души... Разве это не был страх перед привидениями? Исчезли теперь эти детски-научные выводы прошлого столетия перед светом нового человеческого познания, перед новым словом науки, уже не противопоставляющей себя Богу, но скромно осознающей свои пределы.

Человека мучает собственное тело. Тело человеческое имеет свое собственное понимание счастья и горя, радости и печали. Телесные эмоции бывают для человека новым источником страданий и страхов – страхов тела и страхов уступить телу. Тело косно, настойчиво и грубо в отношении духа, оно имеет свою собственную психологию и волю. Оно наступает на дух человека, как лев; связанное духом, обращается в жалкого пса. Оно «от мира сего» и высших запросов человеческого духа не признает; его приходится принуждать к доброму делу, к молитве, к самоотвержению.

Тело душевное (1 Кор. 15, 44) страшится многого. Оно нередко дрожит, в то время как дух человека остается мирным и преданным в руки Божии (опыт многих верующих людей во время воздушных бомбардировок).

Человек страшится встретить самого себя, потому что, найдя себя, человек может найти Бога. А Бога не хочет человек встретить. Оттого человек страшится своей великой глубины и убегает всю жизнь от малейшего углубления в себя. Весь бег его жизни, вся сутолока мира, вся динамика его цивилизации с ее нивелировкой и стандартизацией жизни, ее развлечения и увлечения, заботы, планы и энтузиазм словно изгоняют человека от Лица Божия и лишают человеческого лица. Но – *Камо пойду от Духа Твоего, Господи, и от лица Твоего камо бегу?* (Пс. 138,7). Этого еще многие не понимают. Порыв неверующего или маловерующего человечества направлен к тому, чтобы бежать от своей глубины, от своей тишины, где скрыто райское блаженство, где Бог встречает человека. Бежит человек от духовного мира – куда? В порочный круг внешнего творчества, внешних задач, внешних отношений к людям, преходящих успехов, мгновенно возникающих, никогда не насыщающих радостей. И человек все более боится остаться наедине с самим собою. Он уже больше не смотрит на звезды, не задумывается в тишине над жизнью. Глубина его души, могущей вместить великую любовь Самого Творца, не радостное для него, но жуткое видение.

Человек боится глубины своего бессмертного «я», своей абсолютности, «способности на все»: возможной бездны своего преступления и предельной своей самоотдачи Богу. И во всем человек страшится

боли своей, и неизвестного, как неожиданной боли. Страшится он и самого страха своего, ибо страх есть боль; и радости даже иногда страшится человек, ибо радость неверна и, уходя, приносит боль; человек может страшиться радостных своих надежд. Как глубокий человек, так таинственно-безбрежен мир его духа; можно поистине сказать: такой дух, как человеческий, мог быть дан только бессмертному человеку.

Научная психопатология и психотерапия слишком отвлеченно (и потому неверно – вне критериев добра и зла) исследуют область бессознательного; оттого даже в самых тонких своих анализах не могут коснуться настоящих тайн жизни человека.

II

Светлые страхи рождаются от страха Божия. Благоговение, трепет веры и надежды входят в сердце человека острой болью и блаженством светлого страха.

Любящий волю Божию более своей жизни страшится сделать что-либо в мире «от себя», а не «по Богу», сделать что-либо так значит для него причинить себе мучения. И человек осторожно ходит и наполняет мир только благоуханным медом жизни. Человек страшится греха, но не как внешней, роковой силы, а как чего-то созвучного своей слабости... «Не введи нас (нашу слабость!) во искушение» (во испытание), «не подвергай ее экзамену», – просит Бога смилившийся человек... *На аспида и василиска наступиши, и попереши льва и змия* (Пс. 90, 13), – отвечает человеку Бог. Эту истину 90-го псалма знает верная Богу душа и не боится ни тьмы мира окружающего, ни своей. Она боится лишь одного: страшно огорчить Любимого! Это страх

учеников Христовых. Человек тогда страшится уже не мучений своей неверности Богу, но потери этих мучений; страшится мирных и безболезненных для себя нарушений Божественной воли. Это высший круг страха, вводящий в небесную гармонию духа и эту гармонию в человеке охраняющий. Светлый страх вдохновляет и живит человека своей мукой.

Окрыленный, подъятый этим страхом Божественной любви, человек обретает свободу от греха и освобождается от низших мучений страха.

Опыт «различения духов» (см.: 1 Ин. 4, 1) есть опыт и различения страхов. Страх всегда вдохновлен каким-то духом. Темные страхи гнетут, обессиливают, убивают. Светлые страхи собирают душу, очищают, вводят в мир Святого Духа.

Темный страх есть недостаток любви к Богу и к ближнему. Любящий перестает страшиться. ...Любовь побеждает страх (См.: 1 Ин. 4, 18). Как свобода движения побеждает скованность, так любовь побеждает страх. Чистая, сыновняя отданность человека Богу или братская отданность сердца другому человеку побеждает страх себялюбия, захолаживающий, леденящий сердце. Но это относится только к истинной любви. Неверная, движущаяся страстью или похотью любовь не знает бесстрашия; она не побеждает страха, но усиливает его, т. е. усиливает самость человека. Даже материнская любовь, одна из высоких и жертвенных любовей этого мира, лишь в одухотворении и возвышении к Богу себя и любимых побеждает естественный страх.

Полное освобождение от естественных и противоестественных страхов достигается только через «освобождение сына» – когда сын, т.е. Божий человек,

освобождается в самой душе человеческой, и совершает это освобождение Сын Божий. «Освобождение сына» совершается через вытеснение из человеческой души какой-либо страсти и тем самым связанного с нею страха. Иногда всех страстей и всех страхов. Тогда все тени уходят из души; и даже тени теней ее покидают.

Св. Иоанн Златоуст говорил, что для него ужаснее вечных мук было бы увидеть кроткий лик Господа Иисуса Христа, с печалью отворачивающийся от него... Вот психология истинной веры: страх огорчить любимого Господа, не принять с безмерностью духа Его безмерную любовь.

Ни Иоанн Златоуст, ни другие праведники не были, конечно, свободны на земле от страхов человека, «в мире живущего и плоть носящего». Спутник Павлов, Лука, говорит, что Ангел, явившийся апостолу Павлу на корабле, во время ужасной бури, сказал: *«Не бойся, Павел! тебе должно предстать пред кесаря»* (Деян. 27, 24)... Несомненно, Ангел из своего духовного мира видел, что у Апостола был тогда и некий плотский страх. Мы видим далее, как, идя узником по Аппиевой дороге к Риму, престарелый Апостол «ободрился», увидев тамошних братьев. Так человечно описание этой немощи Апостола. И не раз он испытывал беспокойство. *Когда пришли мы в Македонию, плоть наша не имела никакого покоя, но мы были стеснены отовсюду: отвне – нападения, внутри – страхи* (2 Кор. 7, 5).

Ветер мира рябил страхом поверхность и этой до конца богопреданной души. Но он не помешал ее апостольскому делу. В этом и открывается сила Божия, действующая в преданной Богу слабости человеческой. Вся красота человека в том, что ничто не в силах удержать

его от дела Божиего в мире. Мир ищет «сильных» и их рассеивает, как прах. Творец приближает к Себе «слабых» (в их собственном сознании), т. к. только правдиво осознавший себя слабым, нуждающимся в силе Божией человек может принять силу Божию.

Человек страшится умирать в Боге, до конца посвящать себя и все Богу. Но ему не надо пугаться ни мнимой великости своих усилий и жертв на путях к Богу, ни своих слабостей, ни страхов на этих путях. Через все эти бездны переносится человек силой Божией, когда это надо для дела Божиего и человеческого в мире. А не надо – и человек вновь стоит у бездны своей, бессильный и блаженный в своем бесстрашном ничтожестве.

Верная и в желании верности пребывающая душа остается всегда в светлой настороженности, она боится не узнать воли Божией или, зная ее, в чем-либо изменить ей. *Не введи нас в искушение* (Лк. 11, 4), – молитва всех правдиво сознающих возможность своего невнимания, своей рассеянности, своего увлечения второстепенным и своего падения. Но чувство своей слабости у христианина никогда не переходит в inferiority complex¹.

Наоборот, это чувство есть крыло веры, мужества и утверждения в Боге. Учитывая свою слабость, слабость всех вообще людей и паутинность всего мира, человек ни в чем не полагается ни на себя, ни на что-либо «от мира»; ни в чем земном не утверждает своей последней надежды. И в этом никогда не обманывается.

Сила «страха Божия» рождает в душе отталкивание от зла и влечение к правде. Живущий в свете страха

¹ Комплекс неполноценности (англ.)

Божия видит в своем сердце все тени. И чем больше вмещает в себе свет Христов, тем яснее видит малейшую свою неверность Богу и горячее ненавидит всякое приближение греха к своему сердцу, справедливо видя даже в малейшем грехе средостение меж Богом и собою. Это постоянное внимание к себе и рождающаяся от познания движений воли своей светлая ненависть к себе совсем не похожи на ту ненависть к себе, на которую способен в отношении себя человек, любящий только самого себя. Есть евангельская ненависть к себе и есть демоническая. Человек, живущий во зле, тоже способен подчас искренне ненавидеть себя, презирать и опасаться сам себя за недостаточное свое совершенство во зле. Убийца, устранившийся в совести своей убить свидетелей своего преступления, способен презирать себя за такое «малодушие» и даже «каяться» в нем. Преступник, не сумевший скрыть следов своего преступления, может ненавидеть себя за этот промах. Таких нравственно перевернутых людей, ходящих нравственно «вниз головой», змей зла жалит, конечно, уже не «в пяту», а в самую голову. Мы видим в мире людей, сознательно приучающих и даже принуждающих себя быть неприветливыми, грубыми, каменными и гордыми с другими людьми (даже иногда особенно с домашними своими); боится тогда человек иметь или даже только показать какое-либо участие к другому человеку. Развитие этого чувства и его техническая организация – современный концентрационный лагерь.

Особенно трудным становится нравственное состояние человека, когда его душа, словно зараженная апокалиптической «трихиной», включается в какое-либо коллективное зло мира. Тогда люди начинают ненавидеть друг друга и истреблять в силу внешних

признаков – крови, расы, класса, происхождения или в силу различных изменяющихся в мире идей. В коллективном зле нравственная извращенность имеет больше поводов для самооправдания, хотя самооправдание психологически не требует обычно никаких поводов.

Не верящий в мир вечных ценностей и реальностей духа человек боится быть честным («обеднеешь»), искренним («посмеются»), правдивым («обманут»), добрым («будут эксплуатировать»)… и т. д. Жизнь скрывается под коркой лицемерия, условности. Все делается двоящимся и полуправдивым. Над душами разливается inferнальный свет не от Солнца – Христа, а от фосфора человеческих мозгов и костей.

Вспоминаются большие ночные воздушные бомбардировки городов. Огромная фосфорическая пустыня мертвого света, нечеловеческих огней, адских звуков и одновременно какой-то тишины, лунного безлюдья… Кто хотя бы раз видел нечто подобное, не забудет этого неживого света от «елок смерти», светящихся над обреченным местом земли, блеска оружейных молний в зареве взрывов и пожаров. Таков свет мира, противосветящий Христову; это есть одновременно и суд над миром, экстериоризация его неистинных мыслей, желаний – всех полуправд его жизни.

От многих душ в мире тянутся к небу темные струйки копоты страстей – гордости, алчности, злобы, зависти, вожделения. Эта копоть ежедневного бытия сливается над землей в огромное черное облако. Оно распростерто над человеческой жизнью и историей. От него идет по земле тень страха. Этой тени не видят только бесчувственные люди, опьяненные собою, или люди, объятые Божественной любовью…

III

Главное страдание ушедшего от Бога человека есть **самолюбие**. Безблагодатное страдание рождается в кругу не осиянной Богом любви, **пре-любви**.

1) Любовь к неверной и ничтожной славе своей в мире, 2) любовь к неверным и быстропреходящим ценностям, 3) любовь к телесным наслаждениям и внешнему покою – эти три пре-любви человеческие, соединяясь в одном круге, отбрасывают в мир люциферрианскую тень страха.

«Душа горделивая есть раба страха; будучи самоуверенной, она боится всякого шороха и даже теней» («Лествица», Сл. 21, гл. 4). «Боязливость есть уклонение от веры в ожидании неожиданностей» (гл. 2). «Хотя все боязливые тщеславны, – говорит св. Иоанн Лествичник, – однако же не все небоязненные смиренномудры», «и разбойники, и гробокопатели не боятся» (гл. б).

Первую пре-любовь окружает страх бесславия, бесчестия или неполучения от людей желаемой чести. Это боязнь увидеть невнимание к себе, к своим способностям, талантам, совершенствам. В этом состоянии, как пьяницы вина, люди ищут одобрения себе и признания со стороны других людей, даже тех, к которым они совершенно равнодушны. Художник или политический деятель, свысока относящийся к «толпе» (себя из нее выделяющий), в то же время жадно ищет у этой толпы себе признания и поклонения, боясь не найти этого. От мнения других людей человек часто ставит в зависимость свою жизнь. Здесь одна из тяжелых цепей общего рабства. Как идола, одни люди постоянно ищут себе от других людей признания, почета, внимания и уважения. Не заботящиеся о славе Божией остро

заботятся о своей славе и чести. Различны степени и виды этого общечеловеческого, а лучше сказать, бесчеловечного вожделения и страхов, с ним связанных. У правителей и политиков они выражаются в одном, у людей искусства – в другом. В то время как истинные художники, литераторы и музыканты боятся только солгать в своем искусстве, не выразить его последней правды (таков страх и настоящих ученых), поверхностные деятели искусства боятся только неблагоприятной оценки своих произведений, отсутствия похвал и покупателей. Не поверхностной критики они боятся, а всякой критики, воспринимая ее как намеренное унижение их личности. Опьяненный страстью самолюбия и славолубия становится врагом самому ценному и умному критику. Лишь возвышенное, бескорыстное («аскетическое») отношение к искусству, обращение его на служение Богу и Его правде в мире сохраняет и спасает человеческую личность художника от разложения. Тончайшие ответвления славолубия опускаются глубоко в подсознание человека, особенно находящегося, в силу своего дела, в наибольшей зависимости от мнения окружающих.

Всегда человек зависит в той или иной степени от жизни других людей; но задача и цель человека в мире состоит как раз в том, чтобы переходить из низшего плана зависимости от людей в высший. Человек призван быть в зависимости не от случайных взглядов, настроений и пристрастий человеческих, а от подлинной судьбы всякого человека, от той глубины его жизненного пути, которая только начинается на земле. На пути своем в вечность всякий человек может быть поддержан и укреплен другим. Здесь наша истинная круговая порука, цепь светлой нашей зависимости друг от друга.

Служение человеку (не его случайным мыслям, желаниям и слабостям) есть самая благородная и высшая форма зависимости от этого человека. Мы никогда не бываем независимыми в мире. Даже самая высшая форма презрения к окружающим, ницшеанская повесть о «сверхчеловеке», не появилась бы в мире, если бы не было этих «окружающих» автора и слушающих...

Зависеть от людей, служа им во всех формах и на всех путях жизни, есть путь подлинной славы человека, славы в Боге и вечности. *Не нам... не нам, а имени Твоему, Господи, даждь славу!* (см.: Пс. 113, 9) – вот путь истинной человеческой славы. Чего тогда устрасится человек? Всякое неуважение к себе со стороны других, даже бесчестие, он примет с чистой и кроткой совестью на путях своего посильного и искреннего служения всем. Живя в мире, этот человек свободен от первого, главного соблазна – от любви к ничтожной, неистинной славе.

Искание этой славы змеится на многих устах и во многих глазах человеческих. Вдохновляют себя люди на краткое время земной жизни наркотом этой славы. «Пес, лижущий пилу, услаждается вкусом собственной крови, не понимая всего вреда, который он себе причиняет», – определяет св. Иоанн Лествичник тот вред, который люди приносят сами себе, возделывая неистинной славы в этом мире, забывая настоящую свою славу, приходящую только от Бога. И в области духовной, религиозной человек не освобожден от искушения этой славой и страхов, с нею связанных. Здесь, в области самых высоких ценностей, дух славолюбия может приобрести особенно тонкое и неожиданно опасное выражение. Постоянное предупреждение, раздававшееся из уст Господа Иисуса Христа, книжникам

и фарисеям «садиться пониже» показывает, что в духовной области не меньше, чем в другой, человек может легко найти пищу своему тщеславному «я» и утрашиться, что ненасытная природа этого «я» останется голодной и бедной. «Трубить пред собою», радоваться собою самим придуманной или миром подаренной славе свойственно не только императорам, маршалам, политикам и художникам. Самая тонкая, по «гнилости» своей, слава подстерегает служителей Церкви, Божиих слуг, на их путях... Саломия, мать апостолов Иакова и Иоанна, утрашилась, что ее сыновья не получают в Царствии Божиим достаточно высокой (по-земному ею понимаемой) славы. Кланясь Спасителю, она просила Его дать ее сыновьям место *по правую* и *по левую* Его сторону, когда придет Его Царство (См.: Мф. 20, 20–21). «*Не знаете, чего просите*» (Мф. 20, 22), – был ответ Спасителя, не только ей и Своим ученикам, но и всем людям, боящимся не прославиться перед другими людьми этого мира.

Другая пре-любовь, порождающая демонический страх, есть страсть к богатству, деньгам, имениям, вещам... *Корень всех зол есть сребролюбие* (1 Тим. 6, 10), иначе сказать, ненасытное вожделение материального. Тут рождается один из самых острых страхов, терзающих человечество, – страх потерять или не приобрести. Он рождается от убийственных для души чувств скупости и алчности. Скупые страшатся потерять то, что они имеют; оттого боятся поделиться кратковременным своим имуществом. Алчные страшатся не воспользоваться возможностью, случаем и временем обогащения. «Время – деньги» – девиз алчного, написанный на его лице и на стене его конторы. Он не понимает, что не время является

деньгами, а деньги являются сконденсированным, кристаллизированным временем, умножаемым в руках человека для лучшего его посвящения Богу и ближнему. **Через милостыню свою богатый умножает время своих молитв, своего добра, своей верности Богу.** Через любовь материальная ценность становится и духовной ценностью. **Время бесконечно дороже денег**, и деньги имеют ценность лишь для знающего духовную тайну времени. Добро хотело бы все деньги обратить в любовь, умножить через это время любви. **А зло хочет все земное время, данное людям для возрастания в Христовой любви, превратить в деньги.** Оттого Промысел так устраивает в мире, что, когда денег, не обмененных людьми на добро и любовь, оказывается слишком много, они теряют свою ценность; происходит так называемая девальвация, сокращение денег, и время освобождается для любви. Но люди опять бросаются менять время на деньги, все снова и снова боясь «упустить время». Кружится, бежит, мечется человечество в погоне за деньгами, этими «призраками бытия», страшась не поспеть схватить наибольшее количество призраков... Войны в мире ведутся из-за наживы, из-за страха ее упустить или не приобрести. Войны – порождение этого страха. Война есть гораздо более дело страха, чем бесстрашия и мужества. Причины войн укоренены в метафизическом страхе народов, от которого они хотят закрыться мужеством войны. Страх настоящей или мнимой опасности так же ведет к пролитию крови, как страх отчаяния перед беспросветностью истории, лишенной света Вечности.

Древний «золотой телец», принимающий все более «жидкую», даже невидимую ныне «атомическую»

форму, устрашает страны и континенты своей немилостью к ним и бросает их друг на друга.

Техника ускоряет производство материальных ценностей, ускоряя и процесс их уничтожения. Змея материального пожирает свой хвост. Хронос неблагоприятного времени, обращаемого лишь в материальные ценности, уничтожает своих детей. Цивилизация, не уравновешенная и не скрепленная высшим смыслом жизни, ведет к гибели человечество, все более усложняет, затрудняет и разоряет свой собственный мир. Не желающее причащаться Тела и Крови Христовой, человечество пожирает свою собственную плоть и пьет свою кровь. Люди боятся истинных пророков, желающих оторвать их от этой автоантропофагии, и призывают к себе ложных пророков и вождей, давая им всю власть над собой.

Богатые боятся обеднеть. Бедные – пропустить удобное время захвата имущества богатых. Если сокровища накоплены, человек боится, не зная, куда их спрятать: дом может сгореть, земля быть отнята, акции обесцениться, банк обанкротиться, несгораемый ящик – быть взломанным. Нет нигде и ни в чем уверенности. Более того, всюду полная неуверенность или верная гибель... Как раненый зверь, мечется человечество под грохоты своих бомбардировок, в зареве своих пожаров...

Все рушится и пропадает. Дом вещественный и дом душевный, построенные на песке безверия в Божественную Жизнь, обращаются в мусор...

«Мое только то, что я отдал» (Св. Максим Исповедник) – эта мудрость, открывающая бессмертие, чужда духу мира. Через уста своих «пророков» и «мудре-

цов» мир все говорит и говорит: «Мое только то, что я не отдал, или то, что я взял у другого». И все по-новому в каждом поколении верят люди этой непрестанно опровергаемой каждой смертью человека «истине». Судорожно прячет человек свой хлам, свой сор, но вырывается у него из рук этот хлам, этот сор и уничтожается. Жизнь исходит пеплом, молью, ржавчиной, гниением, разложением, взрывами, распоряжениями суровых властей.

Получив полное удостоверение в жизненности и правдивости евангельской, многие люди все же не хотят ее видеть. Привыкнув к непрестанной потере всего, они заменяют бывшее свое имущество надеждой на будущее и живут, боясь расстаться с этой надеждой, с призраком призрака. Сребролюбец все продолжает в мире бояться «черного дня» и не страшится черной вечности.

Боязливых же и неверных... участь в озере, горящем огнем и серою (Откр. 21, 8). Пророчество это, произнесенное любимым учеником Небесной Любви, есть откровение и о современном мире, и о человеке. Этот мир с его уничтожаемыми ценностями, войнами и пожарами есть, в сущности, «озеро, горящее огнем и серою». И участь боязливых и неверных (боязливых от своей неверности Богу и неверных от боязливости своей) – не иметь выхода из этого озера. Ибо выход из его «огня и серы» дает лишь Сказавший: *Я – дверь* (Ин. 10, 7; см.: 10, 9)...

Любовь к плоти другого человека и к своей плоти и поставление ее слепых, природных и нижеприродных велений центром своих интересов есть новый океан человеческой бессмысленности, из которого истекают новые реки человеческих страхов.

Любовь к себе и к своему телу, в истинном духе и разуме, не противоречит любви к Богу и к другому человеку. Мерилом любви к ближнему поставлена любовь человека к самому себе. Но человек утерял дух правильной любви к себе. Мало кто из людей любит себя по-настоящему, как храм Духа Святаго. Инстинкт борьбы за свое существование и наивысшее благо присущ не только всему организму человеческого тела, но и каждому из его чувств. Органы обоняния, осязания, зрения, слуха, вкуса – все чувства тела ищут приятного для себя плотского раздражения и опасаются раздражений неприятных. Эти процессы проходят в сознании и в подсознании человека.

Если *сокровенный сердца человек* (1 Пет. 3, 4) не принял еще в себя Жизни, не загорелся и не согрелся ее огнем, он всегда находится под непрерывным воздействием велений и страхов своей плоти и проникается специфической «плотской» мудростью «века сего», духа истины не имеющей. Не соглашающийся жить Христовой верой, по законам Евангелия, человек делается существом более низким и менее чистым, чем любое из животных. Данное для высоких целей умножения земного (и небесного) рода «сынов Божиих» родовое средство обращается у человека неверного в ненасытный очаг ложноострых, а на самом деле тупых и никогда человека не насыщающих переживаний, оставляющих в глубине человеческого сердца осадок, болезненную оскомины, страх и страдание. Утончая свою чувственную плотскую радость в жизни и искусстве, человек думает, что «утончает свою жизнь». Но волна новых страхов и страданий разрушает и обесценивает призрачное его счастье, построенное на плоти. Человек чувственный боится за свое счастье,

предчувствуя его мимолетность, и сердце его страдальчески ловит плотское счастье, как воздух – рыба, выброшенная на песок. Бесчисленные болезни, слабости, несовершенства, долгий, сравнительно с животными, период младенчества, созревания, старости и умирания держит человека все время в русле плотских страхов, ущерба и страданий. Эти страхи, как маяки, призываются вести человека к той истине, что он не только житель земли. В уразумении этого состоит вся печальная наука человечности.

«Как нельзя раз навсегда наполнить чрево, так нельзя и преодолеть боязнь. По мере возрастающего плача удаляется она, а по мере оскудения плача мы делаемся боязливыми», – говорит св. Иоанн Лествичник, имея в виду, конечно, не плач от страха, а благодатный плач от любви к Богу и молитвенный плач о своей неверности Ему. «Кто стал рабом Господним, тот будет бояться одного своего Владыки, а кто еще не боится Его – часто приходит в страх и от тени своей».

Один из аргументов воинствующего неверия, созданный для опровержения религиозных переживаний, есть произведение религии от примитивных дикарских страхов. По этой теории, первобытный человек, пугаясь таинственных явлений природы, начал из чувства самосохранения обоготворять их и поклоняться этим явлениям, как богам; из таких дикарских страхов будто бы и родилась религия, обросшая потом классом жрецов-священников, начавших эксплуатировать религиозное чувство человечества ради своего материального прироста... Данная аргументация не только не объясняет религии, но она не объясняет и страха. Она объясняет только одно из примитивных переживаний человека в связи со страхом.

Данное же явление метафизической порабощенности примитивного человека страхом свидетельствует не о том, что хочет из него вывести атеистическая теория, а о гораздо более глубоком явлении первобытной жизни человека; о нем была у нас речь в начале нашего исследования. В человеке существует целый ряд, целая клавиатура пневматологически различных, между собой не схожих страхов. Начинаясь в сфере низкой, грубой, дисгармонической, душевное переживание, связанное со страхом, растворяется в высочайшей и тончайшей гармонии небесного мира.

О каком страхе, будто бы породившем религию, говорит безбожие? Оно говорит о страхе самом низком и примитивном. Не из этого, конечно, жалкого, тупого и темного страха создались и вышли высочайшие переживания человечества, его чистые, светлые религиозные созерцания, постижения и деяния. Только лжерелигия, как и само безбожие, выходит из темного страха, так же как и из мрачного тупого бесстрашия. Светлая религия, *religio* – связь человека с Творцом – рождается из **высокого, чистого страха Божия** и вводит человека в высшее, светлое бесстрашие.

Беспокойство антирелигиозников перед одной только мыслью о Боге есть явление как раз того демонического страха, которым создавались и одухотворялись все ложные религии, сковывавшие чувства истинной человечности. Да, идолослужение двигалось таким страхом. Но не только темный страх создавал даже языческую религию. В некоторых формах и языческой религиозности можно найти, несомненно, начальные элементы и подлинно религиозного страха.

Страх матери, боящейся разбудить своего ребенка, страх мужа потревожить больную жену, страх человека предать своего друга, изменить своему слову, супружеству, выдать тайну другого, оказаться неверным своим собственным убеждениям – все эти, хотя и не религиозные, но уже этические страхи востекают в религиозное сознание.

Подлинно религиозная жизнь человека всегда была и является подсознательным и сознательным раскрытием в человеке истины его великой недостаточности и неполноты пред Божественным Бытием. И религия прежде всего есть правдивое, горячее признание необходимости восполнения своей жизни Благом высшим и абсолютным.

Сущность и частичная правда всех древних языческих религий, даже совсем примитивных и пневматологически темных, заключается не в их неверной философии, не в их наивных, частью детских и ложных, антропоцентрических и демоноцентрических представлениях о высшем бытии, и не в культовых переживаниях, с этими представлениями связанных, но в обнаружении и утверждении в человеке чувства религиозной метафизической его зависимости от более высокого, лучшего и могущественного бытия.

Развитие религиозного сознания в человечестве можно уподобить постепенному развитию отношений ребенка к азбуке: сначала ребенок ничего не видит в ней, кроме сливающихся темных пятен; потом начинает различать отдельные буквы, постигая и звуковой их смысл; после научается читать целые фразы, понимая их, и наконец, в одном акте познания схватывает содержание целой книги, многих книг. Во всех религиозных переживаниях есть одна правда,

без которой нет ни религии, ни даже псевдорелигии. Эта правда есть признание высшего мира и своей зависимости от него. В этом первичном смирении человеческой души – начало всех религий. Совершенство же религии зависит только от того, кого и что люди почитают выше себя, перед кем и чем преклоняются, перед какими истинами благоговейно смиряют свое сердце. Поклонение крокодилу, корове, быку, змее или планетам не возвышает человека в Царство Божие. И оттого есть религии, которые не возвышают, а метафизически снижают, деградируют, духовно убивают человека... Оттого апостолы и проповедники Евангелия воюют не с неверием только, но и с ложной верой. И уравнение всех вер и истин есть признак омраченности сознания человеческого.

В религиях, как и в людях, различны бывают степени духовной чистоты и высоты.

Абсолютная Религия, апофеоз истины духа, есть вера в Бога Воплощенного Христа Иисуса, не ставящая никаких пределов совершенству. **«Будьте совершенны, как Отец ваш Небесный совершен есть»** (См.: Мф. 5, 48).

Чем выше религия, тем с более высоким страхом она сопряжена. И потому утверждение, что религия порождена «страхом дикарей», есть дикарское понимание и религии, и страха.

IV

Духовно истонченная душа способна остро трепетать, приближаясь к высшему миру. Демонический мир ей уже чужд, а Ангельский еще не сроден, и близкая к небу душа способна испугаться Ангелов, хотя

отличие приближения Ангелов от приближения демонов именно в отсутствии страхов и нахождении на человека мира, смирения и любви.

«От присутствия невидимого духа приходит в страх тело; от присутствия Ангела душа смиренных радуется», – говорит св. Иоанн Лествичник (См.: «Лествица», Сл. 21, гл. 12). Ангелы вызывают высокий трепет, глубоко отличный по своему духу и последствиям от страха, вызванного демонами. Этот именно страх и можно назвать страхом несоответствия. *«Не бойся, Захария, ибо услышана молитва твоя»*, – сказал отцу Предтечи Ангел Господень, когда Захария, увидев его *по правую сторону жертвенника кадиланого... смутился, и страх напал на него* (Лк. 1, 11–12). *«Не бойся, Мария»*, – сказал Ангел Пречистой Деве, являясь перед Ней (Лк. 1, 30). Смиренные и чистые сердцем пастухи *убоялись страхом великим*, увидев Ангела, но услышали от него: *«Не бойтесь; я возвещаю вам... радость, которая будет всем людям»* (Лк. 2, 9, 10).

Дух человеческий по-особому трепещет около мира вышестественного и по-иному страшится мира противоестественного. «Не бойтесь, это Я» (см.: Мф. 28, 10), – говорит Воскресший Господь Своим близким ученикам, чтоб успокоить их, страшащихся безмерной истины Воскресения.

Приближаясь к последней тайне – страданий и ужасаний Богочеловека, мы должны умолкнуть. Наш ум слишком ничтожен и слишком засорен низшими понятиями, выросшими из неведения, а сердце наше узко любовью. Мы не в силах даже отвлеченно коснуться той бездны ужаса, в которую искупительно для мира погрузил Себя, Свои последние часы земной жизни Господь Иисус Христос. Евангелие говорит, что

в Гефсиманском саду Он «тосковал и ужасался» (См.: Мф. 26, 37; Мк. 14, 33)... Его ужас был ужасом нашего отпадения от Небесного Отца и ужасом принятия на Себя нашей оторванности от Отца. Соединенный во всем с волею Отца, Господь пришел принять на Себя и исцелить все человеческие страдания, вышедшие из отпадения человека от Бога. Он взял все страдания человечества прошлых и будущих веков. Вся мука оторванности от Бога – осознанная и не осознанная людьми в мире – вошла в Его безгрешное естество, совершенно во всем соединенное с Отцом. Ужас гефсиманский и крестный был не только Его, Иисусовым ужасом, но и ужасом причисленности к ужасу отпадения от Бога и гибели всех людей, народов и веков... Это был ужас подъятия на Себя **ужаса мира без Бога**, и завершился он в последнем искупительно смертельном миге голгофской разорванности: «*Боже Мой, Боже Мой, вскую Мя еси оставил?*» (Мф. 27, 46). И ныне во Христе принимает всякий человек на себя отблеск этого самого ужасного и самого светлого в истории человечества мига – мучительную **боль не своего греха...**

Страх есть агония отлучаемой или себя от Бога отлучающей души. **Страх есть агония одиночества.** И всегда Пребывающему с Отцом надо было пережить непостижимое отлучение от Отца за всех нас, отлучивших себя от Бога – через грех. Безгрешный Иисус взял проклятие за грех, тяготевшее на всем человечестве, и уничтожил его, пронеся узкими вратами Своей жизни и смерти. Это проклятие отлученности от Отца, последнее одиночество всего и всех должно было сойти на Единого Безгрешного, вызвав невыразимый ужас Его искупительной муки... Неразделимое, нерассекаемое богочеловечество неразди-

раемо раздиралось и нерассекаемо рассекалось в Нем, искупая, восполняя Собою нашу разделенность с Отцом... *Ранами Его вы исцелились* (1 Пет. 2, 24).

Оттого всякий страх связан с одиночеством души, с ее сиротливостью, бездомностью и беспомощностью в мире. От оставленности человек страдает больше всего, и ее он мучительнее всего боится. **Страх есть отрицательное выражение одиночества и оставленности. Положительное выражение того же состояния есть вера в Бога и молитва.**

Не верующий в Бога и к Богу не обращающийся не чувствует своей оставленности и не понимает своего ужасного одиночества в мире. Он слишком доверяет реальности всех своих материальных контактов с миром. Ему кажется, что ему «более ничего не нужно»; он доволен всем, а если и недоволен, то мелко, несущественно. Начало веры в Бога есть пробуждение существенного, метафизического недовольства собою, святого недовольства этою жизнью. *Не любите мира, ни того, что в мире* (1 Ин. 2, 15) – это есть отрицательно выраженный завет любить уже в этом мире «новое небо и новую землю» (См.: Ис. 65, 17; 66, 22; 2 Пет. 3, 13; Откр. 21, 1).

Одиночество дано человеку как высшее духовное общение, спасение от животности и стадности. Но одиночество человека должно быть так же спасено и освящено, как общение. Страх Божий – путь спасения и одиночества.

Избавить его *от страха нощнаго* просил на своей молитве бесстрашный победитель Голиафа и еще более бесстрашный победитель своего греха Давид; и услышал слова, которые передал всем векам и поколениям людей: *Не убоишися от страха нощнаго,*

от стрелы летящая во дни, от вещи во тме преходящая (Пс. 90, 5–6). Этот «ночной страх» посещает не только спящих младенцев, но и бодрствующих ночью в пустыне подвижников, ничего, кроме неверности Богу, не боящихся.

«Мужайтесь», – ободрял Спаситель учеников Своих. *Мужайтесь, ибо Я победил мир* (См.: Ин. 16, 33). Мужайтесь, отгоняя свой страх, не пуская его в свое сердце; мужайтесь и в самом страхе своем, возрастая в терпении, неся мужественно страдание своего страха как метафизического ожога души. Это страдание может быть тоже страданием за Христа.

Страх испытывали и апостолы; они все бежали после предания Господа. *Тогда все ученики, оставив Его, бежали* (Мф. 26, 56). У Креста с Матерью Господа был только Иоанн. Человеческое воображение, управляемое чувствами, опытными лишь в земной реальности, служит часто страху человеческому. Апостол Петр сделал уже несколько шагов по бушующему морю навстречу своему Учителю, но был побежден своим воображением, построенным на ветхом опыте чувств, и стал тонуть, но был восстановлен в опыте чувств новых, сообразных всемогущей силе его Позвавшего.

«Ожог» страха в сердцах людей верующих – признак еще не полной их настроенности на звуки небесного мира, симптом еще существующего в них разлада меж «ветхим» и «новым» человеком, разлада, иногда оканчивающегося лишь в преддверии нового мира.

Дано мне жало в плоть... чтобы я не превозносился (2 Кор. 12, 7). «Жалом» этим в жизни людей духовно одаренных бывает и страх. Мучительно стыдно бывает христианину сознавать, что он еще чего-то страшится на земле, кроме своей неверности Господу. Но

через этот-то смирительный, лекарственный страх он лучше понимает, что все доброе в нем – не от него.

Страх есть и проекция подсудности человека. Радостный для всякого верного Богу человека Суд Божий есть одновременно и Страшный Суд. Бездонная, невыразимая немощь человеческая трепещет от близости последней невыразимой Божией правды. Радует и ужасает человека эта правда; радуется силой спасительной своей любви, ужасает силой своего крестоношения в этом мире, а также своего совершенства.

Ей, гряди, Господи Иисусе! – восклицают ученики Слова (Откр. 22, 20). Жажда торжества последней правды сильнее в них страха перед своей немощью, возможностью своего испепеления от встречи с этой правдой. Но и другие звуки входят в гармонию последней богопреданности: «Господи, не готов я... Освети, очисти, укрепи». И это есть апостольское слово: «Отойди от меня, Господи, ибо я человек грешный» (См.: Лк. 5, 8)... Бывают прокаженные, которые простирают руки ко Христу, чтобы исцелиться навеки; и бывают прокаженные, также алчущие Его, но отходящие в сторону от Его путей и только плачущие от радости, что Он – в мире. Они страшатся замарать гноем своим песок под Его ногами. И это есть любовь! Сквозь радостные слезы смотрят они, как Господь их исцеляет других и принимает в Свою Блаженную Церковь таких же измученных жизнью, как они, но они сладко страшатся подойти к Господу, дохнуть на Него смрадным своим дыханием.

Много мелодий в музыке страха. В момент ухода из этого мира страшно бывает человеку, трудно бывает совлекаться, снимать с себя все «здесьнее», телесное, мнимо внутреннее, «психологическое», все земные

одежды души. Страшно обнажаться метафизически – до конца. Трепещет дух, слишком привыкший к своей страннической палатке, к этому своему телу, к плотским мыслям, чувствам и желаниям. Смерть – молниеносное разорение мира и обнищание. Готовился ли человек к этому? Здесь воспламеняется и дикий ужас людей, живших бездумно и бесстрашно, окаменело стоявших в этом мире перед вечностью и ее Солнцем, «не заходившим ни днем, ни ночью».

Если на земле, при смене политических режимов, люди так страдают от своей связанности с «упавшим» режимом и так часто трепещут, предчувствуя близкий над собой суд, – сколько более это происходит при падении всего «режима» этого мира в жизни человека... Ведь падение это не только предсказано Богом, но и удостоверяется опытом всех земных поколений.

Мы сейчас живем на земле, во всех странах при старом режиме. Идет, не замедлит прийти «новый режим», новый порядок, новая власть, власть абсолютных Божиих законов. Дальновиден поверивший этой истине. Смена может произойти каждое мгновение – ночью во сне или днем на улице... Но лучшая смерть для человека – это, конечно, после подготовки, при ясном сознании умирания всех ценностей этого временного существования и рождения человека в мир духа. Надо заранее сдружиться каждому человеку с теми мудрыми и добрыми властями, которые придут на смену греховным эгоистическим властям этого мира, страстям этой временной жизни. Слишком связанный со «старым режимом» этого века, человек оказывается виновником войны против Бога. То, что произошло на наших глазах с побежденными после мировой войны и с их властями, только **пригча** того, что произойдет,

когда весь этот мир богопротивления **проиграет войну Богу.**

Глубина личности нашей должна быть в момент смерти выявлена до конца. Все темное и нечистое должно быть нами снято, как негодная одежда. Метафизически обнаженными, нищими до ужаса, уничтоженными до последних пределов, до возможности блаженства только в Боге, должны мы встать перед правдой иного мира... «Вечери Твоя тайная днесь, Сыне Божий, причастника мя приими».

Страхи бывают лишь в Гефсимании, в претории, во дворце Каиафы. Последняя их минута – на Голгофе. После приходит Великая Суббота. Покой от всех страхов. И – Воскресение, незаходимый Свет.

Ни с чем не сравнимое блаженство свободы от страха получает верный Богу человек на смертном одре.

Молитвы Церкви открывают великие реальности. В чине «на исход души» от лица отходящего Церковь просит утешения ему. Различны степени покоя, мира духовного отходящих людей. Получивший реальное удостоверение из иного мира о милости Божией к нему, приготовленный покаянием и причастием Святых Таин к исходу из этого мира, слышащий иногда уже Ангелов, в великой тишине, в бесконечном, возвышенном радовании о Господе, вступает умирающий для этой земли человек в страшную и невыразимо прекрасную вечность. Нельзя изобразить, сколь возвышен уход из этого мира очистившегося, оправдавшегося, все страхи перешедшего человека.

Вступившая на порог иного мира душа, приготовившаяся к последнему своему пути, не страшится потери себя – и всего – в Боге. С торжественной строгостью и уже Ангельским бесстрашием Она отстраняет

от себя неуместную в эту торжественную минуту плотскую скорбь родственников, проявление их недостаточной любви к Богу и к ней. Она хочет от присутствующих при ее исходе в иной мир только молитвы, безмолвия и благоговения. Стоящая на грани нового, великого мира, она знает, что ничто человеческое уже не должно развлекать или удерживать ее.

Видимое мироздание переживает то, что и каждый человек: смерть и воскресение в вечность.

Господь сказал: *Люди будут издыхать от страха* (Лк. 21, 26)... По мере оскудения веры, надежды на Бога и любви к Богу люди, общества, народы будут все более и более друг друга страшиться и от этого все меньше и меньше друг друга любить. Из-за *умножения беззакония во многих охладеет любовь* (Мф. 24, 12).

Но с новой силой откроется тогда в мире и жатва апостолов «последних времен». Свободные, усыновленные – *все, водимые Духом Божиим, суть сыны Божии* (Рим. 8, 14) – бесстрашные во Христе, готовые к последнему, они будут говорить и уже говорят миру последнюю правду.

Взирая на землю и ее дела глазами своего Учителя, они побеждают страх мира. «Любовь побеждает страх» (См.: 1 Ин. 4, 18). Бесстрашные своей любовью, крепкие любовью Божией, ученики Слова будут светить миру даже в тот час, когда *солнце померкнет и луна не даст света своего* (Мф. 24, 29; Мк. 13, 24).

О борьбе ПРОТИВ ПОМЫСЛОВ

*Сколько же людей
годами мучаются
оттого, что верят
своему помыслу.
И ведь зло не оста-
навливается
на том, что че-
ловек единожды
верит своему
помыслу. Зло
умножается
и растет.*

Старец Паисий Святогорец

О доверии помыслу*

Доверие помыслу
приводит к душевным болезням

— Геронда¹, если человек мучается помыслом, что все вокруг якобы только им одним и заняты, то как ему этот помысл прогнать?

— Этот помысл от лукавого, который стремится сделать человека больным. Надо относиться к такому помыслу с безразличием, не обращать на него внимания. Ему нельзя верить ни на грош. Например, человек мнительный, увидев, как два его знакомых тихо разговаривают между собой, думает: «А ведь это они мне косточки перемывают! Не ожидал от них такого!». А люди беседуют совсем о другом. Если дать такому помыслу волю, то постепенно он «наберет обороты» и человек дойдет до того, что станет думать, будто за ним следят, его преследуют. Даже если кто-то имеет «неопровержимые данные» о том, что окружающие заняты им одним, он должен знать, что эти «факты» подтасовал столь хитрым образом не кто иной, как

* Главы из книги «Блаженной памяти Старец Паисий Святогорец. Слова. Том III. Духовная борьба». — Монастырь Св. Апостола и Евангелиста Иоанна Богослова. Суроти, Салоники. Издательский Дом «Святая Гора». Москва, 2004.

¹ Старец (греч.).

сам враг, желая убедить человека. Какой же диавол хитрый подтасовщик!

Я знаком с одним юношей. Будучи весьма умным, он верит своему помыслу, который внушает, будто он психически неуравновешен. Принимая помыслы, которые приносит ему тангалашка (так старец называл диавола. – *Ред.*), молодой человек создал себе целую кучу комплексов. Он пытался покончить с собой, совершенно измучил своих родителей. Бог дал ему силы и дарования, но враг все это приводит в негодность. Так парень мучается сам и мучает других. Я не могу понять: ну зачем люди принимают эти тангалашкины помыслы и сами делают свою жизнь невыносимой? Потом они даже Бога начинают обвинять в том, что с ними происходит, а ведь Он так нам благодетельствует и так нас любит! Что ни говори таким людям – толку не будет. Пока сам человек не перестанет верить помыслам, которые приносит ему враг, все разговоры с ним вымотают силы и больше ничего.

– Геронда, впечатлительность – это душевная немощь, болезнь?

– Нет. Любочестие и впечатлительность, чуткость – это естественные дарования, однако, к несчастью, диаволу [иногда] удастся использовать их в своих целях. Диавол часто внушает чуткому, впечатлительному человеку сгущать краски, чтобы он был не в силах перенести какую-то трудность или же – чуть понесся ее – надорвался, разочаровался, измучился и в конце концов покалечился. Если с пользой употребить врожденную впечатлительность, чуткость, то она станет небесной. Если же позволить, чтобы ею воспользовался диавол, то она выйдет человеку боком. Ведь если человек не употребляет своих дарований на пользу, то ими пользуется диавол. Так

человек выбрасывает Божии дары. Вместо того чтобы благодарить Бога, он понимает все шиворот-навыворот. Если впечатлительный человек верит своему помыслу, это может довести его даже до психиатрической лечебницы. Конечно, не за что похвалить и человека равнодушного, с его постоянным припевом: «Мелочи жизни!». Но, по крайней мере, в психбольницу такие люди не попадают. Поэтому тангалашка и охотится за людьми впечатлительными.

А другие люди мучают себя помыслом, что они якобы обременены тяжелой наследственностью. Вернее, это тангалашка приносит им такой помысл и старается убедить их, будто так оно и есть. Враг нагоняет на таких людей страх, желая заморочить им голову и без серьезных причин вывести из строя. Да хотя бы в человеке действительно было что-то наследственное – перед благодатью Божией не может устоять ничего. Помните святого Киприана² – бывшего колдуна, который стал иерархом Церкви и мучеником Христовым? А преподобный Моисей Мурин³? Поначалу был разбойником, а в монашестве превзошел чуткостью многих великих отцов. Какой высокой степени устроения он достиг! Когда его навестил святой Макарий, преподобный Моисей спросил его: «Что мне делать? Меня беспокоят люди, и я не могу сохранить безмолвия». – «Моисей, – ответил ему Авва Макарий, – ты очень чуток. Иди в Аравийскую пустыню, потому что прогнать людей ты не можешь»⁴. Святой Моисей – этот бывший разбойник – превзошел тонкостью душевного устроения

² Память священномученика Киприана совершается 2 октября.

³ Память преподобного Моисея Мурина совершается 28 августа.

⁴ См. Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцов. М., 1845. С. 147.

даже преподобного Арсения Великого, который происходил из знатной семьи, был человеком образованным, культурным. Видишь, что творит Божия благодать! Но о преподобном Моисее необходимо сказать и то, что он имел великое смирение...

Причуды начинаются с помысла

– Геронда, откуда появляется брезгливость?

– А чем ты брезгуешь?

– Да всем чем угодно.

– Ну, тогда тебе и будет попадаться все что угодно. И червячки в яблоках, и жучки в фасоли, и волоски в хлебе...

– Геронда, мне как раз все это и попадается!

– Слава Тебе, Господи. Видишь, как Бог помогает тебе преодолеть эту немощь?

– Геронда, а разве все подобное начинается не с помысла? Предположим, сестре попался в тарелке волос. Ну так пусть она его выбросит – и дело с концом.

– Да ты что, ни в коем случае нельзя выбрасывать! Ведь этот волос достался ей как благословение! Пусть она обязательно отдаст его мне, я отвезу его с собой на Афон – как благословение!.. Помню, как-то на Синая мы шли куда-то вместе с одним монахом. По дороге я дал ему два персика. Смотрю – не ест. Он хотел их сперва помыть, но в карман положить боялся – чтобы еще и те микробы, что сидят в кармане, на них не перебежали. Так и продержал всю дорогу в руках. Его брат о нем рассказывал: «У меня восемь детей, и жена, всех их моя и обстирывая, изводит мыла меньше, чем он один на мытье рук!» И поглядите, что с ним

произошло. Там, на Синае, каждому монаху выделяли бедуина – помогать, приносить еду и тому подобное. Бедуин, которого выделили брезгливому монаху, был самый грязный из всех. Черный, как трубочист! И его одежда, и он сам издавали страшное зловоние. Чтобы отмыть грязнулю, пришлось бы целую неделю отмачивать его в корытце! А что у него были за руки!.. Лучше даже не спрашивай. Можно было брать шпатель и соскабливать с них грязь целыми кусками. Неряха хватал миску с едой и спешил к своему «подшефному» монаху. Два грязнущих больших пальца его рук при этом обязательно оказывались погруженными в суп или в кашу. «Прочь, прочь!..» – кричал монах, едва видел его на пороге. В конце концов он сбежал, не пробыв на Синае и двух недель.

А в общежительном монастыре, где я жил раньше, был монах, который в миру работал участковым полицейским. Он был образован, и поэтому ему дали послушание чтеца в храме. Он прожил в монастыре немало лет, но, несмотря на это, брезговал всем вокруг. К дверным ручкам он даже и не притрагивался, а открывал двери ногой. Если требовалось поднять щеколду, он делал это локтем, а потом еще протирал рукав спиртом. Он открывал ногой даже дверь церкви. Когда он состарился, то, по попущению Божию, его ноги стали гнить и в них завелись черви – особенно в той, которой он открывал двери в храм. Когда я нес послушание в монастырской больнице – помогал фельдшеру, он как раз впервые пришел туда с перевязанной ногой. Фельдшер велел мне развязать его ногу, а сам пошел за бинтами. Ох, что же я увидел, сняв повязку! Вся нога кишмя кишела червями!

«Иди на море, – сказал я ему, – и промой свою ногу, очисти ее от червей. Потом приходи и мы сделаем тебе перевязку». До чего же он дошел! Какое наказание его постигло! Я был просто потрясен. «Понял, в чем причина?» – спросил меня фельдшер. «Как не понять! – ответил я. – Причина в том, что он открывает дверь храма ногой».

– Геронда, даже находясь в таком состоянии, он продолжал открывать дверь ногой?

– Да, ногой! А состарился в монашестве!

– Он так ничего и не понял?

– Не знаю. Я потом ушел из того монастыря в обитель Стомион в Конице. Кто знает, какой смертью он умер? А между тем, некоторые молодые иноки из того же самого монастыря подъедали за старыми монахами остатки с их тарелок – как благословение. Они собирали после них «избытки укрух». Другие монахи [от благоговения] целовали дверную ручку, потому что к ней прикасались руки отцов. А этот, прикладываясь к иконам, только чуть-чуть касался их усами, которые после тщательно тер ваткой со спиртом!

– Геронда, когда человек относится к святыне подобным образом, это неблагоговение?

– Начинает-то он просто с безгливости, но потом заходит еще дальше. Как этот монах: он дошел до того, что не прикладывался к иконам от страха, что тот, кто прикладывался к ним раньше, был чем-то болен!

– То есть для того, чтобы не быть безгливым, надо не обращать на подобные вещи внимания?

– Люди едят столько всякой заразы, не видя ее. Но если человек, который опасается болезней или чего-то еще, творит крестное знамение, то ему

помогает Христос. Знаете, сколько разных больных проходят через мою каливу на Афоне? И вот некоторые простецы осеняют себя крестным знаменем, берут общую кружку и пьют из нее воду. А другие прикоснуться к ней – и то боятся. Несколько дней назад ко мне приходил человек, занимающий очень высокую должность в одном учреждении. Несчастный испытывает столь великий страх перед микробами, что от постоянных протираний спиртом его руки стали белыми как мел. Он протирает спиртом даже свой автомобиль. Мне стало жаль бедолагу. Представляешь: занимать столь высокую должность и так себя вести? Я взял из коробки кусочек лукума и подал ему, но он отказался, потому что я дотронулся до лукума своими руками. Однако предложи я ему самому взять лукум из коробки, он все равно отказался бы, думая о том, что кто-то мог укладывать лукум в коробку немытыми руками. Ну что же, тогда беру я этот кусочек лукума, нагибаюсь, обтираю им его ботинки и потом съедаю. Пришлось проделать с ним подобную штуку несколько раз – и только тогда, с большим трудом, мне удалось немножко освободить его от этой немощи. Да вот и сегодня сюда приходила девушка, испытывающая страх перед болезнями. Войдя в комнату, где я принимаю людей, она не стала брать у меня благословения, боясь подхватить микробов. Я хотел ей помочь и сказал ей много полезного, а она после всего этого, уходя, опять не стала брать у меня благословения. «Я не целую тебе руку, – объяснила она, – потому что боюсь заразиться микробами». Что тут скажешь? Так люди сами делают свою жизнь черной [невыносимой].

Больные собственным воображением

Самая страшная болезнь – это когда человек поверил своему помыслу о том, что он чем-то болен. Этот помысл душит человека тревогой, расстраивает его, лишает аппетита и сна, заставляет принимать лекарства, и в конце концов, будучи здоровым, человек действительно заболевает. Я понимаю, когда лечится человек, который действительно чем-то болен. Но, будучи сперва здоровым, а потом, посчитав, что болен, действительно заболеть, не имея на то никаких причин, – такого я понять не могу. К примеру, бывает такое: человек обладает и телесной и духовной силой, но, несмотря на это, не может сделать ничего, потому что поверил своему помыслу, внушающему, что он нездоров. В результате человек угасает и телесно и духовно. И он не врёт [– это действительно так]. Поверив в то, что у него какая-то хворь, человек поддается панике, надламывается, и потом не в силах ничего сделать. Так, без всякой уважительной причины, он приводит себя в негодность.

Иногда ко мне в каливу приходят всерьез надломленные люди. «Помысл говорит мне, что у меня СПИД», – говорят они и верят в это. «Может быть, у тебя в жизни было то-то и то-то?» – спрашиваю я. «Нет, – отвечают, – ничего подобного не было». – «Тогда, – говорю, – ты расстраиваешься зря. Пойди сдай анализы, чтобы выгнать свой помысл». – «А если, – отвечают они в страхе, – анализы покажут, что СПИД у меня все-таки есть?». Так они не слушают меня и мучаются. А вот те, кто послушно идут на обследование, убеждаются в том, что у них нет никакого СПИДа. И поглядите: их лица меняются, к ним возвращается вкус к жизни. А первые

от расстройства могут слечь в постель и даже есть ничего не будут. Ну ладно, допустим, у тебя и вправду СПИД. Но ведь для Бога нет неразрешимых проблем. Если ты будешь проводить более духовную жизнь, исповедоваться, причащаться, станешь настоящим христианином, то тебе поможет Господь.

– Геронда, а отчего человек начинает думать, будто бы он болен?

– Он сам потихоньку возвращает этот помысл в себе. Часто для таких подозрений может действительно существовать какой-то небольшой, несерьезный повод, [используя который] помысл внушает человеку что-то еще и раздувает из мухи слона. Когда я жил в монастыре Стомион, в Конице был один семейный человек, который думал, будто у него туберкулез. Даже свою жену не подпускал близко. «Не подходи, – говорил он ей, – а то заразишься». Несчастливая женщина подвешивала на край длинной палки корзину с едой и подавала ему издалека. Бедняжка совсем истомилась, зачахла. Несчастливые дети смотрели на своего «чахоточного» отца издали, а у него на самом деле никакого туберкулеза и в помине не было. Дело было в том, что он не выходил на солнце, а постоянно находился в запертой комнате закутанный в одеяла. Поэтому он пожелтел и поверил в то, что у него чахотка. Ну что же, [когда мне обо всем этом рассказали] я пошел к нему домой. Увидев меня, «больной» простонал: «Не приближайся ко мне, монах, чтобы не заразился еще и ты... Ведь к тебе в монастырь приходят люди... Видишь, совсем меня чахотка скрутила...» – «Да кто тебе сказал, дурачок, что у тебя чахотка?» – спросил я. Тут его жена принесла мне угощение – варенье из грецких орехов. «Ну, – говорю, – давай открывай рот.

Сейчас ты будешь меня слушаться». Ну что же, открыл он рот. Он ведь не знал, что я собирался сделать. Тогда взял я из блюдечка сладкий орех, вложил ему в рот, повозил там несколько раз, потом вынул, положил себе в рот и съел. «Нет, нет! – закричал “чахоточный”. – Не делай этого! Заразишься!» – «Чем я там заражусь! Ведь у тебя ничего нет! Что я, очумел что ли, такое делать, если бы у тебя и вправду была чахотка? Давай поднимайся, пойдем на воздух!» – ответил я ему и, повернувшись к его жене, сказал: «Выбрасывай все эти лекарства, одеяла...» Поднял я его, и мы вышли на воздух. После трех лет «заточения» он с удивлением глядел на мир. А потом потихоньку и на работу стал ходить. Вот что такое помысл, когда его взрастишь!

– Геронда, как помочь человеку, который безосновательно подозревает, будто он чем-то болен?

– Чтобы такой человек получил помощь, он должен иметь духовника, доверять ему и оказывать ему послушание. Он будет открывать духовнику свой помысл, а тот будет его наставлять: «Этому не придавай значения, а вот на то обрати внимание...» Если человек не доверяет своему духовнику и не слушается его, то помысл не уйдет. Знаешь, что такое, когда люди просят тебя о помощи, а сами не ударяют палец о палец? Вот, например, молодой человек, живущий распущенно и страдающий от душевной неустроенности, приходит ко мне в каливу с глазами, краснющими от табачного дыма, и просит, чтобы я ему помог. Вдобавок ко всему у него есть и некое ложное благоговение: он просит, чтобы я дал ему в благословение иконку из иконостаса храма моей кельи, но в келью при этом заходит с сигаретой в зубах. «Брат ты мой, –

говорю ему, – да у тебя от этих сигарет глазищи стали красными, как у бешеной собаки. Я у себя в келье даже старикам курить не разрешаю. Дым бывает здесь только от ладана». Но он уперся – и все тут. Приходит просить помощи, а от помысла своего не отказывается. «Почему, – спрашивает, – ты не хочешь меня исцелить?». Хочет стать здоровым, но магическим способом [без труда], не прилагая никаких усилий. «Ты, – говорю ему, – не годишься для чуда. Ведь у тебя нет никакой болезни. Ты просто веришь своему помыслу». А если бы этот малый оказывал послушание, то и помощь получил бы. Я заметил, что тот, кто слушается советов, быстро продвигается вперед, и все у него становится на свои места. И сам такой человек, и его родные обретают спокойствие.

Как-то раз некий священник приехал в монастырь, и там его попросили поучаствовать в пении. Он отказался. «Почему, – спросили его, – ты не поешь?» – «Потому, – ответил он, – что в псалме говорится: *Возношения Божия в гортани их, и мечи обоюду остры в руках их*⁵. Он настаивал на том, что петь – это плохо, потому что боялся «обоюдоострого меча» за то, что он «вознесет» свой «глас»! «Родненький ты наш, – говорили ему монахи, – золотце ты наше, это все не так, как ты думаешь». Но он уперся и ни в какую. Ну как с таким человеком найдешь общий язык? Что с ним сделаешь? Да хотя бы его «толкование» и было правильным, но если бы при этом он оказал послушание чужой ошибке, то принял бы благодать, и благодать немалую, которая была бы дана ему за то, что он смирился.

⁵ Пс. 149, 6.

Сколько же людей годами мучаются подобным образом оттого, что верят своему помыслу и не слушаются других! Что бы ты им ни говорил, что бы ни делал, они все истолковывают шиворот-навыворот. И ведь зло не останавливается на том, что человек единожды верит своему помыслу. Зло умножается и растет. Человек все возделывает и возделывает в себе [доверие собственному помыслу], и это может довести его до умопомешательства. К примеру, человек строит дом. «Как же ты его строишь? – говорят ему. – Ведь он рухнет и похоронит тебя под обломками!». Если он послушается совета в начале строительства, то неправильно построенное можно будет легко сломать и возвести новое. А уже законченное здание – как у него поднимется рука разрушить его? «Оно тебя задавит», – говорят ему. Да он и сам видит, что здание долго не простоит, осознает опасность, однако мысли о том, сколько средств и сил он затратил на строительство, его останавливают. Таким образом, он не решается ломать творение собственных рук и в конце концов оказывается задавленным обломками.

– А такому человеку можно помочь?

– Можно, если он сам этого хочет. Однако, как ты ему поможешь, когда ты говоришь ему о том, что что-то неправильно, а он оправдывает себя? К примеру, некий молодой человек болен сахарным диабетом и, не зная, какие серьезные последствия это может для него иметь, думает, что все это шуточки. «Сахарный диабет, – говорит ему врач, – это серьезное заболевание, и ты должен соблюдать диету». Если юноша послушает врача, то болезнь пройдет без серьезных последствий. Однако как можно прийти с ним к взаимному пониманию, если он будет говорить так:

«Ну и что за важность этот диабет? Я буду есть сладкое, потому что, когда я ем сладкое, мне становится жарко, а раз мне жарко, то я могу спать без одеяла и даже ходить по снегу босиком». Как прийти к взаимному пониманию с человеком, если он настаивает на своем?

– Геронда, а если юноша верит своему помыслу, это естественно?

– Если юноша верит своему помыслу, то у него много эгоизма.

– А как он может это понять?

– Он поймет это, если, к примеру, вспомнит некоторые случаи из своего детства, которые показывают, какой процент эгоизма был у него тогда. Случилось мне как-то наблюдать за двумя мальчуганами. Один взял подушку, набитую поролоном, и легко ее поднял. Подошел и другой, чтобы ее поднять, но сделал вид, что ему очень тяжело, словно вместо подушки был мешок с цементом. В этом, втором, мальчугане есть эгоизм. Однако когда он немного подрастет, то поймет, что это его действие вызвано эгоизмом. Он исповедует его как грех, к нему придет благодать Божия, и он получит избавление от своей страсти и помощь. А как же иначе – ведь Бог не несправедлив.

– Геронда, предположим, у меня имеется некий опыт. Если, основываясь на этом опыте, я примерно вижу, какое развитие получит то состояние, в котором я нахожусь, то в этом тоже есть самоуверенность?

– Ты не делай выводов сама. Когда Господь позвал к Себе апостола Петра, тот пошел к Нему по водам. Однако, как только помысл стал говорить Апостолу,

что он может утонуть, он и стал тонуть⁶. И Христос попустил это: «Раз ты говоришь, что утонешь, тогда тони».

Посмотри на смиренного человека: он не верит своему помыслу, даже если творит чудеса. В Иордании был один очень простой священник, который творил чудеса. Он читал молитвы над больными людьми и животными, и те становились здоровы. Даже мусульмане, страдавшие каким-нибудь недугом, приходили к нему, и он исцелял их. Перед служением Божественной литургии этот священник выпивал что-нибудь горячее с сухариком и после этого целый день ничего не вкушал. Слух о том, что он ест перед Божественной литургией, дошел до Патриарха, и тот вызвал его в Патриархию. Не зная, зачем его вызвали, священник пришел в Патриархию и вместе с другими посетителями ожидал вызова в приемной. На улице стояла страшная жара, окна были закрыты ставнями, и сквозь дырочку в приемную пробивался солнечный луч. Приняв луч за натянутую веревку, обливавшийся потом священник снял с себя рясу и повесил ее на луч. Увидев это, люди, сидевшие в приемной вместе с ним, были потрясены. Кто-то из них пошел к Патриарху и сказал: «Священник, который завтракает перед Литургией, повесил свою рясу на солнечный луч!». Патриарх позвал его к себе в кабинет и начал расспрашивать: «Ну, как твое житье-бытье? Часто ли служишь Литургию? Как ты к ней готовишься?» – «Да как, – отвечает ему священник, – сперва вычитываю утреню, потом совершаю поклоны, потом готовлю чай, кушаю что-нибудь легкое и иду служить». – «Зачем же ты ешь перед Литургией?» – спрашивает Патриарх. «Если, – отвечает тот, – я

⁶ См. Мф. 14, 28–31.

немножко перекушу перед Литургией, то после потребления Святых Даров⁷ Христос оказывается сверху. А вот если я ем после Божественной литургии, то Христос оказывается снизу». Оказывается, он завтракал перед Литургией с добрым помыслом!.. «Нет, – говорит ему Патриарх, – это неправильно. Сперва потребляй Святые Дары, а после – немного ешь». Священник положил Патриарху поклон и [со смирением] принял сказанное.

Я хочу сказать, что, хотя этот священник достиг такого высокого устроения, что творил чудеса, он принял сказанное ему просто. Своеволия у него не было. А если бы он верил своему помыслу, то мог бы сказать так: «Да кто он такой, чтобы указывать мне – тому, кто исцеляет людей и животных и творит чудеса! Нет, мои побуждения более правильны. Ведь если я его послушаюсь, то завтрак будет попадать сверху на Христа!»

Я понял, что послушание очень помогает человеку. Даже человек, который не блещет умственными способностями, оказывая послушание, становится философом, мудрецом. Будь человек умным или глупым, здоровым или больным (духовно или телесно), если он, мучаясь от помыслов, оказывает послушание, то [от мучения помыслов] он освободится. Послушание – это освобождение.

Самый большой эгоист – это тот, кто живет по своим помыслам и никого не спрашивает. Такой человек разрушает сам себя. Если у человека есть своеволие, самоуверенность и самоугождение, то и будучи умным –

⁷ После причащения мирян, отпуста Литургии и раздачи антидора священник или диакон потребляет оставшиеся в Святой Чаше Святые Дары.

даже семи пядей во лбу, – он будет страдать постоянно. Он запутывается, связывает себя по рукам и ногам, у него возникают [все новые и новые] проблемы. Чтобы найти свой путь, он должен раскрыть свое сердце какому-то духовнику и смиренно попросить его о помощи. Однако некоторые вместо духовника идут к психиатру. Если психиатр окажется верующим, то он приведет их к духовнику. А неверующий психиатр ограничится тем, что даст им какие-нибудь таблетки. Однако сами по себе таблетки проблемы не решают. Для того чтобы люди смогли правильно отнестись к тому, что с ними происходит, для того чтобы их состояние улучшилось и они перестали страдать, им необходима и духовная помощь.

О борьбе против помыслов

– Геронда, я читала, что во время войны с Италией греки старались сначала разрушить укрепления противника, а затем шли в наступление.

– Таким же способом действует и диавол. То есть, подобно противнику, который сначала бомбит с самолетов укрепления, чтобы их разрушить, а потом, при поддержке артиллерии, идет в наступление, диавол сперва бомбит человека помыслами, а затем идет на него в атаку. Диавол не нападает на человека, если не испортит сперва его помысла. Ведь добрый помысл защищает человека, добрый помысл – это его «блиндаж».

Помысл «слева» – это чужеродное тело, и человек должен постараться его отвергнуть. У каждого из нас есть силы на эту борьбу. Никто не может оправдаться

тем, что слаб и не в силах бороться. Ведь [добрый помысл] – это не кирка и не кувалда, которые [слабый] человек не может поднять, потому что у него дрожат руки. Я не вижу ничего сложного в том, чтобы видеть все в добром свете. Зачем я буду, скажем, уделять внимание чьим-то причудам? Ведь в действительности может оказаться, что человек ведет себя так не по своей вине, а нарочно, для того, чтобы смириться.

– Геронда, а я все «налево» и «налево» «работаю», и это меня беспокоит. Бороться – борюсь, но «повернуть направо» не могу.

– Если ты различаешь нечистые помыслы, беспокоишься и борешься над тем, чтобы их прогнать, – это уже некое улучшение. Если хочешь преуспеть, то, когда лукавый будет атаковать тебя «левыми» помыслами и тянуть к себе, с силой поворачивай штурвал в противоположную сторону, а на врага не обращай никакого внимания. Постарайся производить в себе добрые помыслы и о младших и о старших сестрах, неприметно занимающихся своим внутренним делом. Ведь тангалашка портит твой помысл для того, чтобы задержать твой духовный рост. Если бы ты не застревала на своих помыслах, то двигалась бы вперед гигантскими духовными шагами. Вся духовная жизнь основывается на помысле. От помысла зависит преуспеяние в духовной жизни.

– Геронда, что помогает в борьбе против помыслов «слева»?

– Бодрствование [над собой] и непрестанная молитва. Бодрствуя [над собой], ты ведешь себя осторожно и включаешь в работу добрые помыслы. К примеру, видя какую-нибудь чашку, ты думаешь о Святой Чаше, о Тайной Вечере, о Христе. Если же ты над собой

не бодрствуешь, твой ум может уходить к различным недуховным, а то еще и к прямо греховным предметам. Поэтому старайся не собирать [в себе] весь этот мусор помыслов – иначе потом тебе придется приложить немало усилий, чтобы их прогнать. Произноси Иисусову молитву и будь внутренне собранна. Если же твой ум куда-то уходит, снова возвращай его назад. Делай это постоянно. Не позволяй уму кружиться. Ведь даже если твой ум постоянно находится в области не прямо греховных предметов, но вращается среди вещей нейтральных, эти нейтральные вещи, отвлекая ум, тоже «нейтрализуют» его, и он расточает себя понапрасну. А кроме того, помыслы, которые рождаются от рассеянности, коварнее, чем помыслы [откровенно] злые. Ведь первые помыслы мы не замечаем и поэтому не выбрасываем их из себя.

– Геронда, помысл говорит мне: «Ты уже столько лет в монастыре – и нисколечко не преуспела...»

– Дай-ка я послушаю, что он тебе еще скажет? Насколько я понял, вы слишком много слушаете тангалашку. Как же [легко] он обводит вас вокруг пальца! Зачем вы верите тангалашке? Зачем выходите из равновесия? Будь мирна. Ты понапрасну расстраиваешься и без причины себя изводишь. Тангалашка, подобно фокуснику, показывает тебе все запутанным. Он морочит тебя мрачными, пессимистическими помыслами, чтобы отнять у тебя время и отвлечь от молитвы, а также от внимания на послушании. Если ему удастся хоть немножко заморочить тебе голову и лишить тебя расположения вести с ним борьбу, этого уже будет достаточно для того, чтобы он перешел в наступление и захватил новые плацдармы. Когда

трудишься в уединении, старайся соблюдать следующий устав: пение чего-то церковного, славословие [Бога], Иисусова молитва в уме или вслух. Эти средства необходимы для того, чтобы избежать нашептывания помыслов. То есть нужно менять тему [помыслов самому]. Если диавол меняет тему, то почему этого не можем сделать мы? Я вам и раньше рассказывал, что порой во время беседы с посетителем, именно в тот момент, когда я хочу сказать что-то важное и полезное ему, приходит кто-то и меня перебивает или же нас отвлекает какой-нибудь шум или нечто подобное – для того чтобы я был вынужден остановиться. Но раз лукавый задумывает и осуществляет такие планы, то почему мы не можем поступать так же по отношению к нему? Будьте умницами и оставляйте тангалашку в дураках.

– Геронда, меня терзают печаль, уныние... Я испытываю настоящее мучение.

– Ты погляди, ее еще не повели на мучение, а она уже мучается! У тебя есть самоуверенность. Помыслы «слева» стали уже твоим состоянием, и от этого ты страдаешь. Ты нуждаешься в «правых» помыслах. Лукавые механизмы своего [духовного] предприятия ты должна реконструировать так, чтобы они стали добрыми. Самое выгодное предприятие для человека – это открытие фабрики «добрых помыслов». Тогда даже плохое и скверное твой ум будет перерабатывать в хорошее и доброе. К примеру, видя в человеке душу, видя в нем Ангела, ты и сама, подобно Ангелу, взмываешь на Небо. В этом случае твоя жизнь – это праздник, торжество. Если же ты видишь в человеке плотское, то и сама нисходишь в адскую муку.

– Геронда, иногда я включаю в работу добрый помысл, но вскоре приходит помысл «слева» и расстраи- вает все мои [добрые старания]. Может быть, я вклю- чаю в работу добрый помысл не от сердца?

– Задача в том, чтобы ты делала это от сердца. А если тебе придет помысл «слева», скажи так: «Это по- мысл со стороны. Его надо прогнать. Тема закрыта и обсуждению не подлежит».

– Геронда, бывает, что я с трудом изгоняю «левый» помысл, а он возвращается вновь. Почему такое про- исходит, если «тема закрыта»?

– Ну да, тема-то закрыта, только вот тангалашка не закрывается [продолжает работать]. Дьявол живуч, никогда не умирает. Один старенький монах расска- зывал: «Если псу наподдать разок-другой, то он убега- ет. А дьявол не убегает – настаивает на своем. Такой настырный! Чтобы вынудить его уйти, я зажигаю свечу перед иконой святым, которым посвящена моя келия, а бесы мне говорят: “Это ты нам, что ли, свечу поста- вил?” – “Ах вы, – говорю, – паршивцы, да отчего же вам- то? Не вам, а святым!” – “Да, – отвечают, – так-то оно так, только принудили тебя к этому все равно мы!”»

– Геронда, а получает ли помощь человек, кото- рый, случись с ним какая-нибудь неприятность, начи- нает роптать: «Боже мой, ну почему со мной про- изошло еще и это?»

– Да какую там пользу получит такой человек! Ос- нова всего в том, чтобы человек истолковывал все по- средством доброго помысла. Только в этом случае он получает пользу. У некоторых людей [в их духовном автомобиле стоит] хороший двигатель. У них много предпосылок для духовной жизни, однако их руль по- вернут не туда, куда нужно. Повернув руль в сторону

добрых помыслов, такие люди возьмут правильный курс и будут уверенно двигаться вперед.

Возделывание добрых помыслов

— Геронда, добрые помыслы приходят сами собой или их нужно возделывать?

— Их нужно возделывать. Надо следить за собой, контролировать себя, когда враг приносит тебе плохие, злые помыслы, надо стараться изгонять их и заменять на помыслы хорошие, добрые. Подвизаясь подобным образом, ты возделываешь свое [внутреннее] расположение и делаешь его добрым. И тогда, взирая на твое доброе расположение, Бог умилосердится над тобой и поможет тебе, после чего худые помыслы уже не найдут в тебе места. Они будут уходить, а для тебя уже совершенно естественным будет иметь в себе помыслы добрые. Ты приобретешь привычку к доброду, в твое сердце войдет доброта, и тогда в своей внутренней храмине ты примешь [Небесного] Гостя — Христа. Однако это дело не одного-двух дней. Необходимы время и непрестанная борьба для того, чтобы душа увенчалась победным венцом. Когда это произойдет, брань прекращается уже насовсем. Ведь брань [страстей] — это исступленные проявления внутреннего разлада, которым пользуются наши враги.

— То есть, Геронда, люди, имеющие добрые помыслы, добились этого посредством борьбы?

— Это зависит от человека. Одни имеют добрые помыслы с самого начала своей духовной жизни и продвигаются вперед. Другие, поначалу имея добрые помыслы, впоследствии теряют бдительность и начинают поддаваться помыслам «левым». Третьи имеют

вначале «левые» помыслы, но, следя за собой и видя, сколько раз они оступаются, перестают себе доверять и впоследствии имеют помыслы добрые. У одного человека половина помыслов может быть доброй и половина – злой. У другого могут преобладать добрые помыслы, у кого-то, наоборот – злые. К примеру, человек собирается стать монахом. В зависимости от обстановки, от условий, в которых он жил в миру, у него имеются различные добрые и недобрые помыслы. Он может иметь десять-двадцать и даже восемьдесят процентов недобрых помыслов. Начав внутреннюю работу и наблюдая за собой, такой человек старается изгонять злые помыслы и возделывать помыслы добрые. Продолжая стараться, он спустя время достигает того, что имеет одни только добрые помыслы. Количество времени, необходимое на то, чтобы ушли злые помыслы, будет зависеть от того, как долго он имел их в миру. По истечении еще какого-то времени добрые помыслы тоже мало-помалу прекратятся и человек достигнет состояния некой опустошенности. На этой стадии у человека нет ни добрых, ни недобрых помыслов, и это даже приносит в его душу некое беспокойство. Находясь в таком состоянии, человек начинает задаваться вопросом: «Что это? Что сейчас происходит? Сперва у меня были помыслы злые, но они ушли, уступив место добрым. Но вот сейчас у меня вообще нет помыслов – ни плохих, ни хороших». А после этой опустошенности ум исполняется Божественной благодатью и приходит Божественное просвещение.

– Геронда, а какое оно, это исполнение Божественной благодатью?

– Человеку, который не видел даже звезд, невозможно объяснить словами, как выглядит солнце. Дать приблизительное представление о солнце можно тому, кто видел хотя бы звезды.

– Геронда, что помогает достигнуть того состояния опустошенности, о котором Вы упомянули?

– В этом помогут духовное чтение, непрестанная молитва, молчание и любочестное подвижничество – аскеза. Человек, горячо борющийся против злых помыслов, может достичь более хорошего состояния, чем тот, у кого злых помыслов почти не было. То есть такой человек, имея в начале своей духовной жизни девяносто злых и десять добрых помыслов, может достичь лучшего состояния, чем тот, у кого было девяносто помыслов добрых и десять злых.

Очищение ума и сердца

– Геронда, как приходит очищение ума и сердца?

– Я уже говорил вам о том, что для того, чтобы ум и сердце очистились, человек должен не принимать тех лукавых помыслов, которые приносит ему тангалашка, а также сам не должен мыслить лукаво. Нужно всегда стараться включать в работу добрый помысл, не соблазняться с легкостью [чужими недостатками], но смотреть на проступки других со снисхождением и любовью. Когда умножаются добрые помыслы, душа человека очищается, он ведет себя с благоговением и умиротворяется. Жизнь такого человека становится раем. В противном же случае человек на все смотрит с подозрительностью и его жизнь превращается в адскую муку. Он сам делает свою жизнь адом.

Чтобы очиститься – нужно потрудиться. Мы можем признавать свое состояние скверным, но этого недостаточно. Если мы не принимаем лукавых помыслов, не мыслим лукаво сами, включаем в работу добрый помысл обо всем, что нам говорят и что мы видим, то ум и сердце очистятся. Конечно, искушитель не прекратит время от времени посылать нам свои лукавые «телеграммы». Стрелы дьявольских искушений будут продолжать лететь в нас – даже если мы избавимся от наших собственных [злых] помыслов. Однако если наше сердце будет чистым, то дьявольские приращения не будут к нему прилепляться.

– Геронда, а помогает ли молитва в деле очищения ума?

– Одной молитвы недостаточно. Кто-то может изводить во время молитвы килограммы ладана, однако если его ум полон лукавыми помыслами о других, то пользы это не приносит. От ума опускается [лукавая] «телеграмма» в сердце и делает человека зверем. Бог хочет, чтобы мы имели *сердце чисто*⁸. А наше сердце чисто тогда, когда мы не позволяем злomu помыслу о других проходить через наш ум.

– Геронда, сначала сам человек включает в работу добрый помысл, а уже потом ему помогает Бог?

– Смотри: только в том случае, если сам человек включает в работу добрый помысл, он имеет право на Божественную помощь. Добрым помыслом человек очищает свое лукавое сердце. Ведь *от сердца бо исходит*⁹ все злое, и *от избытка бо сердца глаголют уста его*¹⁰. Но и кроме того что человек, включающий

⁸ Пс. 50, 12.

⁹ Ср. Мф. 15, 19.

¹⁰ Лк. 6, 45.

в работу добрый помысл, очищает этим свое сердце, ему воздаст за это Бог.

Ставьте вопросительные знаки после помыслов подозрительности

– Геронда, что поможет мне прогнать помыслы подозрительности?

– [А ты уверена, что] все действительно обстоит так, как тебе это представляется? Раз ты обычно видишь во всем плохое, то после каждого своего помысла всегда ставь вопросительный знак. А кроме того, чтобы не согрешать в своих суждениях, включай в работу и добрый помысл о других. Если ты станешь ставить после своих помыслов не по одному, а по два вопросительных знака, будет еще лучше. А если по три, то совсем хорошо. Поступая так, ты будешь умиротворяться и получать пользу. И не только сама – ты окажешь пользу другим. В противном же случае, принимая помыслы «слева», ты приходишь в раздражение, волнуешься, расстраиваешься и наносишь себе духовный вред. Если будешь относиться ко всему, что происходит вокруг, с добрыми помыслами, то спустя немного времени увидишь, что дело в действительности обстояло так, как ты это увидела, включив в работу добрые помыслы. Расскажу тебе один случай, чтобы ты поняла, что может наделать «левый» [недобрый] помысл. Как-то раз ко мне в каливу пришел один монах и сказал: «Старец Харалампий¹¹ – колдун. [Я сам видел, как] он ворожил». – «Что же ты говоришь, глаза твои бесстыжие! –

¹¹ Старец Харалампий (1914–1998) – святогорский монах, подвизавшийся на Капсале, современник Старца Паисия. – *Прим. Пер.*

отчитал я его. – И не стыдно тебе такое нести!» – «Да! Да! – настаивал он. – Я сам видел, как однажды ночью при луне Старец мычал: “М-м-ме... М-м-ме...” – и при этом лил в кусты какую-то жидкость из большой оплетенной бутылки!». Ну что ж, выбираю я свободный день и иду в каливу Старца Харалампия. «Ну, – спрашиваю, – отче Харалампие, как твои дела? Как житье-бытье? Чем занимаешься? Тут один увидел, как ты что-то лил в кусты из большой бутылки, да еще и мычал: “М-м-ме!...”» – «Там в зарослях, – показал мне Старец, – растут несколько лилий, вот я и поливал их. Напевая “*Радуйся, Невесто Невестная!*”¹², я выливал немного водички на один цветок, потом опять пел: “*Радуйся, Невесто Невестная!*” – и выливал немного воды на другой... Потом наполнял бутыль, возвращался к цветам и снова их поливал...» Видишь как! А другой увидел все это и принял Старца за колдуна!..

Какие же добрые помыслы имеют некоторые мирские люди! А другие – несчастные – так страдают от вещей, которые не просто не существуют в природе, но которые и сам диавол не смог бы выдумать! Однажды, когда после страшной засухи пошел дождь, я почувствовал такую благодарность Богу, что, сидя в каливе, без остановки восклицал: «Боже мой, благодарю Тебя миллионы, миллиарды раз!». Я не знал, что в это время под окном стоял один мирской человек и слушал. Потом, встретившись со мной, он признался: «Отец, а ведь я соблазнился. Я услышал про все эти “миллионы”, про все эти “миллиарды” и подумал: “Вот оно как! Каков фруктик этот отец Паисий!”» И что ему

¹² Известные слова из Акафиста Пресвятой Богородице, восхваляющие Ее Божественное Зачатие, Рождество и Непорочное Девство.

было объяснять? Я имел в виду [многие] благодарения Богу за дождь, а этот человек подумал, что я считаю деньги. А окажись на его месте кто-то другой, так мог бы еще и прийти ночью, чтобы меня ограбить! Мне досталось бы по первое число, а он в конечном итоге так ничего бы и не нашел.

А в другой раз ко мне пришел отец больного ребенка. Я провел его в церковку моей каливы, выслушал его горе и, желая ему помочь, сказал: «Для того чтобы твой ребенок стал здоров, ты и сам должен что-то сделать. Но что? Поклонов ты не кладешь, постов не соблюдаешь, денег, чтобы творить милостыню, у тебя тоже нет... Обратись-ка ты к Богу вот как: «Боже мой, у меня нет ничего достойного, чтобы принести жертву ради здоровья моего ребенка, но я постараюсь, по крайней мере, бросить курить». Эти слова тронули несчастного отца, и он пообещал, что последует моему совету. Пока я, выпуская его из каливы, возился с замком, он, вынув из кармана зажигалку и сигареты, положил их под иконой Спасителя в храме. Я этого не заметил. Следующим посетителем оказался некий юноша, которому надо было что-то мне сказать. После беседы, не успев даже выйти из каливы, он достал сигарету и закурил. «Здесь, парень, курить нельзя, – сказал ему я. – Отойди подальше в сторону». – «А тебе в церкви курить можно?» – спросил он в ответ. Увидев в церкви пачку сигарет и зажигалку, это малый «смастерил» помысл, будто я курю! И не стал я его разубеждать, дал ему уйти со своим помыслом. Ну ладно, даже если бы я и в самом деле курил, то неужели я делал бы это в храме? Видите, что такое помысл?

– Геронда, а какой ущерб могут причинить душе подозрительность, недоверчивость и мнительность?

– Какого рода подозрительность, такого рода и ущерб. А недоверчивость и мнительность приносят [духовную] болезненность, худосочие.

– Чем же исцелить эту немощь?

– Добрыми помыслами.

– Геронда, а если человек однажды увидит, что в чем-то промахнулся, то есть что его подозрения не подтвердились, то разве это не поможет ему [осознать свою ошибку]?

– Если он промахнулся однажды, то это еще куда ни шло. Однако, промахнувшись дважды, он уже покалечится. Требуется внимание. Ведь мы тяжко согрешаем, даже если дело обстоит не так, как мы себе это представляли, всего лишь на одну тысячную долю. Помню, когда я жил в общежительном монастыре, старенький монах, отец Дорофей, Великим постом жарил кабачки. Один брат, увидев, как Старец кладет кабачки на сковородку, поспешил поделиться со мной своими впечатлениями: «Пойди-ка полюбуйся! – сказал он. – Отец Дорофей жарит рыбу! Во-от такие здоровые барабульки!» – «Ну уж нет, – отвечаю, – быть не может, чтобы Старец Дорофей Великим постом жарил барабульку!» – «Может, может! – настаивал он. – Я своими глазами видел! Во-от такущие барабульки!» А Старец Дорофей пришел на Святую Гору пятнадцатилетним мальчиком и был для братии как родная мать. Видя, что у кого-то из монахов нелады со здоровьем, он говорил ему: «Иди-ка, милый, сюда, я хочу рассказать тебе один секрет» – и подкреплял больного тахином¹³ с толченым грецким орехом или же чем-то еще. И о стареньких мона-

¹³ Кашеобразная масса из кунжута. – *Прим. Пер.*

хах он заботился подобным образом. Ну так что же? Иду я к отцу Дорофею и вижу, что он жарит кабачки для монастырской больницы!

– Геронда, а как быть, если помысл подозрения о ком-то подтвердится на деле?

– Если такой помысл однажды и окажется верным, то неужели это значит, что подобные помыслы будут оказываться верными постоянно? А кроме того, откуда ты знаешь: может быть, Бог попустил такому помыслу оправдаться на деле ради того, чтобы человек, которого ты подозревал, сдал экзамен на смирение?

Конечно, и нам самим необходимо быть внимательными. Мы не должны давать людям повод придти к ошибочным заключениям. Например, если у человека возник о тебе «левый» [недобрый] помысл, то причиной этого может быть как его собственная недоброжелательность, так и то, что ты сам дал ему повод плохо о тебе думать. Но если человек думает о тебе плохо, несмотря на то что ты ведешь себя со вниманием, то прославь Бога и помолись о нем.

Собеседование с помыслами

– Геронда, когда ко мне приходит гордый помысл, я испытываю мучение.

– Ты что, удерживаешь этот помысл в себе?

– Да.

– Зачем же ты его держишь? Закрывай перед ним дверь. Удерживая такой помысл в себе, ты повреждаешься. Помысл, подобно вору, приходит к тебе – ты открываешь ему дверь, вводишь в дом, заводишь с ним беседу, а потом он тебя грабит. Разве можно заводить

разговоры с воров? С ним не только избегают бесед, но и дверь запирают накрепко, чтобы он не вошел. Хорошо, даже если ты и не собеседуешь с помыслом – все равно, зачем ты позволяешь ему входить внутрь? Приведу тебе пример. Предположим, тебе приходит помысл о том, что ты можешь стать игуменьей. Я не говорю, что ты и вправду имеешь такие помыслы, но привожу это как пример. Ну так вот, пришел тебе такой помысл. Ладно. Как только он пришел, скажи себе так: «А-а! Чудесно! Ты хочешь быть игуменьей? Так вот: стань сперва игуменьей для самой себя». Сказав так, ты сразу же прекращаешь беседу [с дьяволом]. Да неужто будем с дьяволом лясы точить? Посмотри, ведь когда дьявол пришел искусить Христа, Он сказал ему: «*Иди за Мною, сатано*»¹⁴. Раз Христос сказал дьяволу: «А ну иди отсюда...», то уж мы-то с какой стати будем с ним разговоры вести?

– Геронда, а если я собеседую с «левым» помыслом, чтобы узнать, откуда он происходит, – это плохо?

– Плохо то, что ты собеседуешь не с помыслом, как тебе это кажется, а с тангалашкой. Собеседуя с ним, ты приятно проводишь время, однако впоследствии мучаешься. С такими [«левыми»] помыслами не разговаривай совсем. Лови [вражескую] гранату на лету, и [сразу] бросай ее [обратно] во врага – чтобы он погиб. Есть такие гранаты, которые разрываются не сразу, а спустя две–три минуты. «Левый» помысл подобен таким гранатам: если ты изгонишь его сразу, он не может тебе повредить. Но иногда, теряя бдительность, оставляя Иисусову молитву, ты не можешь обороняться. Дьявол, находясь извне, посылает тебе

¹⁴ Лк. 4, 8.

«телеграмму». Получив эту «телеграмму», ты читаешь и перечитываешь ее, веришь тому, что в ней написано, и потом кладешь в архив. Вот эти-то «досье» и будут раскрыты тангалашкой в день Суда для того, чтобы тебя обвинить.

– Геронда, а когда приражение «левого» помысла является падением?

– Вот приходит помысл, и ты его немедленно прогоняешь. Это не падение. Но вот он приходит, и ты беседуешь с ним. Это – падение. [А может быть и так:] вот он приходит, ты его ненадолго принимаешь, а потом изгоняешь. Это половина падения, поскольку и в этом случае ты повредила: ведь диавол осквернил твой ум. То есть в последнем случае ты все равно что говоришь пришедшему диаволу: «Добрый день, как поживаешь? Хорошо? Присаживайся, я тебя угощу. А?! Так ты диавол? Ну, тогда уходи!». Но раз ты видела, что это диавол, зачем было пускать его внутрь? А теперь ты его «угостила», и поэтому он придет вновь.

Сосложение с помыслом

– Геронда, почему в монастыре меня осаждают различные плохие помыслы, тогда как в миру со мной такого не происходило? Я что, сама попускаю им это?

– Да нет же, глупенькая! Пускай себе приходят и уходят. Разве самолеты, пролетающие над монастырем и нарушающие безмолвие, спрашивают у тебя на это позволения? Так же обстоит дело и с этими помыслами. Не отчаивайся. Эти помыслы внушает тебе диавол. Они подобны перелетным птицам, которые, паря в вышине, смотрятся очень красиво, – и ты, разинув рот, ими любишься. Однако, когда эти птицы

спустятся, совьют в твоём доме гнезда и выведут там птенцов, эти птенцы изгадят тебе весь дом.

– Так почему же, Геронда, мне приходят такие помыслы?

– Это работа дьявола. Но и в тебе самой есть некий мутный осадок. Очищения ещё не произошло. Однако раз ты не принимаешь этих помыслов, то и ответственности не несешь. Оставь псов – пусть себе лают. И не бросай в них много камней. Ведь пока ты будешь кидать в них камни, они будут продолжать лаять. А потом из многих камней [бесы] построят себе «монастырь» или дом – на что хватит стройматериалов... И потом тебе уже нелегко будет разрушить то, что они построят.

– Геронда, а когда возникает сосложение с помыслами?

– Когда ты их сосешь, как карамельку. Постарайся не услаждаться вкусом этих помыслов, снаружи покрытых сахарной глазурью, а изнутри полных ядовитой горечи, иначе впоследствии ты будешь приходить в отчаяние. То, что через человека [просто] проходят нехорошие помыслы, – не повод для беспокойства. Ведь злые помыслы не приражаются только к Ангелам и к людям, достигшим совершенства. Беспокоиться стоит в том случае, когда человек утрамбовывает, выравнивает часть своего сердца и начинает принимать на посадку «волколеты»¹⁵ [вражеских Волко-Воздушных Сил] – то есть бесов. Если такое вдруг случится, необходима немедленная исповедь, вспашка Волко-Посадочной полосы и ее засадка плодоносными деревьями – чтобы сердце вновь превратилось в райский сад.

¹⁵ Игра слов: образованное Старцем слово «волколет» (*греч.*) в греческом языке созвучно слову «вертолет» (*греч.*). – *Прим. Пер.*

Глава II

ПРЕОДОЛЕНИЕ БОЯЗЛИВОСТИ

Николай Евграфович Пестов

Преодоление боязливости и мужество

Наряду со страхом
Божием христианин
должен обладать
и мужеством –
бесстрашием –
за свою земную
судьбу, основанным
на глубокой вере
в постоянный
и благий Промysl
над ним Бога.

Собранность и мысли христианина

Страх Господень

*Страх Господень научает
мудрости (Притч. 15, 33).*

«Господи, всели в мя корень благих, страх Твой в сердце мое» – читаем мы каждый день в вечернем молитвенном правиле. Что это за страх, который необходимо иметь христианину?

Как говорит епископ Вениамин (Милов), этот страх «занимает место в начале добродетелей, свидетельствует о внутренней живости человека для Бога и блистании благодати Святого Духа во мраке грешной души».

Как и всякая из добродетелей – страх Господень есть дар Божий христианину.

Работайте Господеву со страхом, и радуйтесь Ему с трепетом (Пс. 2, 11). Как пишет епископ [свт.] Игнатий (Брянчанинов) – «Этому научает нас Святой Дух; покорным Его велению Он говорит: *Приидите, чада, послушайте Мене, страху Господню научу вас* (Пс. 33, 12). Он возвещает обетование даровать страх Божий тем, которые истинно вознамереваются

усвоиться Богу: *Страх Мой вложу в сердца их, чтобы они не отступали от Меня* (Иер. 32, 40).

Начало великой науки – деятельного Богопознания – страх Божий. Эта наука называется в Священном Писании премудростью. *Страх Господень научает мудрости.*

Мы все будем некогда свидетелями Второго Пришествия Христа на землю. Это Пришествие начинается с Суда, который Церковь называет «Страшным», потому что на нем будет решаться участь христианина для вечности. Пригодными для Царствия Божия будут признаны те, кто, живя на земле, проявили красоту души в жертвенных подвигах милосердия.

Но этот суд «страшен» еще не только потому, что мы должны дать там ответ за себя. Он «страшен» тем, что с нас взыщутся грехи и нашего потомства (физического и духовного), если в них окажется и наша вина.

Как пишет епископ Аркадий (Лубенский): «На Страшном Суде перед совестью каждого встанет все то, что он соделал не только сам, но в детях, внуках, правнуках и даже в поколениях им наученных, получивших от него телесные и душевные наклонности, видевших и усвоивших себе пример его жизни; другими словами – плоды наших дел, слов, мыслей, не прекращавшихся до Страшного Суда».

Боимся ли мы этого величайшего из моментов будущности и можем ли мы быть уверены в достаточности наших дел милосердия и духовной заботы о нашем потомстве?

Когда наступило время кончины великого подвижника древности преподобного Агафона, то он пробыл три дня в глубоком внимании к себе, не бесе-

дую ни с кем. Братия спросили его: «Авва Агафон, где ты?» – «Я предстою Суду Христову» – отвечал он. Братия сказали: «Неужели и ты, отец, боишься?» – Он ответил: «Я старался по силе моей сохранять заповеди, но я человек, и откуда знаю, были ли мои дела угодны Богу?».

Братия спросили: «Неужели ты не уповаешь на жителство твое, которое было сообразно воле Божией?» – «Не могу уповать, – отвечал он, – потому что иной суд человеческий, а иной Суд Божий».

А этот угодник Божий во всем строго, постоянно наблюдал за собой и говорил, что без тщательного наблюдения за собой человеку невозможно достичь спасения.

Так думали о себе великие подвижники и сомневались в мысли об угодности их жизни Господу.

Итак, для спасения своей души человеку необходим страх – сознание необычайной опасности своего положения. Епископ [здесь и далее – свт.] Феофан Затворник говорит, что христианину «надо зажечь беду вокруг себя».

Эта загадочная формулировка епископа Феофана объясняется так: только чувство большой и рядом стоящей опасности может встряхнуть человека и побороть его косность, лень и благодушие.

Это чувство должно быть таким же сильным, как ощущение горящего дома, в котором человек находится: чтобы не погибнуть, надо немедленно все оставить и спастись из него, невзирая ни на усталость, ни на болезни или физическую слабость.

Это чувство – говорит епископ Феофан, – «было у всех святых и никогда их не оставляло. Противное ему есть чувство довольства своим положением, которое

успокаивает человека и погашает в нем всякую заботу о спасении. “Сыт – и что еще?”».

Спасительный страх должен сохраняться на всем пути у христианина-подвижника до достижения им совершенной любви. Об этом так пишет схиархимандрит Софроний [здесь и далее – (Сахаров)]:

«В основе пути к бесстрастию имеется вера, понимаемая не как логическое убеждение, а как чувство живого Бога: от веры рождается страх суда Божия; от страха – покаяние; от покаяния – молитва, исповедание, слезы.

Покаяние, молитва и слезы, умножаясь и углубляясь, приводят сначала к частичному освобождению от страстей, откуда рождается надежда.

Надежда умножает подвижнические труды, молитвы и слезы; утончает и углубляет чувство греха, в силу чего возрастает страх, переходящий в глубочайшее покаяние, которое преклоняет милосердие Божие, и душа удостоивается благодати Святого Духа, исполненной света Божественной любви.

И вера есть любовь, но малая; и надежда есть любовь, но не совершенная. Каждый раз, когда душа восходит от меньшей меры любви к большей, она неизбежно проходит через страх.

Любовь своим явлением изгоняет страх, но, изгнанный малой любовью, он, при переходе души к большей любви, снова возрождается и снова преодолевается любовью; и лишь совершенная любовь, по свидетельству великого апостола любви, совершенно изгоняет страх, то есть тот страх, в котором есть мучение.

Есть иной страх Божий, в котором нет муки, но радость и дыхание святой вечности».

Об этом страхе, который не должен оставлять человека в пределах земного бытия, старец Силуан [здесь и далее – прп. Силуан Афонский] говорит так:

«Пред Богом должно жить в страхе и любви. В страхе, потому что Он Господь; в страхе, чтобы не оскорбить Господа плохим помыслом; в любви, потому что Господь есть любовь».

Как видно из слов старца Силуана и схиархимандрита Софрония, у страха Божия, как и у всякой христианской добродетели, есть ряд степеней.

В основном они подразделяются на три вида:

- 1) страх раба,
- 2) страх слуги,
- 3) страх сына.

При первом виде страха человек лишь боится наказания за свои грехи и осуждения в ад на вечную муку.

Но хотя это и спасительный страх, он, однако, далеко не совершен. В нем нет элемента любви к правде и истине. А ведь важно не только не грешить, но и иметь отвращение к греху. И Господь говорит – *Милости хочу, а не жертвы* (Мф. 9, 13).

Второй вид страха – страх слуги, при котором боится упустить оплату за труд, то есть христианину лишиться радостей Царства Небесного.

Поэтому человек силится делать добро и выполнять заповеди, хотя душа его еще далека от христианских добродетелей – Христовой любви, смирения и кротости. Здесь также еще далеко до совершенства: здесь пока еще труд наемника.

Сын уже не боится наказаний и не гонится за наградой. Он отдал сердце Отцу и более всего боится его огорчить чем-либо, то есть малейшим грехом

и каким-либо невоздержанием. Высшая радость для него – делать приятное Небесному Отцу, хотя бы это стоило жертв, страданий или даже смерти тела...

В последнем – сыновнем страхе есть, конечно, и свои степени, как об этом пишет схиархимандрит Софроний: «По мере роста любви – видоизменяется и чувство сыновнего страха. И лишь совершенная любовь, изгоняя всякий страх, заполняет душу «совершенной радостью Христовой» (см.: Ин. 15, 11).

Как говорит старец Силуан: «Надо жить в страхе, потому что должно бояться, как бы не оскорбить Бога даже каким-либо плохим помыслом.

...Мы можем ничего не бояться, кроме греха, потому что из-за греха теряется благодать, а без благодати Божией погонит враг душу, как ветер гонит лист сухой или дым».

Преодоление боязливости и мужество

Будьте мужественны
(1 Кор. 16, 13)

*Н*аряду со страхом Божиим христианин должен обладать и мужеством – бесстрашием за свою земную судьбу, основанным на глубокой вере в постоянный и благий Промысл над ним Бога. При этом он должен преодолеть житейскую боязливость и приступы уныния и сомнений.

Как пишет архиепископ Арсений Чудовский [здесь и далее – (Жадановский)], «Крайняя боязнь и малодушие недостойны христианина, верующего в Про-

мысл Божий. Ты благоговей, молись Творцу мира и в то же время оставайся с чувством глубокой веры, что ты не один, а с Господом, под покровом Его, и надейся, что Он тебя помилует и сохранит».

Как говорит Господь в Откровении: *Боязливых же... участь в озере, горящем огнем и серою* (Откр. 21, 8).

Он говорит также, что христианин остается бесплодным, если «соблазняется от скорби или гонения за слово» (см.: Мф. 13, 21; Мк. 4, 17).

Итак, боязливость перед исповеданием веры и исполнением заповедей Господних, ведущая к отступлению от них, есть порок, который должен преодолеваться мужеством.

Есть и еще одна опасность для ревнующих о спасении. Это мысль о трудности спасения и отчаяние в спасении.

Действительно, можно ли нам быть уверенными в этом, когда апостол Петр говорит, что и *праведник едва спасается* (1 Пет. 4, 18).

Даже преподобный Сисой Великий перед своей кончиной говорил: «Поистине не знаю о себе – положил ли я начало покаяния».

Поэтому путь христианина – узкий путь, и если лукавому не удастся столкнуться с него человека влево, он начинает толкать его вправо: то есть если не удастся соблазнить человека злом, то он начинает соблазнять его добром – непосильными и несвоевременными подвигами.

Также, если лукавому не удастся победить бодрствования человека над собой и усиленного внимания к своему внутреннему устройению, то он начинает прививать ему мысль о чрезвычайной трудности или почти невозможности спасения.

Здесь следует вспомнить про явление бесов Старцу Силуану, которые то говорили ему: «Ты святой», а то: «Ты не спасешься». Он спросил их, почему они говорят то так, то наоборот. Они с бесстыдством отвечали: «Мы вообще никогда не говорим правды».

Указывая на узость пути христианина – на трудность удержаться в действительно правильном состоянии духа, святые отцы рекомендуют следующее правило: проявляя мужество, не надо отчаиваться в спасении и унывать, но отнюдь не надо обольщаться и своей праведностью или заслугами.

Об этом так пишет схиархимандрит Софроний: «Сердце христианина всего боится, вплоть до малейшего движения мысли или недоброго чувства; оно тревожится за все, о всем болит и печалится, и вместе с тем ничего, ничего не боится, хотя бы «небо столкнулось с землей», хотя бы горы с шумом пали на главы наши всей своей тяжестью, глубокое сердце христианина пребудет в бесстрашном покое».

Нам надо подражать поэтому апостолу Павлу, который говорит: *Говорю так не потому, чтобы я уже достиг, или усовершился; но стремлюсь, не достигну ли я, как достиг меня Христос Иисус. Братия, я не почитаю себя достигшим; а только, забывая заднее и простираясь вперед, стремлюсь к цели, к почести высшего звания Божия во Христе Иисусе* (Флп. 3, 12–14).

Итак, в душе христианина должен произойти особый синтез (соединение) двух состояний, которые могут показаться противоположными: мужества и надежды на искупительную жертву Христа и на милосердие Божие, и вместе с тем, глубокого созна-

ния своего недостойнства и незаслуженности этого милосердия.

При непрестанном и тщательном внимании к себе, совесть человека должна постоянно свидетельствовать ему, что он делает все для спасения, что только может. От этого будет сознание, как у апостола Павла, что, *забывая заднее, я простираюсь вперед* (Флп. 3, 13). Следует сказать, что при приступах уныния могут оказаться полезными приемы, подобные нижеследующему.

Игуменья Арсения, будучи молодой монахиней, так боролась с унынием. Она приходила к своей старице – схимонахине Ардалионе, и говорила ей: «Ма-тушка, похвалите меня за что-нибудь».

И мудрая Ардалиона начинала ее хвалить и тем вселяла ей мужество и разгоняла ее уныние.

Как пишет епископ [здесь и далее – сщмч.] Серафим (Звездинский): «Господь особенно благословляет, особенно охраняет всех тех, кто воинствует во имя Его, или борясь со своими страстями, с дьяволом, с миром сим прелюбодейным и злым, или встает на защиту имени Господа против врагов Его.

Не любит Господь слабых духом, робких, вялых. Он требует от нас мужественного стойкого исповедания Его. Церковь Божия прославляет святителей, праведных, преподобных, но особенно высокую награду Господь обещает мученикам, тем, которые испытали физические телесные муки за Него, или тем, которые переносят духовные муки – насмешки, гонения, преследования, клевету за прославление имени Его. Этих особенно прославляет Господь.

Он и нас учит, чтобы мы без боязни стояли крепко на страже Его Церкви, не боясь страданий и преследований, защищали ее уставы, ее установления, ее догматы, мужественно переносили всякие искушения и напасти от врагов, особенно от слуг князя тьмы: стойко, настойчиво боролись с грехом и страстями своими. Таких крепких борцов Своей милостью особенно покрывает Господь, особенно промышляет о них, особенным вниманием и ласкою Его пользуются они.

Как земной полководец заботится о своих воинах, знает каждого в лицо, знает нужду каждого, так Господь воинств, Господь, полководец небесный, заботится и знает лицо каждого из Своих воинов.

Его пророки, все Его апостолы были в то же время и Его воины. Все они вынесли тяжелую борьбу и понесли подвиг мученичества за исповедание имени Его. И какой любовью, заботой, защитой обнимал Господь всех этих служителей, воинов Своих».

Надо знать и указание святых отцов: «Кто начал работать Господу, пусть приготовится встретить на этом пути многие искушения».

Мужество необходимо и при высоких степенях совершенства в христианских добродетелях, так как и при них темные силы продолжают всегда бороться с подвижниками всякими искушениями.

Об этом так пишет преподобный Исаак Сириянин: «Ибо и те, у кого зрение здраво, будучи исполнены света и приобретя себе вождей благодати, день и ночь бывают в опасности по причине ужасов, ожидающих их в пути, и встречающихся им страшных стремнин и образов истины, оказывающихся перемешанными с обманчивыми призраками оной, между тем как очи у них полны слез, и они в молитве и плаче продолжают служение свое целый день, даже и ночь».

**Отрыв человека
от источника жизни – Бога,
соприкосновение его
с космосом темных сил
и последствия этого
Сатана и темные силы**

Се даю вам власть наступать на змей и скорпионов (Лк. 10, 19).

Как пишет епископ [свт.] Игнатий (Брянчанинов): «Погибель наша совершилась через уничтожение общения нашего с Богом и через вступление в общение с падшими и отверженными духами. Спасение наше заключается в расторжении общения с сатаной и в восстановлении общения с Богом».

Ни один из христиан в жизни не избегает встреч с темной силой. «В мире сатана борется со Христом, а поле битвы – сердца людей», – пишет Достоевский.

И здесь важно нам обнаружить его присутствие, чаще всего тайное, а иногда и совершенно явное. Вот как об этом пишет о. Иоанн С. [прав. И. Кронштадтский]:

«Когда приступим искренно работать Господу и заденем за живое гнездящихся в нас демонов наших страстей, тогда-то они на нас вооружаются всею своею адскою злобою, всеми своими страхованиями, сильными пристрастиями к земным благам, пока не выгоним их из себя усердною молитвою или причастием Святых Таин.

Так бесноватые бывают покойны до того времени, пока их не подведут к святыне, а подведут – откуда

возьметса сила необыкновенная, отвращение от святыни, хула, оплевывание святыни, пронзительный крик.

Вот вам объяснение недоумения – отчего бесноватые, или так называемые кликуши, кричат в церкви во время обедни, или когда их подведут к святым мощам; это потому, что бесы встречаются с благою силой, им ненавистною и сильнейшею их, которая палит, теснит, поражает их, гонит их вон из любимого их жилища».

Бояться ли нам сатаны и его воинства? Они действительно сильны и страшны.

Преподобный Серафим говорил, что «если бы дозволил Господь, то сатана одним когтем мог стереть с лица земли весь род человеческий».

Как пишет о. Александр Ельчанинов – «чем больше живешь, тем убедительнее видишь, как силен сатана».

Но их бояться христианину не следует. С момента Воскресения Христова звучат Его победные слова: «*Я победил мир*» (Ин. 16, 33) и «*дана Мне всякая власть на небе и на земле*» (Мф. 28, 18). И сила Господня, и сила Его Креста, и благодать Таинств, и добродетель смирения таковы, что спасают от сатаны всех, кто с верою прибегает к Богу за помощью.

Подвижники благочестия и святые дают нам бесчисленные примеры бесстрашия по отношению к темной силе.

Вот пример о том из жизни подвижницы благочестия, духовной дочери преподобного Серафима – Елены Васильевны Мантуровой.

До поступления в Дивеевскую обитель (общину) Елена Васильевна жила вместе со своим братом Михаилом Васильевичем и его женой. Как-то разразилась

страшная гроза. Вся семья собралась в комнате Елены Васильевны, где та спокойно молилась в углу перед киотом. Вдруг при одном из сильных ударов, в углу под киотом, где стояла подвижница, раздался совершенно неестественный крик, как бы кошки.

Этот крик привел всех в ужас и все бросились к Елене Васильевне. «Не бойся, братец, не бойся, сестрица, – спокойно сказала она. – Ведь это диавол». Она сотворила знамение креста на том месте, где был крик, и добавила: «Вот и нет его, разве он что-либо может». Водворилась тишина, и все успокоились.

Следует заметить, что Господь попускает диаволу пугать или нападать видимо (воочию) лишь на христиан уже возросших и окрепших духовно, для их совершенства в духовной борьбе. Всем новоначальным в духовной жизни диаволу не дано открываться видимым образом. Но подвижникам благочестия и святым приходится от него часто терпеть.

Вот случай с той же Еленой Васильевной.

Однажды как-то ночью читала она Псалтирь в нижней церкви Дивеева. Вдруг с верхней паперти пустился кто-то бегом по лестнице, ворвался в церковь, где она молилась, и грохнулся с таким шумом и треском, что вскочили около нее спящие сестры.

В другой раз, там же в церкви, когда она, услышав стук в дверь, пошла ее отпирать, то увидела кого-то, стоящего перед ней в саване и т. п.

Узнав про эти нападки, преподобный Серафим запретил Елене Васильевне оставаться в церкви одной.

Как говорил старец Адриан (Югской пустыни), много потерпевший от нападений темной силы, – «какими только страхованиями, бедами, сетями бесовскими, невыносимыми страшилищами наполнен

воздух. Так что, если бы человек прозрел в это, то едва мог бы остаться в живых. Но все это от нас сокрыто благим Промыслом Господа, по Его милости».

Он же говорил: «Эти искушения и сети неизбежно должны коснуться всякого человека. И тогда человеку бывает томительно и тяжело».

Как говорят нам святые отцы, существуют три ступени касания темной силы к человеку.

Первая ступень – пробуждение в душе человека тех или иных страстей, склонности ко греху и приражения разных пристрастий.

Если не успеваешь в этом темная сила и человек успешно борется со всеми этими приражениями, то темная сила начинает нападать на человека через посредство окружающих его людей, возбуждая в них недовольство, вражду и ненависть к подвижнику благочестия. Вооружает против него и его близких, которые начинают донимать его побуждением отступить от праведного пути.

Если и в этом не будет удачи у темной силы, или подвижник живет в уединении, то темной силе бывает попущено открыто являться подвижнику и запугивать его разнообразными страхованиями.

При этом для более сильных духом подвижников попускается и физическое нападение на них темных сил. Так, например, был избит бесами преподобный Антоний Великий.

Во всей этой борьбе закаляется сила духа святых и подвижников и уготовляются им победные венцы.

Следует упомянуть, что те из святых отцов и подвижников, которым дано было близко соприкоснуться с темной силой в противоборстве с ней (например, преподобный Антоний Великий), не любили много

говорить и открывать о ней, считая это ненужным или, может быть, опасным.

Другим примером является старец о. Алексей Мечев, который никогда не говорил своим духовным детям про лукавого и бесов. Они как бы не существовали для него, и он не хотел их знать.

Его молитва и осияние Святым Духом отгоняли от него и его близких духовных детей всю темную силу, и он поэтому как бы не знал ее и не встречался с ней.

И вряд ли христианину нужно подробно знакомиться с сатаной, его царством, его свойствами и проявлениями.

Можно думать, что здесь следует ограничиться тем, что открывает об этом Священное Писание и творения святых отцов Церкви.

И хотя христианину и нужно знать про все виды воздействия на его душу темных сил, но не надо искать и читать той литературы, которая непосредственно открывает ужасающий образ страшного врага человека и ту бездну ужасов, греха, порока и безобразия, которые насаждены им в человечестве.

Зачем душой спускаться ко тьме, когда спасение души в приобщении к свету? И полезно ли дышать ядовитыми испарениями, которые идут из этой тьмы? И если эти испарения проникают в нас, то не надо ли скорее уходить от них на чистый воздух – веяние Духа Святого?

Надо помнить, что по закону подражания опасно все, что порождается сатаной – все виды порока и греха, страстей и пристрастий, лжи и лжеучений, душевного безобразия и нечистоты. И чем дальше стоять от них, чем меньше они западают в душу, тем безопаснее для души.

Безусловно, что всем новоначальным в духовной жизни, не окрепшим еще духовно, надо проявлять осторожность в отношении темных сил. Им не следует брать на себя непосильных для них духовных подвигов, и надо помнить следующий совет одного опытного в духовной брани иеромонаха:

«Не дразните врага. Лучше пусть поменьше он вас замечает. Не выдержать вам борьбы с ним. Не только доброго поступка – и молитвы-то не прощает».

Поэтому очень немногие даже из пастырей решаются брать на себя такие задачи, как изгнание «молитвами и постом» (См.: Мф. 17, 21) темной силы из одержимых ею («бесноватых»). А те из них, которые делали это успешно, терпели обычно гонения; на них ополчались окружающие их люди, их изгоняли, переводили с места на место и т. п.

Однако, святых и ревностных подвижников благочестия не пугали и не пугают все воздвигаемые на них козни врага.

Как уже говорилось выше, по попущению Божию, преподобный Антоний Великий был жестоко избит бесами, что, однако, нисколько не ослабило его подвигов.

Святые всегда побеждали при видимом нападении на них темной силы.

Некогда сатана напал в образе льва на преподобного Савву Освященного (память 5/18 декабря). Бросаясь, он пятился назад, опять бросался и опять пятился назад. Видя, что зверь то бросается, то отступает, Преподобный сказал ему:

«Если у тебя есть от Бога власть съесть меня, то чего же ты пятишься назад? Если же нет, то почему ты трудишься понапрасну? Ибо силою Христа моего я

осилю тебя, лев». И тотчас же бес, явившись в зверином виде, исчез.

И когда христианину придется в жизни – наяву или во сне – встретиться с темной силой или с ее проявлением, надо лишь вспомнить о том непобедимом оружии, в которое облачен христианин. Этим непобедимым оружием является Крест Христов, которым надо ограждать себя при всех проявлениях темной силы, а также проявлением христианского смирения. Про последнее так пишет старец Силуан:

«Война (с темной силой) упорна, но только для гордых, смиренным же легко, потому что они возлюбили Господа, и Он дает им Свое сильное оружие – благодать Святого Духа, которой боятся наши враги, ибо она их опалает».

Впрочем, повторяем, если христианину не надо бояться видимых нападений темной силы, то о постоянном, невидимом телесными очами, воздействии ее на себя – ему надо всегда знать, иметь об этом отчетливое представление и непрестанно бороться с этим воздействием.

Как пишет архиепископ Арсений Чудовский: «Святые подвижники не советуют бояться козней вражьи, которые проявляются в борении от помыслов и т.п., ибо демоны могут нам только угрожать, но овладеть нашим существом не в силах, если мы ограждаем себя молитвою, крестным знамением и духовным трезвением. Боязнь же только расслабляет наше сердце, парализует все то, чем мы сильны против вражьей силы».

Находясь в состоянии какой-либо страсти, замечая в себе пристрастие к чему-либо, наблюдая в душе своей состояние, противоположное плодам Духа Святого

(*любовь, радость, мир* и т. д.) (Гал. 5, 22), т. е. отвращение от чего-либо доброго, неприязнь, холодность к людям, уныние, беспокойство, удручающую тяжесть и т.п., христианин должен ясно сознавать, что его душой, в какой-то степени, владеет темная сила.

Как пишет преподобный Антоний Великий: «Демоны не суть видимые тела, но мы бываем для них телами, когда души наши принимают от них помышления темные; ибо принявши эти помышления, мы принимаем самых демонов, и явными их делаем в теле». В таких случаях христианин должен немедленно вооружиться духовно и начать молиться.

Не своею силой христианин может побеждать лукавого – победа достигается только силою Христа и Его Креста. Поэтому и борьба будет заключаться преимущественно в прилежной молитве о заступлении и участии в Таинствах исповеди и причащения.

Из молитв в этих случаях читаются: «Да воскреснет Бог и расточатся врази Его» или «Символ веры».

В некоторых случаях (например, при сильных приражениях какой-нибудь страсти) может быть, понадобится присоединение к молитве поста. При этом надо помнить, что Господь чаще всего попускает нападки на нас лукавого или за проявление гордости, или для наказания нас за какой-либо грех. Поэтому и молитву о заступлении надо начинать с покаяния в тех грехах, о которых подскажет нам наша совесть.

Помимо непосредственного воздействия темной силы на христианина, она может влиять на него через людей, отдавшихся ей.

Методы этой борьбы со стороны сатаны и вся совокупность соблазнов представляет такую многогранную и большую область, что разбор этого вопро-

са требует особого места, и в настоящих очерках затрагивается лишь отчасти.

Приложения

Из бесед архимандрита Бориса Холчева

Сущность начальника темных сил – сатаны или дьявола, и его влияние на человечество вообще и на каждого человека в отдельности в нужной мере освещаются в беседах архимандрита Бориса Холчева «О молитве Господней». Ниже приводятся отсюда сокращенные выдержки на эту тему.

«О дьяволе или “лукавом” многократно говорится во многих местах Священного Писания, начиная с первой книги Святой Библии – книги Бытия, и кончая последней книгой “Апокалипсисом”.

Там говорится о дьяволе, как о величайшем противнике нашего спасения, как о том, кто создает величайшие препятствия на пути человека к Богу.

В 1-м соборном послании апостол Петр, обращаясь к христианам, говорит: “трезвитесь, бодрствуйте, дьявол, как лев, ищет кого поглотить”.

Замечательно место в послании апостола Павла к ефесянам: *Наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных* (Еф. 6, 12).

Священное Писание открывает нам, что дьявол вначале не был дьяволом. Будучи создан Богом как один из великих Ангелов, близких к Богу, он был наделен великими благодатными дарованиями.

Но в начале мировой истории произошла страшная катастрофа – этот светоносный Ангел пал, и причиной

этого падения была гордость. Он залюбовался на свои достоинства и те дары, которыми наделил его Бог, и у него возникла безумная мысль, что он сам является причиной этих даров.

У него возникла мысль, что он не нуждается в Боге. Эта безумная мысль и погубила его, он захотел быть равным Богу. Когда он возгордился, то он из светящегося Ангела сделался дьяволом. Все внутреннее его существо изменилось: вместо любви к Богу у него возникла хула; вместо радости Богообщения у него возникло стремление удалиться от Бога и существовать отдельно от Бога.

Этим безумием он заразил других Ангелов, и часть светлых Ангелов стала темными силами.

За этим первым преступлением последовало второе преступление.

Среди творений Божиих был человек. Человек был прекрасным творением Божиим. Он по своей душе был как Ангел, он был близок к Богу и тоже был наделен многообразными дарованиями.

Дьявол, по своей вражде к Богу, решил заразить человека грехом, чтобы осквернить творение Божие и удалить его от Бога. Это было второе величайшее преступление дьявола.

Конечно, вина человека в некоторой мере была меньше, чем вина дьявола. Дьявол сам удалился от Бога, а человек удалился от Бога обманом, увлеченный дьяволом.

Когда человечество удалилось от Бога, то дьявол и темные силы приобрели большое влияние и на жизнь каждого человека и на жизнь человечества в целом.

Один великий угодник, преподобный Антоний Великий, имел удивительное видение, полное глубо-

кого смысла. Он увидел сети диавольские, которыми было охвачено все человечество. Они показались ему непреодолимыми.

Что же это за сети диавольские?

Когда человек заразился грехом, то душа человека как бы открылась для влияния диавола, и диавол получил доступ сеять в душу человека всякое зло, и прежде всего он получил возможность сеять в душу человека гордость, греховные страстные мысли и стремления.

Диавол оказывает действие не только на душу человека, но и на тело человека.

В Евангельском повествовании встречаются рассказы о бесноватых, о так называемых “одержимых”. Это люди, у которых враг имеет влияние и власть не только над их душами, но и телами.

Если человек подчинен диаволу, если исполняет во всем его волю, если творит грех и беззакония, то когда мы встречаемся с таким человеком, он может заразить нас своим внутренним греховным содержанием. Этот человек может быть как бы орудием диавола, через которое он уловляет нас в свои сети.

Вот как многообразны, как страшны эти сети диавольские, которые как бы распростерты над всем миром.

Преподобный Антоний Великий, когда видел эти сети, он ужаснулся и воскликнул: “Кто и как может избежать этих сетей?” – И он услышал ответ: “Только смирение может избежать сетей диавольских”.

В этом ответе, который услышал преподобный Антоний Великий, заключается раскрытие великой тайны духовной жизни. Диавол сделался из Ангела диаволом через гордость, поэтому самым сильным орудием против него является смирение.

Если человек несет величайший труд, величайший пост, величайший молитвенный подвиг, если человек полон самоотвержения по отношению к другим людям, но если нет смирения, он не может победить диавола, он наверное будет жертвой диавола и будет побежденным.

Когда мы произносим прошение: “Но избави нас от лукаваго”, то мы молим Бога, Отца Небесного, чтобы Он избавил нас от этих диавольских сетей, чтобы нам не запутаться в этих сетях и не стать жертвой диавола. Поэтому каждый из нас пусть старается победить в своей душе гордость, внимательно замечать и изучать свои грехи и недостатки и перестать гнушаться и презирать других людей».

А вот еще данные к характеристике темных сил архиепископа Иоанна (Шаховского): «Духи злые жестоко расправляются и со своими союзниками. Будучи мстительными и не имея возможности мстить своим врагам – Божьим людям, они всегда мстят своим друзьям... Допускается это обнаружение зла в мире, чтобы оттолкнуться от него человек. Не верующие в Бога не верят и в совершеннейшее лукавство, в самоубийственность зла».

Почему попущено Богом существование темных сил?

Некоторые из христиан соблазняются существованием темных сил и недоумевают, почему было допущено Богом превращение светлого Ангела в сатану, увлечение Ангелов, ставших бесами, и все то зло, которое от этого затем разлилось в мире?

В наши задачи не входит философское обоснование или разрешение вопросов, трудно поддающихся решению слабым человеческим разумом. Далекое не все может понять он при непостижимой премудрости Божией. *«Мои мысли – не ваши мысли»*, – говорит Господь устами пророка Исаии (Ис. 55, 8). И даже сам мудрейший апостол Павел на один из трудных вопросов отвечал так: *«А ты кто, человек, что споришь с Богом? Изделие скажет ли сделавшему его: “зачем ты меня так сделал?”»* (Рим. 9, 20).

Приблизиться к Богу можно всего скорее путем чистой неиспытующей веры – путем простых пастухов, первых поклонившихся Сыну Божию в Вифлеемской пещере. Много позже пришли к Нему мудрецы, и только после долгого тяжелого пути.

Путь к Господу им указала звезда, а пастухи получили непосредственное откровение от Ангелов Божиих. Зачем же нам выбирать долгий и трудный путь мудрецов, а не последовать за простосердечными пастухами?

Приведем все же некоторые ответы святых отцов на поставленные вопросы.

Святые отцы – наиболее умудренные из людей Святым Духом Божиим, единодушно говорят, что во всем творении Божиим и во всех установленных Им законах, как для физического, так и для духовного мира – «все добро зело» (Быт. 1, 31).

Вот, например, как пишет о том священномученик Петр Дамаскин:

«Все существующее Бог сотворил к нашей пользе. Ангелы охраняют и научают нас. Демоны искушают, чтобы мы смирились и прибегали к Богу; через них мы спасаемся и избавляемся от возношения и нерадения по страху искушений»...

О том же пишет преподобный Исаак Сириянин: «Для того умножил Бог искушения, чтобы мы, устрасаясь их, прибежали к Нему».

О неизбежности в мире противоположностей и об обращении у Бога «зла» (в понятии человека) в «добро» у Бога пишет так мудрый пастырь о. Иоанн С:

«Не испытываешь на себе действия злых козней духа злого – не узнаешь и не почтишь, как должно, благодеяний, даруемых тебе Духом Благим. Не узнавши духа убивающего, не узнаешь и Духа Животворящего.

Только по причине прямых противоположностей добра и зла, жизни и смерти – мы узнаем ясно то и другое; не подвергаясь бедам и опасностям смерти телесной или духовной, не узнаешь сердечно и Спасителя Жизнодавца, избавляющего от этих бед и от духовной смерти...

Слава Богу, Премудрому и Всеблагому, что Он попускает духу злобы и смерти искушать и мучить нас. Иначе, как бы мы стали ценить утешения благодати, утешения Духа Утешительного, Животворящего».

Вместе с тем – как пишет иеромонах (впоследствии архиепископ) Иоанн (Шаховской) : «Если кто-нибудь из людей может восстать на Бога из-за несчастий в мире, то этим он духовно отделяет себя, отсекает от великой заботы Божией, выплавляющей вечное из временного, и значит, не признает мир Божий своим миром и не чувствует, что дело мира есть и его дело.

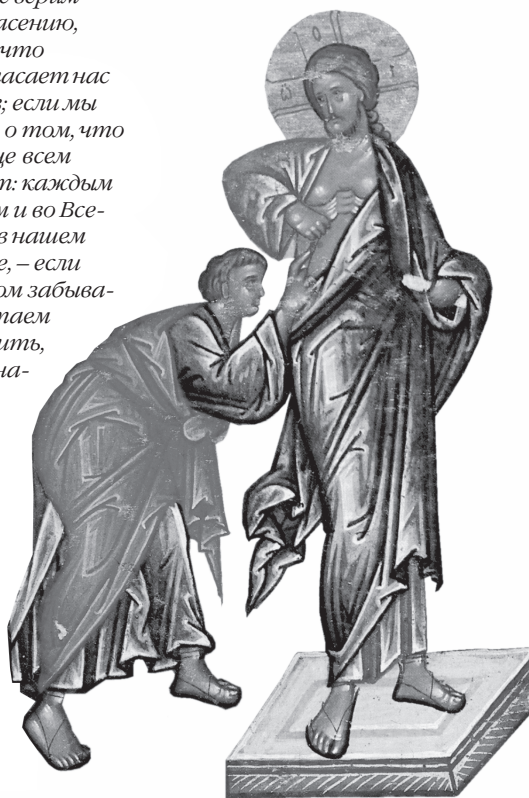
Ведь он призван участвовать в этом деле; он не управляет им – управляет им Тот, Кто в миллионы и миллионы раз мудрее, справедливее и могущественнее человека. И Он знает, что надо.

Эта тайна усыновления, доверчивого прития горестей мира раскрывается в Новом Завете и в книге Иова».

Не будь неверен, но верен

Если мы не верим
своему спасению,
не верим, что
Господь спасает нас
от грехов; если мы
забываем о том, что
Бог вообще всем
управляет: каждым
процессом и во Все-
ленной, и в нашем
организме, – если
мы об этом забыва-
ем, перестаем
в это верить,
то сразу на-
чинаем
тонуть.

Не будь неверен, но верен

Завтрашнее воскресенье называется Неделей пред Воздвижением. Потом будет Воздвижение, а потом еще – Неделя после Воздвижения. И получается, что Воздвижение Креста Господня мы празднуем больше двух недель. Так Святая Церковь печется о нас, чтобы мысль о кресте нас не утратила, а, наоборот, подвигала мужественно совершать жизненный путь, или, как святые отцы говорили, земное странствование. Потому что все мы на земле странники, мы бываем здесь временно, очень недолго.

В сегодняшнем Евангелии от Марка рассказывается, как Воскресший Господь «явился сперва Марии Магдалине, из которой изгнал семь бесов. Она пошла и возвестила бывшим с Ним, плачущим и рыдающим; но они, услышав, что Он жив и она видела Его, – не поверили. После сего явился в ином образе двум из них на дороге, когда они шли в селение. И те, возвратившись, возвестили прочим; но и им не поверили».

Когда Христа распяли, ученики, конечно, горько плакали, потому что утрата была уж очень велика. Никогда еще они не видели такого прекрасного человека, и вот Его убили ни за что. Невинная смерть всегда нас ужасает, и это очень понятно. Но вот приходит

Мария Магдалина, которую апостолы прекрасно знали, потому что она всегда с ними ходила и тоже была ученицей Спасителя. И она говорит: я была у гроба и видела воскресшего Иисуса, с Ним беседовала, и Он мне сказал, чтобы все мы шли в Галилею, там Он нас встретит. А они ей не верят.

Почему смерти легче поверить, чем бессмертию? Ведь когда умирают наши близкие, душа наша плачет. Это говорит о том, что душа никак не может со смертью согласиться. И люди стараются даже о смерти не думать, бояться произносить это слово, говорят: если что случится. Человек хочет смерть совсем изгнать из своей жизни, хотя каждый знает, что он умрет. Это нежелание думать о самом главном моменте нашей жизни – переходе в вечность – связано с помраченностью нашей природы. Поэтому о таких важных вещах нам не хочется размышлять, а когда нам кто-то говорит истину, то, даже если мы умом с ней вроде соглашаемся, сердце наше в силу своей порочности отказывается в нее верить.

Почему, если кто-то объявит себя врачом и целителем, у него сразу будет очень много пациентов, а если скажет: ходи в храм, молись Богу, и Господь тебя исцелит, – то на эти слова откликнутся единицы из десятков тысяч? Почему всякой неправде человек верит охотней? Потому что он сам состоит из неправды, и всякая неправда, всякая ложь ему ближе. Вот поэтому, хотя Господь три года говорил Своим ученикам, что Ему надлежит быть схвачену в Иерусалиме, распяту и в третий день воскреснуть – не могли же они это забыть, – но это ушло из их сознания.

И нечто подобное с нами тоже происходит. Сколько человеку ни говори, что тот, кого ты оплаки-

ваешь, отмучился; что у него ничего больше не болит; что земная жизнь его закончилась в самый благоприятный для него момент; что Господь забирает человека тогда, когда он наиболее готов к этому, и поэтому смерть не зависит ни от того, что врачи упустили, ни от какой-то другой случайности, – но человек все равно не соглашается, все равно плачет. Происходит неверие истине. И это наша большая беда, потому что Господь сказал: «Кто будет веровать и креститься, спасен будет; а кто не будет веровать, осужден будет», даже если крестится.

Крестятся-то почти все, но этого недостаточно. Крещение может быть спасительным, только если оно сопряжено с верой в то, что существует Бог и существует загробная жизнь. Но и этого, оказывается, недостаточно для спасения души. То, что Бог существует, очевидно, а нужно веровать Самому Богу. Нам надо научиться веровать тем словам, которые Господь сказал. А вот этого часто нам не хватает, потому что мы как-то забываем о словах Господних.

Господь сказал: «Просите, и дастся вам; ищите, и обрящете; толцуйте, и отверзется вам». А апостол Иаков говорит: когда ты просишь у Бога, не думай о том, что Господь тебе не даст, потому что если ты будешь думать: то ли даст, то ли нет, – ничего не получишь. И если бы мы каждый раз, когда у нас есть в чем-то нужда, действительно, как в дверь, стучали своей молитвой с твердой верой, что Господь даст, – то Господь бы и дал.

Обычно люди спрашивают: какую молитву читать? Человек думает, что все от слов зависит: в таком порядке читать или в таком, молитву одного святого или другого. Какая разница? Можешь вообще одну молитву читать: Господи, помилуй. Этого достаточно.

Но человек не верит в это. Ему говорят: не бойся никаких бабок, колдунов, чародеев, знахарей, чумаков. Что ты так трепещешь? Это все идолы, это все ничто. Но нет, человек маловерен, и поэтому он устрашается: а вдруг нападут? а вдруг убьют? а вдруг заболею? Как будто это может быть вдруг. В Евангелии сказано, что без воли Божией волос с головы человека не падает, а мы все равно этому не верим, мы считаем: это мне сделали, та мне наколдовала, врачи виноваты, еще что-то. И пока мы будем так думать, пока у нас не будет твердой надежды на Бога, мы никогда не сможем ни стать христианами, ни спасти свою душу, потому что спасение души требует от человека именно веры.

С чего начинается духовный путь человека? Не с того, что его сразу осеняет благодать Божия и он становится святым. Нет, сперва он должен поверить. Вот Церковь учит: исполняй заповеди, и тогда, в результате исполнения этих заповедей, на тебя сойдет благодать Божия. Можно этому не поверить и ничего не делать – и тогда благодати Божией не достигнешь. А можно поверить: раз Господь сказал, что так оно будет, значит, так и будет. Мы ведь знаем Христа, мы читали о Нем в Евангелии, наше сердце же говорит нам, что Такой Человек не может врать. Как может врать Тот, Кто с неба сошел только для того, чтобы нас спасти, и принял за нас такую жестокую смерть? И хотя Его не понимали и не слушались, Он все равно старался учить и Своей жизнью и смертью засвидетельствовал об истине. Какие еще нужны доказательства? Никакие доказательства не нужны. Нужно только доброе благорасположение слушать слова Господни, слагать их в своем сердце и исполнять в своей жизни.

Путь к Царствию Небесному, к благодати Божией очень долог. Это все равно что научиться какому-то трудному ремеслу. Чему-то обучиться можно легко: например, машину водить можно научиться за месяц. А вот сапоги шить – это уже дольше. А чтобы хорошо готовить, надо еще больше времени. А чтобы играть на фортепиано более-менее сносно, нужно десять лет потратить. А чтобы живописи научиться, нужно потратить лет пятнадцать. А есть еще такие вещи, которых вообще никак не научишься, потому что нужен талант, дар от Бога. Сколько ни учишься во всех институтах, педагогом хорошим ты не станешь. Ты можешь стать честным, добросовестным, отдающим всю свою душу, но если тебе от Бога не дано, то ты хоть лоб расшиби.

И каждое дело требует обязательно труда: чтобы чему-то научиться, надо обязательно вложить силу, время и веру. Вот так же и спасение души, которое святые отцы называли наукой всех наук и искусством всех искусств. Это сложнее и музыки, и живописи, и кулинарии, и чего угодно, сложнее даже воспитания детей, которое тоже есть высочайшее искусство. Много ли в Москве людей, которые могут сказать: да, мои дети прекрасно воспитаны? Может быть, полтора десятка и найдется на десять миллионов человек, а может быть, и меньше, потому что какие-то изъяны сразу видны – и значит, не хватило искусства, мастерства, терпения.

А спасение своей души – это еще сложнее. Поэтому Господь на спасение души отводит нам всю жизнь, чтобы мы с самого начала до самого конца этим занимались. Но пока мы не поверим, что в результате этого подвига, в результате этих трудных усилий мы

достигнем спасения, мы, конечно, не сможем ничего сделать. Если человек не верит, что он когда-нибудь станет художником, – сколько он ни занимайся, ничего не выйдет. Так же и здесь. Если мы не верим своему спасению, не верим, что Господь спасает нас от грехов; если мы больше верим в то, что нам кто-то что-то сделал и, значит, он сильнее нашего Бога, Который нас отдал на растерзание всяким колдунам и чародеям, всяким негодьям; если мы забываем о том, что Бог вообще всем управляет: каждым процессом и во Вселенной, и в нашем организме, – если мы забываем, перестаем в это верить, то сразу начинаем тонуть.

Как в Евангелии, когда Господь приблизился к лодке и ученики испугались, подумали, что это призрак, а Он им говорит: «Это Я, не бойтесь». И Петр сказал: «Если это Ты, повели мне прийти к Тебе по воде». Господь говорит: «Иди». И Петр сразу поверил. (Он был человек порывистый, очень крепкой веры, поэтому Господь и назвал его камнем – «Петрос» значит «камень». Господь сказал: «Ты – Петр, и на сем камне Я созидам Церковь Мою», потому что Церковь может стоять только на вере.) И вот Петр пошел, сделал по морю один шаг, второй, третий. А тут волны. Он отвлекся на секундочку, помысел какой-то в голову вошел, и он испугался. Раз испугался – значит, сразу стал тонуть. И закричал: «Господи! спаси меня». Господь ему говорит: «Зачем ты усомнился?» – взял его за руку и втащил в лодку.

Но сначала-то Петр шел по воде. И не один Петр, много людей в истории Церкви ходили по воде, даже не задумываясь над тем, вода это или суша. Надо на ту сторону перейти – взял и пошел, и ничего в этом особенного, сверхъестественного нет. Гораздо более

сверхъестественно, когда человек был жадным – и стал добрым. Вот это гораздо более чудесно.

А почему Петр все-таки смог сделать несколько шагов, а Мария Египетская вообще всю реку перешла? Почему они смогли? Потому что несколько не сомневались в Боге. Но наше сомнение тоже понятно. Оно происходит оттого, что Бог от нас далеко; оттого, что мы все время от Него отвлекаемся; оттого, что мы о Боге не думаем и не молимся Ему. А если бы мы Богу молились, то мы бы во всем, во всем Ему доверяли. Мы бы знали, что ничего с нами не случится никогда без Промысла Божия. А если по Промыслу Божию с нами что-то случается, значит, это зачем-то Богу нужно. И действительно, если мы оглянемся назад, то увидим, что в нашей жизни есть закономерности. И многие вещи, которые мы когда-то воспринимали как страшную трагедию, принесли нам огромную пользу – не материальную, конечно, а духовную, потому что благодаря этому мы смогли приблизиться к Богу.

Но человек, как правило, стремится именно к земному счастью, которое есть избавление от страданий. Вот хочешь есть, а не на что купить – это уже страдание. Значит, чтобы избавиться от этого страдания, нужно деньги иметь, нужно их зарабатывать. Или все вокруг настолько противно, что хочется забыться – взял две бутылки, выпил и забылся. Тоже избавился от страдания. Но это временно, потом опять протрезвешь, и опять надо пить, и помимо этого еще всякие побочные явления: головная боль, белая горячка, потеря жены, работы и много всяких неприятностей.

А если человек в Боге, тогда никакие эти суррогаты не нужны. Человек все воспринимает от Бога

с полным доверием. Поэтому Господь и говорит: будьте как дети. Маленький ребенок полностью доверяет отцу и матери. Вот его подбрасывают вверх и ловят, а он не боится. Ему в голову не может прийти, что мать или отец его уронят. Если взрослого человека поднять на большую высоту и начать его вертеть, он испугается, а маленькому человеку даже в голову не приходит бояться, потому что он чувствует прикосновение рук отца, или матери, или еще какого-то родного человека, и он полностью доверяет. Пока ребенок не вкусил зла, он доверчив, он еще не знает, что дяди бывают хорошие и плохие. Поэтому он уже начинает различать, кого-то бояться, кого-то не бояться, но изначально такого не было.

Вот так же и человек, который имеет полное доверие Богу, совершенно страха лишается. Потому что, когда человек соединяется с Богом, вся его земная жизнь как бы меркнет, перестает иметь большую ценность. Бог есть Дух, Который живет в ином, высшем мире. Поэтому когда человек соединяется с Духом, он соединяется с иным миром и, живя здесь, на земле, сердцем принадлежит тому миру, а все то, что происходит в этом мире, совершенно иначе воспринимает.

Что самое страшное для современного человека? Это смерть. И когда он сталкивается со смертью, то ужасается. А для человека духовного, который соединился с Духом Божиим, смерти нет. Потому что вот душа в теле, а вот эта душа вышла из тела. И что? Человек же жив, он есть, он существует. Какая трагедия? Что вышел из своего тела в двадцать шесть лет, а не в шестьдесят два? А разве это принципиальная разница? Любое конечное число по сравнению с бесконечностью есть бесконечно малая величина, поэтому

двадцать лет или сто – это неважно. Раз уж Бог так распорядился, то человек это принимает, потому что он обращен туда, и он знает, что он может молиться за умершего, может продолжать с ним общение.

Для того, кто не знает иного мира, смерть – трагедия, потому что он с умершим человеком расстается, как ему кажется, навсегда. Он свою жизнь, вот такую короткую, воспринимает как вечность, а тот человек уже ушел туда, в мир иной. Так и говорят: его не стало, ушел от нас. Но ведь это же временно, он временно недоступен для непосредственного общения, но, если мы молимся за него, разве наши души не общаются? Разве мы не чувствуем, что Господь слышит наши молитвы и что сам он тоже это воспринимает?

Поэтому надо нам действовать по своей вере всегда, упорно, борясь с собой, борясь со своими страхами, борясь со своей ленью, со своим малодушием, маловерием, все время прося у Бога, чтобы Господь нашу веру укрепил. Как Он Фоме сказал: «Не будь неверен, но верен». Цель нашей жизни в этом: верны ли мы? И если верны, тогда Господь примет нас навсегда, тогда наша вера разрешится.

Когда женщина носит в себе ребенка, она не знает, какой он: будет он послушен или непослушен, шатен или блондин, мальчик или девочка, – ничего она не знает, она его только чувствует и его любит. А когда приходит время родить, она скорбит, потому что это больно, и страшно, и полно всяких переживаний. Про роддома вообще лучше не говорить, это часто жуткие заведения. Чем там ребенка заразят? Подойдут врачи к роженице или не подойдут? Но когда уже родится ребенок, все забыто: и как хотела жалобы писать, и как кричала, и как мечтала, чтоб был обязательно

мальчик или девочка, – все забыто. Родился, назвали, покрестили – и мать радуется, и все вокруг радуются.

Так же и мы, живя здесь, на земле, Бога чувствуем, начинаем Его любить, но не увидели Его еще пока лицом к лицу. Лицом к лицу человек начинает видеть Бога только тогда, когда его сердце соединяется с Духом Божиим. Господь так и сказал: «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят». Поэтому многие люди никогда Бога так и не увидят ни в этой жизни, ни в той. Бог есть огонь поядоющий, и человек может соединиться с Богом, только если он сам огонь. Поэтому чтобы войти в Царство Божие, нам надо самим гореть тем же самым духом. И если будет в нас это горение, то мы познаем Бога и станем Его наследниками, мы наследуем Его Царство.

Понятно, что Господь избирает нас не по крови. Чтобы быть принцем и наследовать земное царство, достаточно, чтобы у тебя папа был король, больше ничего не надо. Но каждый живущий на земле человек рождается не только папой и мамой. Папа и мама создают ему плоть, а душу вкладывает Бог, поэтому каждый человек есть дитя Божие. И каждый человек, какого бы цвета кожи он ни был, какой бы национальности, на каком бы языке ни говорил, – каждый призван к Небесному Царству. Но ведь от наследства можно и отказаться. И большинство людей отказываются от этого добровольно. Они не верят в то, что они принцы; они не верят в то, что Бог есть их Отец; они не молятся Ему, не говорят: «Отче наш», а если и молятся, то автоматически, забывая, что это обращение именно к Отцу.

Бог нам Отец. Поэтому как ребенок на руках отца чувствует себя спокойно, так и мы должны. Мы долж-

ны быть очень спокойны, нам нечего бояться, если мы Богу верны. Если мы непослушны, если мы капризны, если мы машем ручкой: «Уйду от тебя, плохой ты», тогда, конечно, мы лишаемся благорасположения Отца. Как капризный ребенок: ему говорят, а он не хочет слушать, и в результате он ссорится с родителями, его ругают, ставят в угол, ему говорят: «Отстань, ты мне надоел».

Конечно, Господь так не поступает. Он долготерпелив, Он каждого зовет, но Он никого не заставляет. Он предоставляет каждому из нас полную свободу. Евангелие есть? Есть. Сын Божий на землю приходил? Приходил. Церковь создал? Создал. С помощью Таинств крещения, а потом покаяния, причащения ты можешь соединиться с Богом? Можешь. Ты можешь свою душу очищать от греха и возвращать себе подобие Божие, чтобы действительно войти как принц в Царствие Небесное. А если не хочешь – не надо, никто тебя заставлять не будет.

И таких, кто хочет, очень мало. Большинству Царство Небесное не интересно, не нужно, не хочется. Вот программа «Взгляд» – это человеку интересно, не оторвешь за уши, а Царства Небесного душа даже не просит. Но и мы – вроде мы в храм пришли, вроде мы верующие, но если глубже копнуть, то и в нас полно всякого неверия. Мы все время по мелочи отвлекаемся от Бога, все время отрекаемся, все время идем назад, все время падаем. И нужно, как только упали, встать, отряхнуться и опять делать шаг вперед. Нам нужно быть очень твердыми, терпеливыми и мужественными, потому что другого пути нет. И каждый шаг на этом пути – это шаг веры.

Верь! Каждый раз, когда вечером или утром всташь на молитву – хочется тебе молиться или не хочется, спешишь ты или не спешишь, – постой секундочку и подумай: ведь ты с Богом разговариваешь. Верь, что Он тебя слышит. И как только ты проникнешься этой мыслью, ты уже не сможешь читать шаляй-валяй и лишь бы как, тебе будет стыдно. Потому что Господь за тебя Кровь пролил, а тебе, видишь ли, некогда, у тебя, оказывается, на земле есть какие-то еще дела. Так же и с храмом: плохо себя чувствуешь, хорошо ли, можешь идти, не можешь, в гости ли тебя позвали – тоже хорошо сходить в гости, но встреча с Богом, она же все-таки важнее всяких гостей, она же дороже папы и мамы, она дороже детей и жены, она дороже любимой работы. Всего дороже должна быть встреча с Богом, потому что это – соединение с самым любимым, самым желанным, самым ожидаемым. А мы об этом забываем и этому не верим.

Поэтому это Евангелие написано для нас. И не надо нам осуждать апостолов за то, что они оказали такое неверие на первых порах. Мы ничем не лучше их. А надо нам становиться все лучше и лучше и очищать свое сердце до такой степени, чтобы и на нас, как на них в Святую Пятидесятницу, Дух Святой сошел и мы познали, что такое Царство Небесное, и увидели бы Живого Бога. Аминь.

*Крестовоздвиженский храм,
10 (23) сентября 1989 года*

Глава III

ПРОТИВ СТРАХА ПЕРЕД СТРАДАНИЕМ

Страдание

Мы не должны
уклоняться
от нашего страда-
ния, спасаясь
от него бегством
или обманывая себя.
Не следует и боять-
ся страдания, ибо
бремя страдания
состоит на одну
треть, а иногда
и на добрую по-
ловину, из страха
перед страданием.

Страдание

Как только ты почувствуешь себя страдающим телесно или душевно – вспомни, что ты не один страдаешь. Всякое страдание имеет некий высший смысл. Ты не один страдаешь, страдает вокруг тебя весь мир.

Все страдает и мучается – то в беззвучной тишине, скрывая свою боль, замалчивая свою скорбь, то в открытых муках, которые никто и ничто не может утлить. Страданий нам не избежать. Естественно желать, чтобы они были не слишком велики. Но надо учиться страдать достойно и одухотворенно. В этом великая тайна жизни. В этом искусство земного бытия.

Чем тонченнее человек, чем чувствительнее его сердце, чем отзывчивее его совесть, чем сильнее его творческое воображение, чем впечатлительнее его наблюдательность, чем глубже его дух – тем больше он страдает, тем чаще его посещает в жизни боль, горечь и грусть. Но мы часто не думаем об этом, не постигаем, что лучшие люди страдают больше... И когда на нас изливается поток лишений, муки, скорби, уныния, мы пугаемся, считая это «неожиданным», «незаслуженным», «бессмысленным».

Но страданию дана великая очистительная и воспитательная сила, ибо страдание пробуждает дух человека. В нем закаляется стойкость человека, его мужество, самообладание и сила характера. Без страдания

нет ни истинной любви, ни подлинного счастья. Тот, кто хочет научиться свободе, должен преодолеть страдание.

Простой народ знает эту истину и выражает ее словами «посещение Божие». Человек, которому послано страдание, должен чувствовать себя не «обреченным», но «взысканным» и «призванным». Ему позволено страдать, дабы очиститься. Поэтому мы не должны уклоняться от нашего страдания, спасаясь от него бегством или обманывая себя. Не следует и бояться страдания, ибо бремя страдания состоит на одну треть, а иногда и на добрую половину из страха перед страданием.

Не подобает человеку делать и обратное, то есть сдаваться страданиям. Человек должен нести свои страдания спокойно, уверенно смотря на них как на путь к совершенствованию, как лестницу духовного очищения. Если человеку дана телесная болезнь, то он должен сделать все, чтобы исправить ошибки и устранить или облегчить боль сколько можно. В то же время надо углубить свою духовную жизнь, чтобы ее горение отвлекло жизненную энергию от телесной боли. Надо уметь не прислушиваться к своей боли, не думать все время о ней, а противопоставлять ей духовную сосредоточенность. Если кто скажет, что не умеет этого, то пусть молится, чтобы дал Господь на это силы.

Молитвой лечатся и более тяжелые и мучительные душевные страдания. Молитва – это зов о помощи Того, Кто зовет к себе через страдание. Совершить этого никто не может «за меня», «вместо меня». Может помочь другой человек советом. Помогает Господь Своею силой. Но свое очищение совершить, пользуясь всеми данными, может только сам человек. Помочь ему в этом и призвано страдание. *Злостраждет ли кто из вас – пусть молится* (Иак. 5, 13).

Очищающее действие страданий

◆ Незаслуженные
◆ скорби и страдания
◆ есть блаженство,
◆ которое посылается
◆ от Него Самого. Оно
◆ выше дара чудотво-
◆ рений и воскрешения
◆ мертвых – это ли
◆ не утешение?
◆ Почему же скорби
◆ и искушения есть
◆ милость Божия? –
◆ Потому что они
◆ приносят великую
◆ пользу спасающемуся
◆ и внимающему себе
◆ человеку.

Очистительное действие страданий

Скорби, муки, страдания есть «высокий дар Божий», «благодать Божия», и «невозможно, – говорит св. Исаак Сирин, – чтобы Бог возжелавшему пребывать с Ним оказал благодеяние как иначе, а не послав на него искушения за истину»¹. Как велика ценность и вожденность страданий, показал блаженный апостол Павел. *От Бога*, глаголет он, *даровася – ἐχαρίσθη*, «ниспослана» благодать сия нам, – *...не токмо еже в Него веровати, но и еже по Нем страдати* (Флп. 1, 29). «Итак, не стыдитесь сего дарования [лишений имения, изгнаний, мучений за веру и добродетели], – распространяет эту мысль от лица Апостола св. Златоуст, – оно гораздо чудеснее дара воскрешать мертвых и творить чудеса. Не только не должны вы стыдиться сего, а напротив – радоваться...»²

Итак, скорби и страдания (конечно, *невинные*, иначе, если будут нас преследовать за воровство, убийство, разврат, чем же хвалиться и чему радоваться? – 1 Пет. 4, 14–16), – *итак, незаслуженные* скорби и страдания, по слову Господа (Мф. 5, 10–11: *μάρτυροὶ ἐστέ*), есть *блаженство*, которое посылается от Него Самого³. Оно выше дара чудотворений и воскрешения мертвых – это ли не утешение?

Почему же скорби и искушения есть милость Божия? – Потому что они приносят великую *пользу* спасающемуся и внимающему себе человеку. Отсюда же открывается их *необходимость* на пути доброделания.

Перечислю главные причины, по которым скорби посылаются Богом, что наглядно для каждого объяснит и подтвердит необходимость и пользу искушений.

Итак, страдания и искушения человеку посылаются:

1. *В наказание за грехи* (Ин. 5, 14; Втор. 32, 24; Иер. 2, 30). «Отними грех, и болезней не будет, ибо они бывают в нас от греха», – говорит преподобный Серафим Саровский⁴, ссылаясь на св. Василия Великого⁵.

Когда обращаешься мысленным взором от нынешней культуры к народам, жившим *за несколько тысячелетий до нашего времени*, то видишь, что те в понимании этой взаимосвязи стояли гораздо ближе к истине. Никак, никак невозможно обмануть себя лозунгами о том, что мы «прогрессируем». (Если и прогрессируем, то только в пороках...) Говорю о культурных неверующих людях.

Вот, например, отрывок из исповеди-заклинания ассирийца (Библиотека царя Ашшурбанипала, умер в 625 или 646 г. до Р. Х.; ныне хранится в Британском музее): грехи и добродетели, отмеченные здесь (выписываю их наудачу), едва ли отличаются от тех, в каких каются даже нынешние христиане. Сознание того, что скорби и болезни заслуженны, так и сквозит в этой древней исповеди-молитве.

«Заклинаю я вас, великие боги, владыки спасения ради (имярек), бог которого (имярек), который бо-

лен, несчастен, печален, удручен. Он оскорбил своего бога, свою богиню».

Далее следует перечисление *более сорока* грехов, которыми больной, может быть, оскорбил бога. Между ними значатся:

«Не занимался ли он нечистыми делами – волшебством и колдовством?⁶ Может быть, оскорбил имя божие даром, который он посвятил, обещал, но удержал?.. Не приближался ли к жене ближнего своего?.. Не был ли он честен языком, а сердцем лжив?..»⁷

Но взять и наш простой народ – увидим, что он также проникает в суть дела больше «ученых». Приведу цитату из одной древнерусской повести под названием: «Яко zde лучше скорби терпети и приняти беды, нежели тамо» и озаглавленной учеными *Легендой⁸ о временном посещении ада*. В нижеследующем примечании, которым она сопровождается, ясно видно непонимание ученым-интеллектуалом здравых народных понятий о сущности земных страданий. Ученый говорит о них, как о чем-то чуждом для себя и неприемлемом.

«Благочестивые люди (хорошо, что сразу отделяет их от себя как им противоположного, т. е. нечестивого; простительнее грех. – *Еп. Варнава*) думают, что кто перед смертью долее болеет, тот своими страданиями искупает часть своих согрешений; чем кто продолжительнее мучим болезнью, которая наконец низвела его в могилу, тем более прощается ему грехов и облегчаются наказания, ожидающие нас в аду»⁹.

2. *Для устрашения живущих*. В этих целях за малые проступки полагается часто большое наказание, чтобы «всякий, впоследствии покусившийся на то же,

знал уже, что и он, подобно тем людям, осужден будет и что если отлагается в настоящее время его наказание, то оно постигнет его в день будущего судебного испытания»¹⁰. Из библейских примеров можно указать: Лк. 13, 1–5; Деян. 5, 10; Числ. 15, 35.

Такова уж ленивая природа наша. Сами ведь люди сознают, что «палка» и «страх» для них нужны. Отсюда их красивые суждения об отмене смертной казни на словах и жестокое проведение этой меры на деле. Отсюда же и пословица: «Гром не грянет – мужик не перекрестится». Но эта философия не только мужицкая, а и «салонная».

Дон Жуан, у А. К. Толстого*, говорит донне Анне:

*...Когда б внезапно гром
Теперь ударил, я б поверил в Бога,
Но гром молчит – я верить не могу!*

(Часть II. Вилла донны Анны)

О гнусная и богопротивная логика! О нечестивый язык!

Как отразился весь наш лживый, гордый и непокорный век со своим напыщенным «миросозерцанием» в этих хульных словах!..

3. Для усовершенния человека, приведения его в смиренное состояние, а чрез то и в совершенный покой душевный. «Как лекарства истребляют нечистоту худых соков в теле, – говорит св. Исаак Сирий¹¹, – так и жестокость скорбей очищает сердце от лукавых страстей».

* См.: Толстой А. К. Собрание сочинений. Т. 2. Драматические произведения. М., 1963. С. 95. Дон Жуан.

Вот еще несколько рассуждений о пользе скорбей для нашего преуспения и уничтожения страстей. Принадлежат они знаменитому наставнику монашествующих, св. Иоанну Лествичнику¹².

«Усердно пей поругание, как воду жизни, от всякого человека, желающего напоить тебя сим врачевством, очищающим от блудной похоти; ибо тогда глубокая чистота воссияет в душе твоей и свет Божий не оскудеет в сердце твоём».

А у нас в обществе диавол извратил все порядки. Если человек не ответил на оскорбление оскорблением, то считается «тряпкой», «не имеющим самолюбия». И это в то время, когда «не иметь самолюбия» составляет задачу христианина!

И вот что я отвечаю всем отрицающим возможность для человека иметь дары прозорливости, чудотворения и совершать все то, о чем рассказывается в житиях наших святых: «Вы говорите, что все это сказки, легенды, выдумки, невозможные для человека, говорите, что вокруг вас нет ничего подобного... Вы правы. И быть ничего подобного не может в *вашей* среде, если искать чуда в *вашей* обстановке и на почве *ваших* убеждений. Но перемените вашу жизнь на противоположную и тогда, если не увидите в себе ничего вновь открывшегося, можете говорить о том, что все это сказки. Вы видите, святые не скрывают того, как низвести в свою душу “свет Божий”, так приложите хотя малое усердие к его приобретению! А при ваших мыслях и поступках и мы, христиане, соглашаемся с вами, что дары Святого Духа невозможны для человека...»

«Кто стремится к бесстрастию и к Богу, – еще говорит тот же святой отец, – тот считает потерянным всякий день, в который его никто не укорял».

Как скорби смиряют человека и приводят его в надлежащий чин, показывает история блаженного Исидора, рассказываемая в «Лествице».

Он был *из князей* города Александрии, столицы древнего Египта. Игумен Раифской пустыни, к которому он пришел, желая спастись, приняв его, «замечтил, что он *весьма коварен, суров, зол и горд*» – одним словом, совмещал в себе все обычные черты княжеского достоинства. «Поэтому премудрейший сей отец, – передает св. Иоанн Лествичник, – покушается человеческим вымыслом преодолеть бесовское коварство и говорит Исидору:

– Хочу, чтобы ты, истинный брат, стоял у ворот обители и всякому входящему и исходящему человеку кланялся до земли, говоря: “Помолись обо мне, отче, я одержим духом злым”».

Исидор послушался своего отца духовного, «как Ангел Господа». Через *семь* лет, когда игумен хотел взять его в монастырь и сподобить рукоположения, Исидор, точно предсказав свою кончину, отошел ко Господу, совершив еще при том и чудо.

«Спросил я сего Исидора, – прибавляет преподобный Иоанн Лествичник, – когда он еще был в живых: какое, во время пребывания его у ворот, ум его имел делание? Достопамятный сей, желая оказать мне пользу, не скрыл от меня этого.

“Вначале, – говорил он, – я помышлял, что продал сам себя в рабство за грехи мои и потому со всякою горестью, самонасилием и кровавым понуждением делал поклоны.

По прошествии же *года* сердце мое уже не ощущало скорби, ожидая от Самого Господа награды за терпение.

Когда минул *еще один год*, я уже в чувстве сердца стал считать себя недостойным и пребывания в обители, и видения отцов, и зрения на лица их, и причащения Святых Таин, и, поникши очами долу, а мыслию еще ниже, уже искренно просил входящих и выходящих помолиться обо мне»¹³.

Эта история, переданная мною вкратце, кроме того что показывает, как человек посредством унижений в короткое время достигает не только мира душевного, но и великих дарований Божиих, являет собою также и наглядную иллюстрацию к моим словам, обращенным к неверующим интеллигентам.

Но так как всякому человеку свой хлевушник милее чужих хором, то приведу еще примеры и из судеб людей мира сего. <...>

- Наш русский поэт И. Козлов (1779–1840), автор знаменитого в свое время «Чернеца», над которым плакали и мужчины и женщины. Блестящий гвардейский офицер, «соединив радости семейной жизни с блеском и удовольствием света», будучи душою общества, он был «совершенно счастлив», и вдруг – неожиданный удар: разбивается в сорокалетнем возрасте параличом, вдобавок еще совершенно слепнет и страдает таким образом более двадцати лет, из которых одиннадцать с лишком проводит в постели. Итак, как будто бы поставляется в такие условия, когда можно назвать человека только «живым трупом», когда цель жизни у него должна померкнуть и сам он должен явиться для всех окружающих наводящим тоску и уныние?.. Вышло же наоборот. Он стал всех утешать и избавлять от тоски и уныния. На почве страданий появились задушевные, дотоле невиданные песни, полные глубокого чувства, проникнутые

глубокой верой и покорностью воле Благого Провидения. Мало того, будучи слепым, научился английскому и немецкому языкам, знал наизусть всего Байрона, все поэмы Вальтера Скотта, лучшие места из Шекспира. В этих занятиях поэзией он старался избежать мысленного бездействия. Кратко сказать, ослепнув телесно, он прозрел духовно¹⁴.

4. Еще скорби посылаются Богом *для очищения* невольных погрешностей, от которых, «яко человеки», не свободны и сами святые. Этот случай надо отличать от первого. Грешники страдают за свои собственные грехи, они несут *наказание*. А праведники уже очистились от грехов или имеют малейшие и легкие. Потому Бог скорбями очищает в них эти недостатки, «яко золото в горниле» – по любимому выражению святых отцов (Прем. 3, 6; Ис. 1, 25). Иногда же великие святые просто подвергаются наказаниям и искушениям затем, чтобы не думали много о своей сверхъестественной чистоте сердца¹⁵ (Откр. 3,19; Пс. 25, 2; Евр. 12, 5–9). Таким образом, они не наказание терпят, а наоборот, страданиями *увеличивают* и без того великие *дарования* свои.

Вот как Исаак Сирий описывает, каким целям служат искушения, испытываемые различными типами людей. «Подвижники бывают искушаемы, чтобы присовокупить им к богатству своему; расслабленные – чтобы охранять им себя от вредного; погруженные в сон (разумеется духовный, в сон нерадения. – *Еп. Варнава*) – чтобы приготовиться им к пробуждению; далеко отстоящие (от спасения. – *Еп. Варнава*) – чтобы приблизиться им к Богу; свои Богу

(т. е. святые. – *Еп. Варнава*) – чтобы веселиться им с дерзновением»¹⁶.

Итак, еще раз повторяю: грешники смиренным перенесением скорбей выплачивают только свой долг, а праведники – приобретают тем еще большие сокровища.

5. *Для испытания человека.* Так искушаема была вера Авраама, Иова и других (Быт. 22, 12; Иов. 40, 3; Втор. 8, 2; Пс. 80, 8). Благодаря этому добродетели святых выходят наружу и доставляют многим большую пользу.

6. *Для обнаружения славы Божией.* Об этом говорится в святом Евангелии: Ин. 9, 3; 11, 4 (исцеление слепорожденного и воскрешение Лазаря).

Таким образом, видим из всего предыдущего, что «путь Божий есть ежедневный крест», как говорит св. Исаак Сирийский¹⁷.

Поэтому не будем удивляться, когда, приступая к исполнению добродетели, встречаем скорби. Сама добродетель, ввиду такой тесной связи ее с искушениями и страданиями, как у святых отцов (Исаака Сирина, Иоанна Златоуста, Марка Подвижника), так даже и в наше время называется «крестом»¹⁸. Из всего предыдущего еще следует и то, что спасающемуся не о том мыслить нужно, откуда, зачем и почему вокруг нас скорби, а о том, *как* к ним нужно отнестись, чтобы они принесли пользу, а не вред.

Но польза страданий из приведенных выше положений сама собою видна, поэтому приведу новые правила, которые непосредственно вытекают из существа страдания и составляют *обязанность* человека. Итак, нужно:

- *Благодарить Бога за скорби.*

«Мы, спя, хотим спастись, – говорит блаженный авва Дорофей, – и потому изнемогаем в скорбях, тогда как мы должны бы были *благодарить Бога* и считать себя блаженными, что сподобляемся немного поскорбеть здесь, дабы там обрести малый покой. И Евагрий говорит: “Кто не очистился еще от страстей и молится Богу, чтобы скорее умереть, тот подобен человеку, который просит плотника скорее изрубить постель больного”».

Потому нам нужно благодарить Бога за свои, я сказал бы, не скорби, а скорбишки (в сравнении со скорбями святых)¹⁹, что какая бы мука здесь нас ни постигла, она ничто в сравнении с будущей, уготованной грешникам. Ибо если бы нам ее вместе с раем показать, то, как говорит один из древних святых (также и преподобный Серафим Саровский), «хотя бы келия твоя была полна червей, так что ты стоял бы в них по самую шею, ты терпел бы сие, не расслабевая»²⁰.

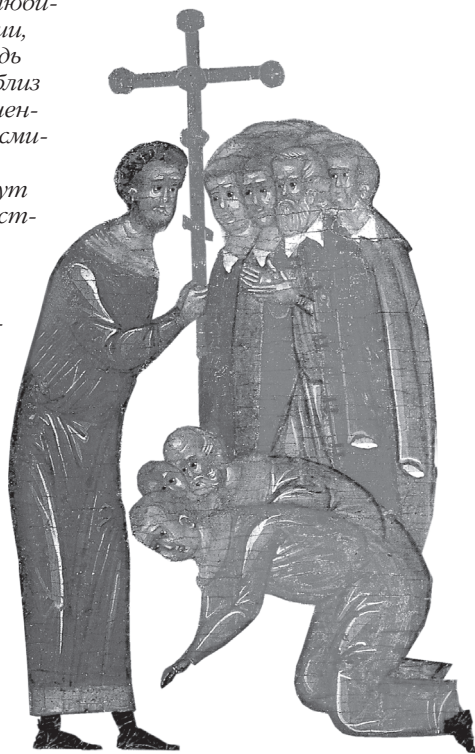
«Переноси с *благодарением*, – учат святые отцы, – всякий труд и всякую скорбь, и всякую беду от демонов, которых волю исполнял ты»²¹.

- *Просить* не избавления, а *терпения* и *помощи* от Бога.

«Мученики не просили Христа избавить их от терзаний и мучений, ни подвижники не искали освобождения от трудов и потов подвижничества, – говорит св. Симеон Новый Богослов, – но те и другие умоляли лишь даровать им терпение, и с этим терпением подвизались подвигом мученичества и подвижничества, чтобы в будущей жизни воспринять награду за труд свой»²². <...>

О страдании и терпении

◆ Души скорбящие,
◆ терпеливо несущие
◆ свой крест, — люби-
◆ мые дети Божии,
◆ так что Господь
◆ всегда с ними: близ
◆ Господь сокрушен-
◆ ных сердцем, и сми-
◆ ренныя духом
◆ спасет. Они идут
◆ как бы предшест-
◆ вуемые Самим
◆ Спасителем,
◆ Который час-
◆ то оборачива-
◆ ется к ним
◆ с любовью.

О страдании и терпении

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Аще кто хочет по Мне ити, да отвержется себе, и возмет крест свой, и последует Ми (Лк. 9, 23).

Дорогие братья и сестры, цель нашей жизни – спасение души. Много путей, ведущих к этой цели, и все они благословенны. Но из всех них скорбный путь – путь креста – один из самых кратчайших, а потому мы не только не должны ожесточаться в скорбях, не только должны переносить их с терпением, но еще должны благодарить за них Бога. Мы же, по своему малодушию, боимся скорбей, не хотим верить, что они полезны душе нашей, полезны потому, что только *многими скорбьми подобает нам внити во Царствие Божие (Деян. 14, 22)*. Каждому из нас дана здесь ноша, которую должно непременно пронести до гроба. И пронести ее должен каждый сам, хотя иногда и встречаем поддержку в ободрении духа нашего со стороны ближних. Но благо тому, кто в помощь себе призывает не людей, но Господа своего.

Можно ли прожить без скорбей? Конечно, нет! Причина наших скорбей заключается в грехопадении Адама, а поэтому в скорбях мы несем должное наказание за прародительский грех, но вместе с тем они очищают нас и от наших собственных грехов и ведут

в Царствие Божие. Ясно, что желать не иметь скорбей значит желать невозможного.

Души скорбящие, терпеливо несущие свой крест, – любимые дети Божии, так что Господь всегда с ними: *близ Господь сокрушенных сердцем, и смиренныя духом спасет* (Пс. 33, 19). Они идут как бы предшествуемые Самим Спасителем, Который часто оборачивается к ним с любовью. По кресту они, так сказать, родственны Господу Иисусу – какое высокое родство! Мы забываем, что если скорби не подвигают нас к Богу, то единственно по нашей вине: вместо покорности и терпения у нас является ожесточение сердца. Удивительно ли после этого, что мы впадаем в гораздо большее зло?

В первые века христианства, в одно из гонений, многие, испугавшись предстоящих мучений, бежали от ужаса в пустыни Аравийские, но, думая спастись, погибли там от варваров. Не так ли и мы стараемся малодушно укрыться от скорбей и, чтобы избежать их, решаемся иногда на поступки, противные совести, которые потому, отравляя нашу жизнь, причиняют нам скорби более сильные, чем те, от которых мы думали избавиться? После этого мы погружаемся в уныние или же, в надежде заглушить совесть, потворствуем своим страстям и впадаем в сети дьявола.

Необходимо сказать еще следующее: часто мы слишком преувеличиваем свои скорби, замечаем всякое огорчение и, напротив, милостей, которые мы получаем от Господа, не замечаем, считая, что это так и должно быть, а поэтому остаемся неблагодарными Господу. И лишь только тогда, когда посетят нас скорби, мы оцениваем в должной степени то счастливое время, когда их не было, и даем обет, что если скорби

пройдут, будем благодарны Богу за мирное, спокойное существование и времяпрепровождение.

Мы ропщем иногда на болезни, между тем как должны бы благодарить за них, потому что, не говоря о будущей награде за страдания, болезни благодетельны и тем, что укрощают наши страсти, которые бы могли в нас усилиться и Бог весть до чего довели бы нас. А потому, если посетят тебя болезни, старайся их переносить с терпением и не искушайся мыслью, что они мешают твоим подвигам духовным. «Когда болезнь тяготит нас, – говорила блаженная Синклитикия, – не надобно скорбеть, что от боли и язв мы не можем воспевать псалмы устами. Ибо болезни и раны служат к истреблению похотей, а пост и земные поклоны предписаны нам для побеждения страстей. Если же и болезни исторгают сии страсти, то не о чем заботиться. Великий подвиг – терпеливо переносить болезни и среди них воссылать благодарственные песни Богу. Мы лишились очей? Не будем печалиться, внутренними очами мы можем созерцать славу Божию. Лишились слуха? Будем благодарить за то, что вовсе не будем слушать пустых речей. Не действуют руки? Но у нас есть внутренние длани, готовые на брань со врагами. Все тело страдает болезнью? Но через сие умножается здоровье внутреннего человека».

Души скорбящие – это избранники Божии, которые за временные страдания получают награду вечную. Эти избранники Божии – души высокие, не знающие радостей и наслаждений земных, но готовящие себя для небесных. Но чтобы по немощи человеческой не увлеклись они утехами мира, их не достойными, и не утратили бы через это назначенные им небесные блага, Господь ограждает от бездны греховной избранных

чад Своих со всех сторон крестами, как бы духовной оградой. В миру многие думают и говорят, что Господь не любит тех, кому посылает скорби. Это мнение людей, которые сами не имеют любви к Иисусу Христу, забывая сказанное апостолом: *Ибо Господь, кого любит, того наказывает; бьет же всякого сына, которого принимает.* И еще: *сын мой! не пренебрегай наказания Господня, и не унывай, когда Он обличает тебя* (Евр. 12, 6, 5). Святые угодники, проникнутые таким учением, дошли до того, что не только не боялись скорбей, но еще и радовались, когда могли что-нибудь потерпеть за Господа: они помнили слова апостола Павла, что все, *хотящии благочестно жити о Христе Иисусе, гоними будут. Лукавши же человецы и чародее будут преуспевать во зле, обольщаясь сами и обольщая других* (2 Тим. 3, 12–13). Первые христиане могли подумать, что оставлены Богом, когда тысячами погибали во время гонений, однако же мы видим противное: гонения еще более их утверждали в вере; замученные погибали с упованием, оставшиеся в живых еще крепче прилеплялись к Богу, готовя себя на новые подвиги.

Надо не переставать повторять себе, что скорби чрезвычайно полезны душе нашей, что они ведут нас ко спасению, и не их должны мы бояться, а того, чтобы Господь не забыл о нас, – вот истинно была бы величайшая скорбь. А когда Он посылает нам кресты, это доказывает не только памятование Его о нас, но и любовь к нам, грешным. Святое Писание очень часто повторяет нам эту высокую истину, чтобы глубже запечатлеть ее в душе нашей: *Его же бо любит Господь, накажет; бьет же всякого сына, его же приемлет.* Если в скорбях мы будем видеть не просто несчастья,

а истинный крест Христов, тогда поймем, почему души скорбящие – любимые дети Божии. Как Константину Великому для победы над Максентием дарован был крест, так дарован он и каждому из нас для победы над самым опасным и коварным нашим врагом – дьяволом, которого беспрерывно привлекают к нам наши грехи. Мы знаем, что не только крест с изображением Спасителя, но и самое знамение креста, сделанное рукой, отгоняет врага, – как же не дорожить крестом скорбей, посланным нам в жизни, крестом, который мы несем вслед за Господом и по Его повелению?

Как и мы сами созданы по образу и по подобию Божию, так точно и крест наш должен быть подобием креста Христова. А это возможно только тогда, когда мы понесем его с терпением и любовью, а не со злобой в сердце или с унынием, когда будем сознавать, что идем по следам Спасителя и что в кресте нам дано непобедимое оружие на врага, против которого этот вещественный крест – скорби наши – так же силен, как и крест с изображением Распятого Господа. Но если на скорби, нам ниспосланные, мы будем смотреть только как на несчастье или на повод к ропоту, то мы последуем уже не Спасителю, а нераскаянному разбойнику, и крест скорбей наших не только не отгонит от нас врага, но еще привлечет его к нам, как к его верной добыче. Неся же крест свой по следам Господа, мы вскоре убедимся, что это царственное оружие защищает нас от искушений дьявола, помогает нам побеждать множество опасных врагов – наши страсти – и ограждает нас от многого дурного, что совершили бы мы, если бы не несли его. Скорби уничтожают нашу гордость, смиряют, рано или поздно, самые ожесточенные сердца и обращают их к Богу. *Близ Господь*

сокрушенных сердцем, и смиренныя духом спасет, – говорит пророк Давид (Пс. 33, 19). Души скорбящие не потому избранные Божии, чтобы Он любил видеть нас несчастными, а потому, что Он хочет, чтобы мы были не малодушны, но тверды и умели все претерпеть до конца. Ему приятно видеть, когда человек, одаренный душою бессмертною, предпочитает небесное земному, и умеет, минуя все временное, стремиться прямо ко Творцу, и простирает духовный взор свой в вечность, где будет его настоящая жизнь. Ему приятно видеть, когда человек умеет так глядеть на время, как подобает существу бессмертному. Избранник Божий, неся крест свой, должен помнить, что у Бога *один день, как тысяча лет, и тысяча лет, как один день* (2 Пет. 3, 8) и что время имеет значение только в здешней жизни, а потому чем духовнее человек, тем менее обращает внимания на все временное.

Пример великого терпения мы имеем в святых, которые великодушно переносили все болезни и искушения земной жизни. Так, преподобная Синклитикия, наставления которой мы выше приводили, показала в себе величайшее терпение. Ей было восемьдесят лет, когда ее посетила изнурительная лихорадка и три года с половиною изнуряла ее. Потом от загнившего коренного зуба начали у нее гнить десны. Гниение перешло на уста и всю щеку. После сорока дней страдания в больных местах образовались черви, которые стали выходить наружу; самые кости заразились, гнилость и зловоние распространились по всему телу, так что с трудом могли быть при ней прислужницы. Блаженная страдальца отказывалась от всякого человеческого пособия. И согласилась только на употребление мази для уничтожения зловония. Три месяца

страдала она, не употребляя никакой пищи и не зная сна. За три дня до кончины она сподобилась небесного видения, в котором открыто было время ее кончины, и она мирно почила в названный ей день.

Преподобный Варсонофий Великий, когда просили его помолиться о здравии аввы Серида, который был долго болен, отвечал: «О здравии сына моего могли бы помолиться Богу некоторые из находящихся здесь святых, чтобы он не был болен ни одного дня, и это исполнилось бы, но тогда он не получил бы плодов терпения. Болезнь эта весьма полезна ему для терпения и благодарения». Святые понимали силу терпения в болезни и поэтому с великодушием все переносили, за все благодаря Бога. Читая о разнообразных мучениях и истязаниях, в которых древние христиане умирали тысячами, и глядя, как нынче охают от ничтожной боли, приходится удивляться, сколь терпеливы были те люди. Ведь и они были такие же люди, но так нынче измельчали души... Повествуется, как один инок задумал возвратиться из монастыря в мир, и вдруг он был поражен проказою и, опомнившись, благодарил Бога, удержавшего его болезнью телесною от возвращения в мир и исцелившего его недуги духовные.

Неся крест свой, чаще всего имей в сердце твоём перед глазами Распятого Господа. Неужели, вспоминая о том, что претерпел Он для нашего спасения, не стерпишь и ты из любви и благодарности к твоему Благодарителю того малого креста, который приблизит тебя к Нему? Люди святой жизни говорят, что если мы не в силах благодарить Бога за скорби, то следует насильно себя заставлять сказать: «Благодарю Тебя, Господи, за скорби, мне посланные!» И этот первый акт покорности, хотя и принужденный, послужит нам благим

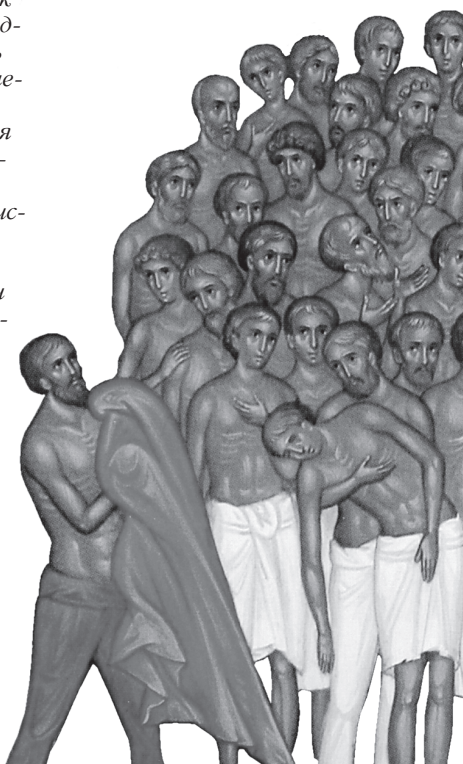
началом к тому, чтобы со временем от души благодарить Бога.

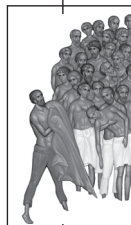
Но такого состояния нельзя достичь иначе, как частым общением с Господом через принятие Святых Таин Его и через молитву, особенно слезную. Слезы сами по себе смягчают душу, а затем облегчают скорби и улучшают самую душу. Скорбями мы также лучше всего готовим себя к великому таинству смерти, неизбежному для каждого. Примером в этом служит евангельский нищий Лазарь, который за свое терпение сподобился лона Авраамова. И не будем унывать в своих скорбях, которых так много, ведь мы имеем такого искусного Путеводителя, Который проведет нас через все опасности, спасет и приведет в такое место светлое, «идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но жизнь бесконечная». Аминь.

5 (18) ноября 1961 года

О ГОТОВНОСТИ ПОСТРАДАТЬ

Настоящее христианство только такое, когда человек готов быть голодным, готов быть битым, готов умереть за Христа. Другого критерия нет. Вот тогда – настоящее. И настоящих христиан в истории Церкви за две тысячи лет были миллионы. И вельможи, и крестьяне, и войны, и домохозяйки.

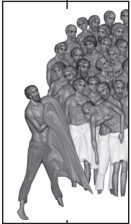
О готовности пострадать

Сегодня мы вступаем в Неделю воспоминания о Страшном Суде. Перед поприщем Великого поста Господь через Церковь нам напоминает о том, **что** нас всех ожидает. Но на самом деле этот Суд совершается над каждым человеком ежедневно и, можно даже сказать, не *над* человеком, а *внутри* человека. И к сожалению, ничего страшного в этом внутреннем Суде для людей сейчас нет, потому что природа современного человека так привыкла ко греху, что уже греха не боится. Поэтому понятие «Страшный Суд» в этом смысле стало почти условным. Это название пришло от людей святых. Вот святые люди – они, конечно, и ужасались, и трепетали, и благоговели перед этим Судом. И поэтому у них был страх Божий, а при приближении к Богу – даже ужас, подобный тому, который испытал апостол Петр, когда вдруг понял, *Кто* с ним в лодке находится во время ловли рыбы. А сейчас даже в алтаре человек не трепещет от того, **что** там происходит. И отношение друг к другу изменилось: каждый человек есть образ Божий, но сейчас у людей благоговения друг к другу нет. Мы вступаем в Неделю о Страшном Суде, чтобы поразмышлять обо всем этом. И не только чтобы поупражнялся ум наш, а чтобы что-то в нашем сердце сдвинулось в лучшую сторону.

В наше время в связи с развитием всяческих новых технологий, повальной компьютеризацией и даже, можно сказать, возникновением некой «компьютерной государственности», очень многих людей это волнует, и они обращаются с различными вопросами. Например, можно ли получать новый паспорт? Или: можно ли присваивать себе новый «инвентарный» налоговый номер – не есть ли это печать антихриста?

Можно ответить на это так: с тех пор как возникло государство, государство – это уже, в общем-то, отступление от Бога. Кто не верит – почитайте Библию. Как Господь сожалел, когда еще Древний Израиль попросил у Него царя! И этот процесс идет, и он будет продолжаться, и каждое нововведение, каждый шаг «прогресса» – это есть, в какой-то мере, шаг к антихристу. Весь этот «прогресс» ведет к уничтожению человека как такового, как духовной личности, это процесс закабаления человека машиной государства, причем закабаления полного, тотального. И, конечно, найдутся люди, которые будут этому сопротивляться, но их будет очень немного. А для большинства из тех, кто задает эти вопросы, они фактически уже решены, потому что мало кто согласится остаться без пенсии или еще без чего-нибудь.

Надо всегда помнить, что Основатель нашей веры Господь Иисус Христос, будучи безгрешным и совершенным, пошел на самую лютую и позорную казнь, которая была в то время (ведь на кресте распинали только рабов, а раб не считался даже животным, раб считался вещью). Поэтому настоящее христианство не то, которое мы часто силимся только внешне изображать. Настоящее христианство – это готовность идти на смерть, на позор, готовность висеть голым

посреди толпы, которая тебя ненавидит и в тебя плюет.

Вот это настоящее христианство. И если есть у человека такая готовность, то у этого человека есть ответ на любой вопрос. Ведь по сравнению с тем, что обнаженный, избитый, оплеванный, обруганный, оболганный, преданный, совершенный Человек висит на краю Иерусалима, прибитый – не привязанный! – прибитый гвоздями к дереву, и над Ним еще издеваются, и в Него еще плюют – по сравнению с этим все наши скорби и трудности ерунда.

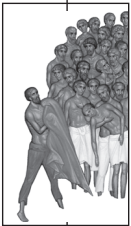
Так что все наши разговоры и страхи – все это очень несерьезно. Потому что многие могут продать Христа не то что за 30 монет (а в те времена это были большие деньги, на них можно было купить в Иерусалиме довольно приличный кусок земли) – сейчас могут продать даже гораздо дешевле. Против денег очень мало кто может устоять. Таков уровень современного сознания. Это реальный факт, и ничего с этим не поделаешь. А если вилку приставят к горлу – тут уж вообще все может быть забыто: все жития, все паломничества, все молитвословия, все посты. И это тоже реальный факт.

Поэтому, когда придет и торжественно вступит на престол антихрист, то, почти по А.С. Грибоедову, женщины будут кричать «ура!» и бросать в воздух чепчики. Все будет очень торжественно. И мало кому придет в голову вопрос: «А будут ли нас величать по имени-отчеству? Или только по номерам?», хотя угрожать еще никто не будет. И этот наш полный внутренний конформизм происходит от многих вещей. Конечно, тут и маловерие, и недостаток мужества, и трусость, и боязнь боли. Конечно, и жадность, и боязнь

не то что *все* потерять, а хоть какую-либо льготу, как бы хоть что-нибудь не отобрали.

Поэтому, как это ни прискорбно, надо согласиться с тем, что *наше* христианство – очень несовершенное. Настоящее христианство только такое, повторим еще раз, когда человек готов умереть, готов быть битым, готов быть голодным. Другого критерия нет. Вот тогда – настоящее. И настоящих христиан в истории Церкви за две тысячи лет были миллионы. И вельможи, и крестьяне, и воины, и домохозяйки.

Великим постом будет праздноваться память Сорока мучеников Севастийских. Представим себе, сорок человек стоят на льду, сложив оружие, хотя каждый из них прекрасный воин, но они стоят и мерзнут, мерзнут насмерть. А на берегу их мучители растопили баньку, чтобы тем сорока было «веселее» мерзнуть. Так они стояли всю ночь, и один все-таки не выдержал и побежал к баньке. Ну и, конечно же, в предбаннике умер: с такого холода броситься в такой жар – никакое сердце не выдержит. А один из тех, кто их караулил, увидел с небес спускающиеся сорок венцов. И тогда он, даже не будучи крещенным человеком, а только понаслышке знавшим о Христе – он знал только то, что на льду стоят христиане и их надо заморозить до смерти, – он сбросил с себя одежду и встал среди них, и тоже замерз, насмерть, для того чтобы сороковой венец опустился ему на голову. Все его христианство продолжалось несколько часов, но это было настоящее христианство. Все очень просто – он увидел, что спускаются сорок венцов, и захотел такой венец. Он поверил, хотя ему никто никогда не проповедовал Христа.

А мы? Ведь у нас и храмы, и ежедневно утром и вечером служба, и опубликованы многие святые отцы, да не по-гречески, а все на русский переведено, и буквами и русскими, и церковнославянскими, – пожалуйста, наслаждайся. И что? Готовности пострадать у нас нет.

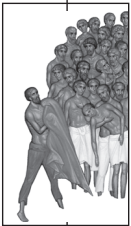
Что же нам теперь делать? Погибать? Нет! Нужно упражняться. Если человек не может сразу, например, взять и поехать на велосипеде, падает, – то надо начать с самоката: упираешься одной ногой, чуть-чуть оттолкнулся, проехал, потом еще. А потом, постепенно, научившись держать равновесие, пересаживаешься на велосипед. Так и в духовной жизни. Для этого, собственно, и употребляется пост, чтобы научиться не бояться себя хоть немножечко утеснить. В еде, в питье, в зрелищах, еще кое в чем – в общем, в том, без чего мы как бы и жить-то не можем. Навык себе в чем-то отказывать нам в дальнейшем может очень понадобиться, когда действительно уже все подойдет к тому, что нужно будет выбирать: голодная смерть и Царствие Божие – или заплесневелый сухарь и пасть антихриста. Потому что «от пуза» поесть антихрист не даст, ему самому мало будет. К тому времени с пищей дело будет плохо обстоять, а одну нефть есть не будешь. И перед каждым встанет этот выбор.

Поэтому, кто хочет потренироваться, – пожалуйста. Можно разорвать в клочки паспорт и эффектно кинуть его в лицо начальнику паспортного стола, можно уничтожить трудовую книжку, можно отказаться от всех деклараций, подписей и тому подобного, и никто не сможет заставить тебя использовать эти бумажки – ни один человек на свете! Почему? Потому что это не уголовное преступление. Так что особого

геройства в этом нет, потому что пока ничем серьезным не угрожает.

Другое дело, когда мы придем в жэк о чем-то хлопотать, а там нам скажут: «Давай бумагу». Конечно, нас будут пытаться как-то заставить иметь все эти бумаги, но если мы будем упорствовать, то ничего они с нами не сделают. При этом, конечно же, жизнь мы себе этим осложним, и очень сильно. Но вот что интересно – сможем ли мы даже эти сложности потерпеть, преодолеть? Потому что людей послушаешь – все охают и ахают, у всех трагедии. У кого-то, например, «трагедия» – сосед залил водой. Конечно, это большая неприятность. Но если вспомнить о людях, которые на площади Минутка в Грозном сидели и по ним снарядами стреляли, и сыпалась не вода и штукатурка, а перекрытия, – у них ситуация была посложнее: и пыль, и дым, и вонь, и есть хочется, и страху больше. А ведь это совсем рядом, час на самолете. И там такие же, как и мы, русские люди, потому что своих чеченцы обихаживают, все свои «беженцы» там в мехах, в кожаных пальто, и с пенсиями – не как в Ивановской области, и комбикорм там никто не ел, кроме тех, кто у них в ямах сидел.

Все наши трагедии, безусловно, объективно существуют, и внутренние и внешние, и в то же время всегда есть люди, и даже не очень далеко, которым и потяжелее, и пострашнее, и побольнее. Поэтому нам особенно расстраиваться не надо, а крепиться и благодарить Бога. И упражняться. Нужно все время упражняться. Нам эта жизнь дана для того, чтобы мы упражнялись. И вся церковная жизнь наша есть только подготовка к вечности, подготовка к главным экзаменам. Эталон мы все знаем, этим пу-

тем прошли сотни тысяч людей и в нашем веке, и в другие века, и из разных народов, заканчивая нашим, а вот насколько мы сумеем к эталону приблизиться – это зависит от того, насколько мы сумеем свое сердце направить к тому, чтобы всегда делать выбор не в сторону своего удобства, комфорта, выгоды, чрева, удовлетворения своих страстей, а в пользу заповеди Божией. А заповедь Божия – это, с точки зрения простой человеческой корысти, всегда вещь невыгодная: «Если тебя ударили в правую щеку – подставь другую. Если у тебя просят верхнюю одежду – отдай и срачицу. Если он хочет, чтобы ты прошел с ним поприще, – пройди с ним два. Просящему у тебя – дай».

Но ведь, во-первых, «неохота», во-вторых, жалко. А Господь требует. И вот от того, *что* ты можешь, человек, все и зависит. Сначала дай старую ненужную пуговицу, потом лишнюю рубашку, потом одно из пяти пальто, потом дай денег, потом дай кровь, а потом – жизнь. Но ведь если ты никогда никому даже пуговицы не дал, как же ты отдашь жизнь?!

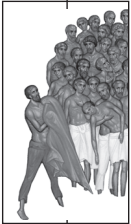
Все происходит постепенно. Лучше, конечно, начинать с малого возраста, но тут уж когда кого Господь призвал к вере. И в этом есть большой смысл. Почему? Потому что чем больше наша жертва, тем больше и Господь дает благодати, которая очистит нас от греха и управит в Царство Небесное.

Вы только представьте себе, что должен преодолеть человек за шесть часов, в которые уместилась вся его христианская жизнь, пока он замерзал на смерть, добровольно, без всякого принуждения, без всякой агитации, без всяких соблазнов и без выкручивания рук!

Нам хорошо собираться в храме, мы все здесь очень хорошие, добрые, прекрасные люди, мы все, когда приходим в церковь, поворачиваемся друг к другу, насколько это возможно, своей лучшей стороной. Конечно, у нас есть еще и худшие стороны, которых мы стесняемся и которые мы скрываем. Но Господь-то знает *все*. Наши худшие стороны нам надо преодолеть. На это нам наша жизнь и дана. Поэтому надо усердствовать, если мы хотим быть настоящими христианами. Если мы хотим быть настоящими христианами в современной тотальной показухе, нашей дурно пахнущей пластмассовой цивилизации, в которой все ненастоящее, все показуха, все обман, все заменено. А все настоящее распалось, начиная с искусства и кончая семьей. И остались у одного человека, у другого, у третьего только отдельные участки сердца, еще окончательно не пораженные. Вот этим кусочком нашего сердца мы и пытаемся верить. Поэтому наша вера такая немощная, болезненная. Мы реально мало что можем сделать по нашей вере, ни одного настоящего дела веры.

Почему такая немощь? От безблагодатности. Но ведь сила благодати совершается именно в немощи, и поэтому если бы у нас была решимость, то Господь бы обязательно подметил эту решимость и дал нам силу. И тогда мы могли бы двигаться дальше этим путем и совершать то, что необходимо для нашего спасения.

Поэтому, по милости Божией, существует пост, чтобы каждый в свою меру мог потрудиться, не выторговывая себе у Бога лишнюю банку йогурта – не в йогурте счастье и Царство Небесное, а в том, сколько ты, человек, можешь самого себя, своей души принести в жертву Богу. Это не в единицах кефирных буты-

лок выражается, или в сливочном масле, или в каком-то странном маргарине, который выдают за масло и внушают нам, что это очень полезно и т.д. и т.п. Каждому из нас необходимо в это время поразмышлять: человек, с которым мы живем, сын ли, зять ли, жена ли, сосед ли, Промыслом Божиим мы соединены вместе, мы должны понять, что Господь от нас ждет по отношению к этому человеку, который тоже есть Его образ. Ответ на этот вопрос дан. Открой Евангелие – там все написано.

Насколько ты понял и насколько ты можешь – это и соверши. Пусть это будет маленький поступок, но христианский. Пусть он будет даже единичный, но, может, завтра опять что-нибудь сделаешь по-христиански.

И так вот этот участочек сердца может расширяться, расширяться, и может постепенно заполнить все наше естество, и тогда мы сможем стать совсем другими. Может, не такими христианами, какие были до нас, но хоть в какой-то степени. Ведь понятно, что мы не сможем, как они, но нам хотя бы явить Богу, причем именно делом, а не на словах, что нам, действительно, *нужно* это Царство Небесное, ради которого Он пришел и умер на Земле.

Что ты можешь сделать ради Господа, если вечернюю молитву прочитать лень?! Если ты говоришь: «Не знаю, что делать, так к телевизору пристрастился». Что делать? Очень просто: протяни руку и – «чик», выключи, и все. Что делать? – нажать на кнопку. Что за проблема такая?

Проблема здесь чисто душевная, психическая: человек не может себе ни в чем отказать. А любая религия – это жертва. Без жертвы нет никакой

религиозной жизни, есть только философия – рассуждать о литургике, о истории Церкви, что канонично – что неканонично, кто экуменист – кто еретик и т.д. и т.д.

Конечно, все это в нас проникло очень глубоко, стало нашей второй натурой, но у нас есть возможность из всего этого выбраться. Абсолютно у каждого. Здесь не требуется ни ума, ни образования, ни знания иностранных языков, для этого не нужно объездить весь мир – **нужно просто желание следовать за Христом**. Да еще и в том объеме, в котором нам это понятно. Потому что если мы будем следовать сначала хотя бы в том, что нам понятно, то наше понимание будет расширяться и расширяться, до тех пор, пока все не уложится в нашей голове во всей своей полноте. Это происходит благодатью Божией. Это доступно абсолютно каждому.

И вот если мы хотя бы постом сумеем так свою душу организовать, то к Пасхе каждый из нас сумеет заметить некоторые изменения в своем сердце, которые к Троице можно, конечно, уже потерять и расплескать, а можно еще и приумножить. Все зависит только от каждого из нас. Поэтому все советы одного другому в духовной жизни – они мало что дают. Лучше запалим костерчик на морозе и пойдем вместе постоим и посмотрим, что с нами будет.

Помоги нам всем, Господи.

Аминь.

20 февраля (4 марта) 2000 года

Глава IV

ПРИЗОВИ МЕНЯ В ДЕНЬ СКОРБИ

Протоиерей Димитрий Смирнов

Найдите покой душам ВАШИМ

*Покой наступает
только тогда, когда
человек познает
Бога. Как ребенок:
он плачет, кричит,
а когда мать возь-
мет его на руки –
успокаивается.
Так и душа человека:
в руках Господа
ей становится
спокойно. Вокруг
все по-прежнему
страшно – а душа
успокаивается.
К этому покою
Господь нас
и зовет.*

Найдите покой душам ВАШИМ

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Все Евангелие прекрасно, но два отрывка, которые мы сегодня читали, – из ряда вон выходящие, просто изумительные. Это Евангелие от Марка, 51-е зачало, глава 11, стихи 23–26, и от Матфея, 43-е зачало, глава 11, стихи 27–30 – этот отрывок мы читаем, когда чтим память какого-нибудь преподобного, монаха, а сегодня день памяти преподобного Феодосия – великого монаха, основателя общежительных монастырей.

Евангелист Матфей повествует о словах Христа. Господь говорит: *все предано Мне Отцем Моим, и никто не знает Сына, кроме Отца; и Отца не знает никто, кроме Сына, и кому Сын хочет открыть* (Мф. 11, 27).

Бога можно познать только через Сына Божия. Все люди, которые не знают Иисуса Христа, но говорят, что веруют в Бога, – они Бога не познали. А Христос познается через Евангелие. Поэтому если человек не знает Евангелия, то он не знает и Бога. В кого же он тогда верует? Кто в кого. Каждый грешник по своему образу и подобию изобретает себе бога и этому богу поклоняется. И чаще всего этот бог совсем не Тот,

в Которого верует Святая Церковь. Поэтому для каждого человека в этих трех строках содержится призыв: познайте Сына Божия, и если Сын Божий захочет, Он вам откроет Отца. Он Сам сказал: «Я и Отец – одно; знающий Меня, знает Отца. Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас» (См.: Ин. 10, 30; Мф. 11, 27, 28).

Особенно актуально эти слова звучат в наше время. Кто сейчас спокоен? Кто живет в мире? Кто в любви? Кто в тишине? Все беснуются, все страдают, все мучаются, у всех беспокойно на душе, у всех тяжесть, страх, у всех горе и слезы, все волнуются, скрежещут зубами от бессилия и ничего не могут сделать. И Господь говорит: *придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас*. Покой наступает только тогда, когда человек познает Бога. Как ребенок: он плачет, кричит, а когда мать возьмет его на руки – успокаивается. Он даже отличает, мать взяла его на руки, или соседка, или какой-то дядя. Он чувствует родные руки, он к ним привык и узнает их. Так и душа человека: когда она приходит к Богу, она узнает эти руки, и ей сразу становится легко и спокойно, и ясно, куда идти. И человек обретает опору, как дитя обретает опору на руках матери. Хотя он вроде высоко над полом и должно быть страшно, а ему, наоборот, спокойно: он знает, что эти руки не выпустят. Так и в руках Господа: когда человек попадает в Его руки, руки Божии, ему становится спокойно. Вокруг все по-прежнему страшно – а душа успокаивается. К этому покою Господь нас и зовет.

Возьмите иго Мое на себя (Мф. 11, 29). Что это за иго? «Иго» в переводе на современный язык значит «ярмо» или «хомут». На востоке животному надевали

на шею ярмо и с помощью этого ярма привязывали плуг или телегу. Каждый из нас в жизни несет какой-то крест, у каждого какие-то обязанности. И вот Господь говорит: *возьмите Мое иго*. Какое иго? Иго – это заповеди. Господь хочет, чтобы мы жили по Его заповедям. И если мы это иго на себя возьмем, то Он нам обещает, что мы обретем покой.

Мы должны обязательно обуздать свою жизнь заповедями Божиими. Потому что в основном-то мы живем своими желаниями. Как захочу, как считаю нужным, как мне подружка подсказала, как у людей увидел – так и живу. А это неправильно. Надо жить по заповедям Божиим.

И опять же к чему возвращаемся? Что надо знать заповеди Божии, надо день и ночь изучать Священное Писание, надо знать его наизусть, тогда сможешь эти заповеди исполнять. Ведь как ты сможешь исполнять заповеди Божии, если ты их не знаешь? Представьте: дикий, темный лес, и у тебя нет ни карты, ни звезд на небе не видать, ты не знаешь, куда тебе идти. Чем кончится это блуждание по лесу? Или с голоду умрешь, или провалишься в болото. Вот так и мы. Оголодала наша душа, она уже почти мертвая, и мы все время проваливаемся в какое-нибудь болото: то в одну грязь влипнем, то в другую, то в третью, то лбом в какое-то дерево воткнемся, то всего себя израним. И это постоянно. И так вся наша жизнь проходит в блуждании по этому темному лесу. Потому что нет у нас ориентира, не знаем мы, куда бредем. В этом наша беда.

А ориентир в жизни дают заповеди Божии. Они для нас написаны. Почему? Потому что мы не понимаем, что надо делать – а что не надо. И в своей духовной жизни не понимаем, как себя вести. Великая

милость Божия, что Господь нам открыл, дал, можно сказать – разжевал и в рот положил, как надо жить, чтобы спасти свою душу от греха, от этой помойной ямы, в которую мы постоянно забираемся. Поэтому нам надо ухватиться за Священное Писание. У кого нет – купить. И изучать. С этого необходимо начинать духовную жизнь.

Научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим (Мф. 11,29).

Научитесь от Меня, – говорит Господь. Да, учиться нам не у кого, в жизни примера нет: ни родители не могут нам пример показать, ни окружающие люди, святых среди нас уже давно нет. Поэтому нам нужно пример искать только в Евангелии. Смотреть, как поступал Господь. Смотреть, как Он жил. Нам нужно понять, что значит быть кротким; что значит быть смиренным. И не только понять, а принять это в свое сердце, это должно в нашем сердце запечатлеться, и мы должны начать поступать и жить уже не так, как прочие люди, как большинство. Есть даже такое замечательное выражение – «подавляющее большинство», то есть большинство, которое давит на нас своим безобразием. И все-таки надо не поддаваться этому подавляющему большинству.

Господь говорит: *Я посылаю вас, как овец среди волков* (Мф. 10, 16). Надо всегда помнить о том, что если мы хотим достигнуть Бога, мы должны быть кроткими, как овечки.

Иго Мое благо, и бремя Мое легко (Мф. 11, 30), – говорит Господь. Да, заповеди Божии – это благо. Когда большинство народа исполняло заповеди Божии, тогда страна процветала и была богата, и была огромна, и народы жили в ней в мире. А когда заповеди Бо-

жию поменяли на заповеди людские, например, «грабь награбленное», или «то, что моему классу выгодно, то и морально», и так далее, то есть когда заповеди Божии отменили, как ненужные, дескать, устарели, – тогда сразу все пришло в негодность, все стало рассыпаться. И рассыплется еще больше. Мы только в начале этого великого падения. Потому что невозможно без заповедей Божиих ничего сотворить – блага не будет.

Посмотрите на планеты. Представим себе на секунду, что бы было, если вдруг какая-нибудь планета захотела бы идти не в ту сторону, в какую ей Бог предназначил, а в другую, – вся Солнечная система сразу же рухнула бы. И на земле начались бы всякие катастрофы. И так в любом деле. Представим себе, что вода при охлаждении не расширялась бы, а сжималась, как и все прочие вещества, – зимой сразу же все, что в воде, погребло бы. Так во всем: если какой-то закон, установленный Богом, нарушается – все тут же рушится.

Так же и в душе человека. Возьмем какую-нибудь заповедь. Например: чти отца и мать. И если человек не чтит отца и мать – все сразу вокруг рушится. Сначала в семье. А если это становится общим местом для всего народа – то рушится весь народ сразу: он начинает вымирать.

Или, например, есть заповедь: не убий. А люди убивают друг друга, аборт делают. И сразу народ становится Богом проклятый, он бьется над тем, как бы себя прокормить, а ничего не получится у этого народа, этот народ вымрет обязательно, потому что он восстал на самого себя. И так с любой заповедью Божией. Господь говорит: кто нарушил одну заповедь,

тот нарушил все (см.: Мф. 5, 19). Так и Уголовный кодекс говорит. В Уголовном кодексе больше двух сотен статей, но если нарушил хотя бы одну – все равно под суд. Так же и заповеди Божии. Их много, но нарушив одну, ты перечеркиваешь весь закон, ты перечеркиваешь свою связь с Богом. Поэтому надо заповеди Божии познавать, изучать и стараться исполнять. А исполнить их можно, только если мы будем подражать Христу в Его жизни – то есть Его кротости и смирению. Вот чему Господь учит.

И когда мы встаем на этот путь: прочитаем Евангелие, примем его сердцем, познаем, что это Истина, возлюбим этот путь, захотим по нему идти и начнем пробовать это делать, – то мы увидим, что у нас ничего не получается. Мы будем приходить в отчаяние: как же так, ни одной заповеди не могу исполнить! Каждый человек, который встает на этот путь, очень быстро это познает. И апостолы однажды спросили: почему это так? А Господь ответил: *без Меня не можете делать ничего* (Ин. 15, 5). Ни одну заповедь Божию без Бога исполнить нельзя. Поэтому Он и говорит в Евангелии от Марка, которое мы сегодня тоже читали: *имейте веру Божию, ибо истинно говорю вам, если кто скажет горе сей: поднимись и ввергнись в море, и не усомнится в сердце своем, но поверит, что случится по словам его, – будет ему, что ни скажет. Потому говорю вам: все, чего ни будете просить в молитве, верьте, что получите, – и будет вам* (Мк. 11, 23–24).

То есть, чтобы пройти путем заповедей Божиих, нужно обязательно все время молиться Богу и просить: «Господи, спаси меня, Господи, помоги мне исполнить эту заповедь, Господи, не дай мне оступить»

ся, не введи меня во искушение, избавь меня от лукавого». Все время Его просить. Если мы все время будем призывать имя Божие, мы сможем пройти путем заповедей Божиих. Если мы постараемся без Бога, без Его помощи исполнить заповеди, то ничего не получится, мы ничего не сможем. Поэтому если человек пытается жить по-христиански, но при этом в храм не ходит, не молится и не причащается, то это обречено на провал. Это невозможно. Даже если ежедневно ходить в храм, еженедельно причащаться, и то человеку очень трудно, а если не ходить – то просто обречен.

Какое условие надо выполнять на молитве? Когда стоите на молитве, прощайте, если что имеете на кого, дабы и Отец ваш Небесный простил вам согрешения ваши. Если же не прощаете, то и Отец ваш Небесный не простит вам согрешений ваших.

Когда просишь чего-то у Бога, вспомни о своих должниках, о всех тех, кто тебя обидел, в чем-то ущел, как-то тебя прижал, обязательно прости от всей души, прости, тогда Господь тебя примет. Потому что мы все нуждаемся в том, чтобы Бог нас простил. А Он ставит такое условие: насколько ты милосерд к людям, настолько и Я буду милосерд к тебе. Пусть человек против тебя согрешил, но ты стократно согрешил против Бога, поэтому, если ты нуждаешься в прощении, прости сначала своего ближнего, а потом «требуй» что-то от Бога. Мы часто говорим: «Это же неправда! Это же возмутительно!» – когда человек в чем-то неправ. Хорошо, а ты посмотри на себя – что ты делаешь. Видишь свою неправоту? Так вот, сначала выгащи бревно из своего глаза, а потом будешь вынимать соринку из глаза другого. Посмотри на себя – как ты живешь, и замолчи: ты не имеешь права никому

ничего говорить, никому ни на что указывать. Смирись и будь кроток как овечка. И это будет правильно. Потому что, как же можно других учить, когда сам ничего не знаешь. Это выглядит безобразно, отвратительно, когда человек начинает учить, а сам ничего не может ни сделать, ни показать. Это просто смешно. Поэтому нам не надо так поступать. Надо стараться с кротостью, со смирением проходить свой путь, молиться Богу и на молитве всех прощать. Видите, как просто!

Да, на словах очень просто. Я все рассказал – вот и начинай, и спасешься. На самом деле не так все просто. Чтобы спасти свою душу, нужно всю свою поганую природу переделать. А на это уйдет ровно вся наша жизнь. Так Господь и устроил. Некоторые не знают, сколько им отмерено. Господь тебе даст прожить и сто, и двести лет, лишь бы ты трудился над своей душой. Заберет Он тебя в тот момент, когда поймет, что ничего лучшего у тебя уже не выйдет, а если дальше будешь жить, то станешь еще хуже. Если Господь так решит, тогда Он тебя заберет. А если ты все время будешь стремиться к лучшему, и если это стремление будет настоящее, подлинное, Господь тебе и жизнь твою продлит, и даст тебе возможность усовершенствовать душу для того, чтобы ты в Царствии Небесном занял ту обитель, которую Господь тебе приготовил.

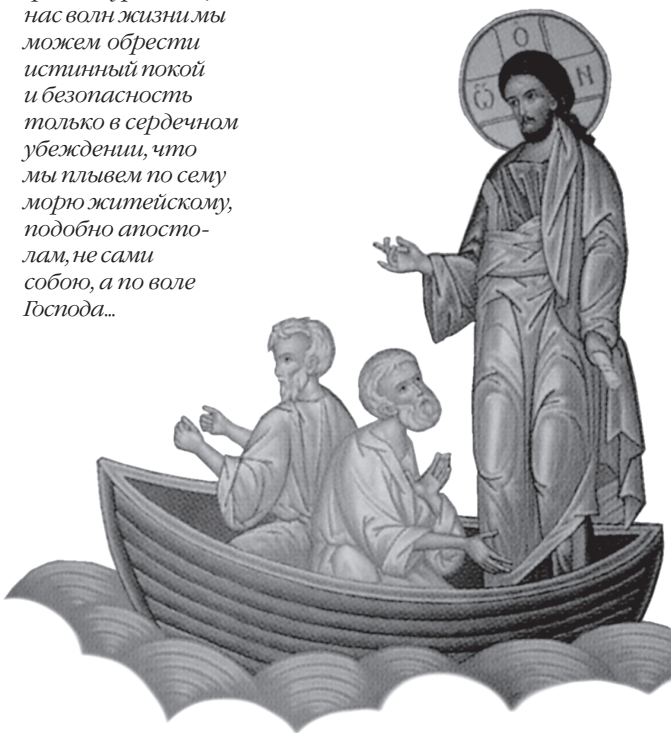
Поэтому будем, братья и сестры, трудиться, не лениться, за все Бога благодарить, подражать Ему в кротости и смирении, всегда молиться и просить Его о помощи и на молитве всегда всем и все прощать. Аминь.

11 (24) января 1990 года

Архимандрит Кирилл (Павлов)

О хождении по водам Спасителя

При окружающей
нас тьме ночной,
среди буруевающих
нас волн жизни мы
можем обрести
истинный покой
и безопасность
только в сердечном
убеждении, что
мы плывем по сему
морю житейскому,
подобно апосто-
лам, не сами
собою, а по воле
Господа...

О хождении по водам Спасителя

*Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!
И, выйдя из лодки, Петр пошел по воде, чтобы
подойти к Иисусу, но, видя сильный ветер, испугался
и, начав утонать, закричал: Господи! спаси меня
(Мф. 14, 29–30).*

Дорогие братья и сестры! Жизнь человеческую уподобляют бурному морю, по которому мы плывем со своим телом и душой, встречая на пути большие опасности и бедствия. Тьма и мрак окружают нас, волны многообразных искушений и бедствий ударяют в нашу утлую ладью и грозят ежеминутным потоплением нас. И, для того чтобы мы при встрече с этими бедствиями или при слышании о них не пришли в уныние, безнадежие, а напротив, укрепляли свою веру в то, что Господь Бог наш настолько любит нас, грешных, и печется о нашей жизни, о самомалейшем деле, что и волос с головы нашей не упадет без Его святой воли, для этого сегодня и предложено нам весьма назидательное и утешительное евангельское чтение о спасении Спасителем угопающего Петра.

Святое Евангелие от Матфея нам передает следующее повествование об этом чуде. После насыщения пяти тысяч человек пятью хлебами и двумя рыбами Господь *тотчас понудил... учеников Своих войти*

в лодку и отправиться прежде Его на другую сторону, пока Он отпустит народ. И, отпустив народ, Он взошел на гору помолиться наедине; и вечером оставался там один. А лодка была уже на середине моря, и ее било волнами, потому что ветер был противный. В четвертую же стражу ночи пошел к ним Иисус, идя по морю. И ученики, увидев Его идущего по морю, встревожились и говорили: это призрак; и от страха вскричали. Но Иисус тотчас заговорил с ними и сказал: ободритесь; это Я, не бойтесь. Петр сказал Ему в ответ: Господи! если это Ты, повели мне прийти к Тебе по воде. Он же сказал: иди. И, выйдя из лодки, Петр пошел по воде, чтобы подойти к Иисусу, но, видя сильный ветер, испугался и, начав утонать, закричал: Господи! спаси меня. Иисус тотчас простер руку, поддержал его и говорит ему: маловерный! зачем ты усомнился? И, когда вошли они в лодку, ветер утих. Бывшие же в лодке подошли, поклонились Ему и сказали: истинно Ты Сын Божий. И, переправившись, прибыли в землю Геннисаретскую (Мф. 14, 22–34).

Это евангельское сказание внушает нам, братия и сестры, не только то великое таинство нашей веры, что Господь Иисус Христос есть воистину Сын Божий, единосущный Отцу, всемогущий Владыка вселенной, Которому повинуются вся тварь, Которого *и ветер и море слушают* (Мк. 4, 41), но и ту утешительную и поучительную для нас истину, что Господь и Спаситель наш всегда близ нас есть во всякое время дня и ночи, что Он есть всемогущий Помощник и Избавитель наш во всех обстоятельствах и превратностях жизни и что мы, немощные и неразумные сами по себе, подверженные различным обуреваниям в жизни, непрестанно имеем нужду в Его божественной помощи. При окружающей нас тьме ночной, среди этих обуревающих нас волн

жизни мы можем обрести истинный покой и безопасность только в сердечном убеждении, что мы плывем по сему морю житейскому, подобно апостолам, не сами собою, а по воле Господа: *понудил Иисус*, как говорит евангелист, *учеников Своих войти в лодку* (Мф. 14, 22) – плывем к предначертанному Господом берегу вечной жизни, в блаженное пристанище Царствия Божия, плывем в невидимом, но тем не менее спасительном для нас присутствии с нами Самого Господа, ходящего по морю и укрощающего волны.

Поэтому Евангелие нынешнего дня учит нас мужеству и твердому упованию на помощь Божию в трудных обстоятельствах жизни или в опасностях, искушениях, несчастиях, в той уверенности, что Господь всегда с нами и не допустит безвременно погибнуть уповающим на Него и любящим Его. Так и апостолы были в весьма затруднительном положении, когда находились в лодке среди моря, при противном ветре, и Господь, желая вывести их из затруднительного положения, пошел к ним по морю. Апостолы, бывшие тогда еще не совершенными, а только новичками в вере и жизни, изображают нас с вами; море означает здешнюю суетную жизнь, волнуемую диавольскими кознями, житейскими страстями и напастями жизни; лодка означает удоборазрушимое тело наше, в котором вместе с душою дух наш переплывает море жития сего и которое готов потопить плотскими страстями враг нашего спасения. Так и мы, братия и сестры, в разной степени все испытываем бурю бед и напастей в жизни, как пловцы в море; и у нас, как у апостолов, под бременем грехов болезненно расстроено сердце, мысли и воля, так что мы иногда всего и всех боимся, даже собственной тени и шума древесных листьев. Но это потому, что у нас еще слаба вера в Иисуса Христа,

что мы еще не соединились с Ним. Кто всем сердцем уверовал в Него и тесно соединился с Ним, тот никого не боится ни на небе, ни на земле. *Господь просвещение мое и Спаситель мой, кого убоюсь? Господь защититель живота моего, от кого устрашуся? Аще ополчится на мя полк (бесовский), не убоится сердце мое; аще возстанет на мя брань, на Него аз уповаю* (Пс. 26, 1, 3). Вот, сколь дерзновенен, и мужественен, и неустрашим верующий и любящий Господа.

Господь не оставит тебя в твоём безнадежном состоянии, если ты только обратишься к Нему с молитвою и просьбою облегчить твоё положение. Но в том-то и дело, что мы в это время забываем часто о Боге. Нас постигают несчастья, неудачи, скорби, так что одно несчастье приходит за другим; мы не знаем, за что ухватиться среди своих скорбей и несчастий, и при таком состоянии мы впадаем в уныние духа, опустив руки, думая, что все для меня кончено, не видать мне здесь, на земле, больше радостей и утешения, и впадаем в отчаяние, забывая в это время обратиться к Богу. Разве не Господь послал нам испытание? Но Он же может послать терпение, и подкрепление, и утешение. Господь накажет, Он же и помилует и утешит. У Него много средств для этого. Он знает, как пролить утешение в сердце самого безотрадного страдальца. Да, не роптать и не отчаиваться нужно в подобных трудных случаях, а скорее взывать ко Господу: «Господи, спаси меня, я погибаю! Господи, подкрепи меня, пошли терпение мне, чем и как знаешь утешь меня!» Поверь: как явился Господь сомневающимся и устрешенным ученикам Своим, так явится духовно и тебе и, что потребно для истинного блага твоего, даст тебе.

Дорогие братья и сестры, жизнь человеческая, как внешняя, так и внутренняя в особенности, не может

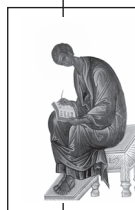
находиться в одинаковом положении и состоянии. В жизни происходит постоянная смена явлений. Во внешней жизни человека очень часто одно положение сменяется другим. То человек находится в состоянии довольства, здоровья, счастья, спокойствия, то постигают его неудачи, беды и несчастья. Сегодня человек богат, здоров, в почете, а завтра он беден, болен, в презрении и так далее, и мало ли что бывает с человеком, всего перечислить нельзя. И благо человеку, если он находит в себе силы с терпением переносить все невзгоды этой жизни. В жизни духовной, внутренней, нравственной состояния меняются еще чаще. Здесь бурь и волнений, готовых затопить человека, еще больше. Мысли, чувства, желания меняются ежеминутно, и часто человек не может ни на чем остановиться в этих быстрых потоках своих мыслей. В душе человека часто являются мысли нелепые, чувства грязные, желания непотребные – и все это часто приходит помимо воли человека. И добро человеку, если он найдет в себе силы противостоять этим искушениям и не утонуть в пучине этих волн.

Но и теперь, среди обуревающих нас волн моря житейского, присмотритесь, братия и сестры, и сквозь окружающий нас мрак неведения и скорбей светлым оком живой веры вы увидите близ себя Господа, ходящего по морю. Он, премилосердный, всегда с нами, во всякое время дня и ночи Он призывает нас небоязненно прийти к Нему, всегда простирает к нам божественную руку Своей всемогущей помощи. Слышишь, скорбящий, бедствующий, страждущий в мире сем, как говорит Господь тебе: *Малове, почто усумнелся еси? Приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененнии, и аз упокою вы; возмите иго Мое на себе и научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем, и обрящете покой душам вашим* (Мф. 14, 31; 11, 28–29).

Один инок жил в опустевшем языческом капище. В одно время пришли к нему лукавые духи и сказали: «Выйди из нашего места». – «Вы не имеете места здесь», – отвечал он. Тогда нечистые духи начали повсюду разбрасывать пальмовые ветви, приготовленные им для плетения корзин. Старец стал их собирать, тогда они схватили его за одежду и повлекли вон, но он уперся в двери и закричал: «Иисусе, помоги мне!» – и нечистые духи тотчас разбежались. Старец заплакал. Неведомый голос спросил его: «О чем ты плачешь?» – «О том, что враги спасения дерзают издеваться над рабом Божиим». Тогда голос ему отвечал: «Ты сам виноват, потому что забыл Меня. Как только призвал Меня, Я тотчас же поспешил к тебе на помощь».

Дорогие братия и сестры, мы немощны: силы у нас слабы; живой веры, могущей творить чудеса, у нас или мало, или вовсе нет. А искушений, влекущих к гибели, слишком много. И мы, подобно апостолу Петру, утопавшему в море, утопаем в море житейском. Где же искать нам поддержки и помощи в борьбе с бедами, напастями, невзгодами, искушениями внешними и внутренними, чтобы совсем не утонуть в волнах житейского моря? Там и у Того, у Кого искал помощи утопавший Петр, – у Господа Иисуса. Да взываем ко Господу Иисусу все и каждый возможно чаще: «Господи, спаси, ибо я погибаю. Наставь меня на путь истины, добра и правды, и укрепи на этом пути, и избавь меня, Господи, от искушений. А если Тебе угодно послать мне искушения, укрепи и укрепи мои слабые силы в борьбе с ними, дабы мне не пасть под тяжестью их и не погибнуть для Царствия Твоего, уготованного для любящих Тебя от создания мира». Аминь.

17 (30) июля 1961 года

Слово к читателю

*В*о время богослужения мы слышим такие слова: «Страх Твой всади в сердца нас, поющих Тя». О каком страхе это сказано? О страхе Божиим. Страхе, который назван в Священном Писании началом премудрости. Это страх оскорбить Господа. Страх нарушить заповеди Его святые. Страх согрешить, потому что когда мы согрешаем, когда мы сознательно уходим от Господа, проявляем непослушание Господу, то тогда, конечно, нам есть чего бояться. Нам надо бояться того, что мы сами себя отдаляем от Господа, отходим от Него. А ведь человек без Бога – кто он? Он слаб, одинок и беспомощен. Мы должны научиться любить Господа, а любовь рождается, как говорит великий аскет и духовный писатель преподобный Иоанн Лествичник, от многого смирения, то есть от покорности, преданности во всем воле Божией. Но если мы не любим Господа, не доверяем Ему, противимся Его святой воле, то от этого возникает другой страх – страх мучительный, страх перед всем и вся в нашей жизни.

«Гордая душа есть раба страха; уповая на себя, она боится слабого звука тварей и самых теней». Здесь преподобный Иоанн Лествичник указывает на одну из основных причин страха – гордость. Гордая душа страшится, потому что гордый человек надеется только на себя, на свои силы, свои мысли, чувства, почитает их самыми правильными и верными и, уповая на себя, отходит от упования на Бога. И поэтому гордая душа, когда приходят

испытания, являет себя немощной и слабой. Так что бороться со своими страхами – это бороться со своей гордостью и прививать себе всякое упование на Бога.

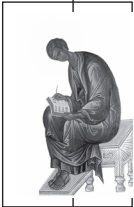
«Страх есть предвоображаемая беда, – по слову преподобного Иоанна. – Страх есть лишение твердой надежды». То есть беда еще только предвоображаемая, ее еще нет, а человек уже тревожится, у него мечтания, которые лишают его мира, покоя, тишины и надежды – надежды на Бога, промышляющего о нас, милующего и сохраняющего нас.

Преподобный отец дает также и практические советы избавления от страха: «Не ленись в самую полночь приходиться в те места, где ты боишься быть. Если же хоть немного уступишь сей младенческой и смеха достойной страсти, то она состарится с тобою». То есть страх сам собой никогда не отступит, он будет пребывать в душе человека, а то и нарастать, если человек не будет стараться преодолеть его. И это относится, разумеется, не только к боязни темноты. И, конечно же, необходимо постоянное обращение к Богу, призывание Его к себе в помощь: «Но когда ты пойдешь в те места, вооружайся молитвою; пришедши же, распрости руки и бей супостатов именем Иисусовым, ибо нет сильнеею оружия, ни на небе, ни на земле».

При этом святой отец нас сразу предупреждает: «Нельзя в одну минуту насытить чрево; так нельзя и боязливость победить скоро». То есть необходимо приготовиться к длительной, упорной борьбе.

Называет преподобный Иоанн и вторую причину страхов – «Кто сделался рабом Господа, тот боится одного своего Владыки; а в ком нет страха Господня, тот часто и тени своей боится».

Часто человек в жизни своей старается сам себя обезопасить, воздвигает заборы, вешает крепкие замки, заводит сторожевых псов – по-человечески все это очень понятно. Есть и пословица такая у нашего наро-

да – «береженого Бог бережет». Но Слово Божие говорит: *Аще не Господь сохранит град, всеу бде стрегий* (Пс. 126, 1). Да, все, что нам нужно для того, чтобы себя предохранить от каких-то бед и напастей, мы должны делать, но успех дела предоставлять Богу.

Есть замечательные слова преподобного Иоанния Великого, которые мы читаем в своих вечерних молитвах: «Упование мое Отец, прибежище мое Сын, покров мой Дух Святой – Троица Святая, слава Тебе». Необходимо как можно чаще повторять эту молитву, в которой мы все свое упование возлагаем на Бога. Духоносные отцы советуют также читать постоянно 90-й псалом – *Живый в помощи Вышняго...* И так, опираясь на Бога Всемогущего, опираясь на Его помощь и силу, человек сможет преодолеть свое земное поприще.

Надо всегда помнить, что если бы не милосердие Божие, то не спаслась бы никакая тварь. А когда нам кажется, что нам очень все в нашей жизни тяжело, надо вспоминать известную притчу, как Господь хранит человека, идет рядом с ним. Одному человеку был показан его путь: идут рядом два следа – след человека и Бога. И вдруг один след обрывается. И человек к Богу возопил: «Господи, что же Ты меня бросил? Здесь только один след». А Господь отвечает: «Я тебя не бросил – я тебя взял на руки Свои».

Так что не надо бояться, что мы плывем как беспомощная щепка в житейском море. Господь близ! Но Он близок к нам настолько, насколько мы близки к Нему. Он утешает нас настолько, насколько мы сами стремимся к Нему. Он сотворит нам добро, насколько мы сами пытаемся, по крайней мере, приблизиться к этому Добру, к этому Свету, к этой великой Любви.

Помоги нам всем, Господи!

*Наместник Данилова монастыря
архимандрит АЛЕКСИЙ (Поликарпов)*

Примечания

Епископ Варнава (Беляев) Очистительное действие страданий

1. *Преподобный Исаак Сириянин*. Слова подвижнические. С. 152, 157. Слово 35.

2. Цит. по: *Феофан, еп.* Толкование посланий апостола Павла к Филиппийцам и Солунянам. М., 1895. С. 67.

3. «Невозможно умереть без повеления Божия – говорит *преподобный Варсонофий Великий*, – хотя бы кто был укушен и тысячью ядовитых животных» (Руководство к духовной жизни. СПб., 1905. С. 464–465. Ответы 788–790).

4. *Денисов Л.* Житие, подвиги, чудеса, духовные наставления преподобного Серафима, Саровского чудотворца. М., 1904. С. 434. Наставление 15. О болезнях.

5. *Свт. Василий Великий*. Творения. Ч. 4. Сергиев Посад, 1892. С. 135 и след. Беседа 9. О том, что Бог не виновник зла.

6. Древние, хотя фактически и служили бесам, но различали в них добрых и злых. Служение последним считалось колдовством и преследовалось.

7. Древний мир / Изборник источников по культурной истории Востока, Греции и Рима. Под ред. проф. Б. А. Тураева и И. Н. Бороздина. Ч. 1: Восток. М., 1917. С. 33–34, *passim*.

8. Так как под легендой ученый – редактор данной книги, – очевидно, подразумевает фантастический рассказ, не имеющий ничего общего с действительной правдой, то нелишне будет привести как справку *научное* определение легенды, данное другим ученым – «бывшим» интеллигентом.

«Легенда не ошибается, как ошибаются историки, ибо легенда – это очищенная в горниле времени ото всего случайного, просветленная художественно до идеи, возведенная

в тип сама действительность. “Легенда – живое предание, почти всегда более истинное, чем что мы называем историей”, – по слову Авг. Тьерри. Легенда – это и есть история по преимуществу, ибо “поэзия ближе к философии и содержательнее, нежели история”, как засвидетельствовал и трезвейший из философов, отец современной науки, Аристотель» (*Флоренский П.* Пращуры любомудрия // *Богословский Вестник.* 1905. Май; см. также: *его же.* Столп и утверждение истины. Опыт православной феодицеи в 12 письмах. М., 1914. С. 784. Прим. 754).

9. Памятники старинной русской литературы. Выпуск 1. Издание графа Г. Кушелева-Безбородко, под ред. Н. Костомарова. СПб., 1860. С. 109–110.

10. *Преподобный Иоанн Кассиан Римлянин.* Писания. М., 1892. С. 275. Собеседование 6.

11. *Преподобный Исаак Сирий.* Слова подвижнические. С. 227. Слово 51.

12. Лествица. Сергиев Посад, 1908. С. 47, 58. Слово 4, 85, 124.

13. Там же. С. 28–29. Слово 4, 23, 24. На этом примере хорошо виден постепенный духовный рост человека и последовательный переход из состояния раба в состояние наемника и потом сына. Форма, в которой совершалось покаяние, собственно, представляла собой первую ступень общественного покаяния в первохристианской Церкви.

14. *Жуковский В. А.* Сочинения. СПб., 1901. С. 920–921. О стихотворениях И. Козлова. См. также: *Нива.* 1890, № 14. С. 386–387.

15. *Преподобный Иоанн Кассиан Римлянин.* Писания. С. 275.

16. *Преподобный Исаак Сирий.* Слова подвижнические. С. 158. Слово 37.

17. Там же. С. 152.

18. Там же. С. 220.

19. Там же. С. 9. Слово 2.

20. *Прп. авва Дорофей.* Душеполезные поучения. С. 137. Поучение 12. О страхе будущего мучения; Древний Патерик. М., 1899. С. 120. Глава 7, 33 (28).

21. *Прп. Исаак Сирий.* Слова подвижнические. С. 80.

22. *Св. Симеон Новый Богослов.* Слова. Вып. 1. М., 1892. С. 73. Слово 7.

Об авторах

Протоиерей ВАЛЕРИАН КРЕЧЕТОВ – настоятель храма во имя Покрова Пресвятой Богородицы в подмосковном селе Акулове, старший духовник Московской епархии. Издан сборник проповедей «Марфа или Мария?». Проповеди отца Валериана публиковались также в сборниках нашего издательства «Путь покаяния» и «Свет будущей жизни».

Архиепископ ИОАНН САН-ФРАНЦИССКИЙ (ШАХОВСКОЙ) (1902–1989) – родился в Москве, служил в Белой армии, эвакуировался в 1920 г. из Крыма, принял постриг на Афоне, с 1950 г. – архиерей Американской Православной Церкви, известный миссионер и проповедник, автор многочисленных книг и статей.

Старец ПАИСИЙ СВЯТОГОРЕЦ (в миру Арсений Езнепидис; 1924–1994), родился в Фарасах Каппадокийских (Малая Азия). После службы в действующей армии удалился на Святую Гору Афон. В 1954 г. принял рясофор, через два года пострижен в малую схиму с именем Паисий. Подвизаясь на Афоне, в обители Стомион в Конице и на Святой Горе Синай, прославился даром исцеления и утешения многих скорбящих душ. Издательским Домом «Святая Гора» и издательством Свято-Троицкой Сергиевой Лавры изданы на русском языке многие творения Старца Паисия. 4 тома «Слов» Старца Паисия Святогорца – «С болью и любовью о современном челове-

ке», «Духовное пробуждение», «Духовная борьба» и «Семейная жизнь» – это записанные его духовными чадами в форме вопросов и ответов духовные беседы и поучения Старца.

Николай Евграфович ПЕСТОВ (1892–1978) – известный духовный писатель и религиозный мыслитель, автор многотомного труда «Современная практика православного благочестия».

Архимандрит ИОАНН (КРЕСТЬЯНКИН) (1910–2006) – почитаемый старец, к которому многие годы обращались за советом и утешением тысячи православных людей. Родился в г. Орле. В 1945 г. был рукоположен во священника. Служил до 1950 г., пока власти не арестовали его по обвинению в антисоветской агитации и не отправили на семь лет в лагерь. Освобожден досрочно в 1955 г. После освобождения служил в Псковской епархии, затем в Рязанской. В 1966 г. принимает монашество, а с 1967 г. становится насельником Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря, где и подвизался до своей блаженной кончины. Письма и проповеди отца Иоанна постоянно переиздаются.

Епископ ВАРНАВА (БЕЛЯЕВ) (1887–1963) – исповедник веры, во времена гонений на Церковь прошедший лагерь и ссылки, нес подвиг юродства, автор монументального труда «Основы искусства святости. Опыт изложения православной аскетики», жизнеописания старца прп. Гавриила (Зырянова) «Тернистым путем к небу», книги «Прп. Синклитикия Александрийская, или Малая аскетика» и др.

Архимандрит КИРИЛЛ (ПАВЛОВ) – почитаемый старец. Родился в 1919 г. в Рязанской обл. Прошел войну,

участвовал в обороне Сталинграда, боях за освобождение Венгрии. После демобилизации окончил Московскую Духовную Семинарию, а затем Московскую Духовную Академию. В 1954 г. принял монашеский постриг. Несколько десятилетий был духовником Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, духовником Святейшего Патриарха Алексия II. Все эти годы не иссякал к отцу Кириллу поток православного люда за помощью и духовным наставлением. В настоящее время батюшка тяжело болен. Изданы многочисленные сборники проповедей.

Протоиерей ДИМИТРИЙ СМИРНОВ – настоятель храмов Благовещения Пресвятой Богородицы, Свт. Митрофана Воронежского, Свт. Николая в Заяицком и др. Председатель Синодального Отдела Московского Патриархата по взаимодействию с Вооруженными Силами и правоохранительными учреждениями. Известный проповедник. Изданы несколько сборников проповедей и многочисленные статьи. Проповеди отца Димитрия публиковались также в предыдущих этому сборниках нашего издательства «Путь покаяния», «Свет будущей жизни» и др.

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА I	
О СТРАХАХ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА	5
Протоиерей Валериан Кречетов	
О страхе Божиим и страхах вражьих	7
Архиепископ Иоанн (Шаховской)	
Агония одиночества	
(пневматология страха)	21
Старец Паисий Святогорец	
О борьбе против помыслов	59
О доверии помыслу	61
Доверие помыслу приводит	
к душевным болезням	61
Причуды начинаются с помысла	64
Больные собственным воображением	68
О борьбе против помыслов	76
Воздвливание добрых помыслов	81
Очищение ума и сердца	83
Ставьте вопросительные знаки	
после помыслов подозрительности	85
Собеседование с помыслами	89
Сосложение с помыслом	91
ГЛАВА II	
ПРЕОДОЛЕНИЕ БОЯЗЛИВОСТИ	93
Николай Евграфович Пестов	
Преодоление боязливости и мужество	95
Собранность и мысли	
христианина	97
Страх Господень	97
Преодоление боязливости и мужество	102

Отрыв человека от источника жизни – Бога, соприкосновение его с космосом темных сил и последствия этого	107
Сатана и темные силы	107
<i>Приложения:</i>	
Из бесед архимандрита Бориса Холчева	115
Почему попущено Богом существование темных сил?	118
Протоиерей Дмитрий Смирнов	
Не будь неверен, но верен	121
ГЛАВА III	
ПРОТИВ СТРАХА ПЕРЕД СТРАДАНИЕМ	135
Архимандрит Иоанн (Крестьянкин)	
Страдание	137
Епископ Варнава (Беляев)	
Очистительное действие страданий	141
Архимандрит Кирилл (Павлов)	
О страдании и терпении	153
Протоиерей Дмитрий Смирнов	
О готовности пострадать	163
ГЛАВА IV	
ПРИЗОВИ МЕНЯ В ДЕНЬ СКОРБИ	175
Протоиерей Дмитрий Смирнов	
Найдите покой душам вашим	177
Архимандрит Кирилл (Павлов)	
О хождении по водам Спасителя	187
Архимандрит Алексей (Поликарпов)	
Слово к читателю	195
<i>Примечания</i>	198
<i>Об авторах</i>	201

**О СТРАХАХ
СОВРЕМЕННОГО
ЧЕЛОВЕКА**

ИЗДАНИЕ ДАНИЛОВА СТАВРОПИГИАЛЬНОГО
МУЖСКОГО МОНАСТЫРЯ г. МОСКВЫ

Цензор архимандрит *Лука (ПИНАЕВ)*

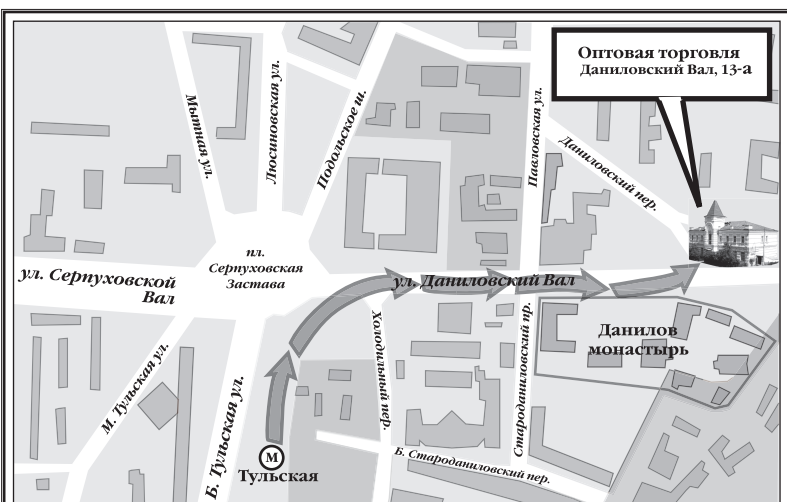
Директор Издательства *Сергий ДУБИНКИН*
Главный редактор Издательства *Владимир МАЛЯГИН*

Редактор-составитель *Татiana ПЕТРОВА*
Художник *Александр ГРИГОРЬЕВ*
Макет *Ольга ГРИШИНА*
Компьютерный дизайн *Димитрий КЛЫГИН*
Компьютерная верстка *Ольга КУЛАГИНА*
Корректоры *Анна ШЕЛЁВА, Елена СВИНЦОВА*
Компьютерный набор *Татiana БОЖЕВОЛЬНОВА*

Лицензия ЛР № 030571 от 20 октября 1998 г.
Подписано в печать 25.06.2010 г.
Формат 60×90^{1/16}, Печ. л. 13,0. Тираж 15 000 экз.
Заказ № 1641

Издательство «ДАНИЛОВСКИЙ БЛАГОВЕСТНИК»
115191, Москва, ул. Даниловский Вал, 20

Отпечатано в ОАО «Типография «НОВОСТИ»
105005, Москва, ул. Фр. Энгельса, 46

ОТДЕЛ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ИЗДАНИЙ

Данилова монастыря предлагает:

Более 1200 наименований книг православных издательств, в том числе книги издательства Данилова монастыря «Даниловский благовестник», богослужебную литературу, календари, подарочные издания, аудио- и видеопродукцию.

У нас вы можете сделать предварительный заказ на **оптовую** поставку необходимой вам продукции по телефону, факсу или электронной почте.

Крупнооптовым покупателям высылаем полный каталог по факсу или почтой.

При необходимости обеспечиваем доставку книг железной дорогой, автотранспортом, бесплатную доставку на любой ж/д вокзал Москвы.

По вопросам приобретения **одного** или **нескольких** экземпляров книг или дисков убедительная просьба обращаться в **розничную** торговлю монастыря.

Адреса:

Розничная торговля: Москва, ул. Даниловский Вал, д. 22, в стене монастыря, в храме Преподобного Серафима Саровского.

Телефон: (495) 955-67-07.

Часы работы: 8.00–20.00 без выходных.

Отдел распространения изданий: Москва, ул. Даниловский Вал, 13-а, двухэтажное желтое здание напротив Святых врат монастыря.

Телефон: (495) 958-57-89; **факс:** (495) 952-80-59

E-mail: opt@msdm.ru **http://www.msdm.ru**

Проезд: ст. м. «Тульская», 7 мин. пешком или трам. 3, 35, 38, 39, А до остановки «Данилов монастырь».

Часы работы: 9.15–17.30

кроме субботних, воскресных и праздничных дней.

Дирекция Издательства: Москва, ул. Даниловский Вал, 10/12, офис 215

Телефоны: (495) 237-40-54, 236-30-87, 237-64-25

E-mail: blago@msdm.ru